

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

В. П. Городнов, А. В. Никифоров

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАЛЕХ

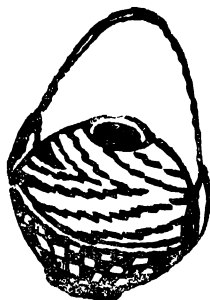

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения
Институт Африки
Сомалийская экспедиция

В.П.Городнов, А.В.Никифоров

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В ТАЛЕХ**

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель),
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Н. А. Симония

Ответственный редактор
и автор послесловия
Е. С. Шерр

Фото авторов

Городнов В. П., Никифоров А. В.

Г 70 Путешествие в Талех. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.

144 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»).

Участники советско-сомалийской научной экспедиции 1971 г. в Сомали рассказывают в этой книге о посещении исторических памятников, связанных с восстанием Мохаммеда Абдуллы Хасана, о жизни и быте этой страны, о ее людях.

91 (И6)

Г 20901-075
013(02)-76 — БЗ-71-9-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

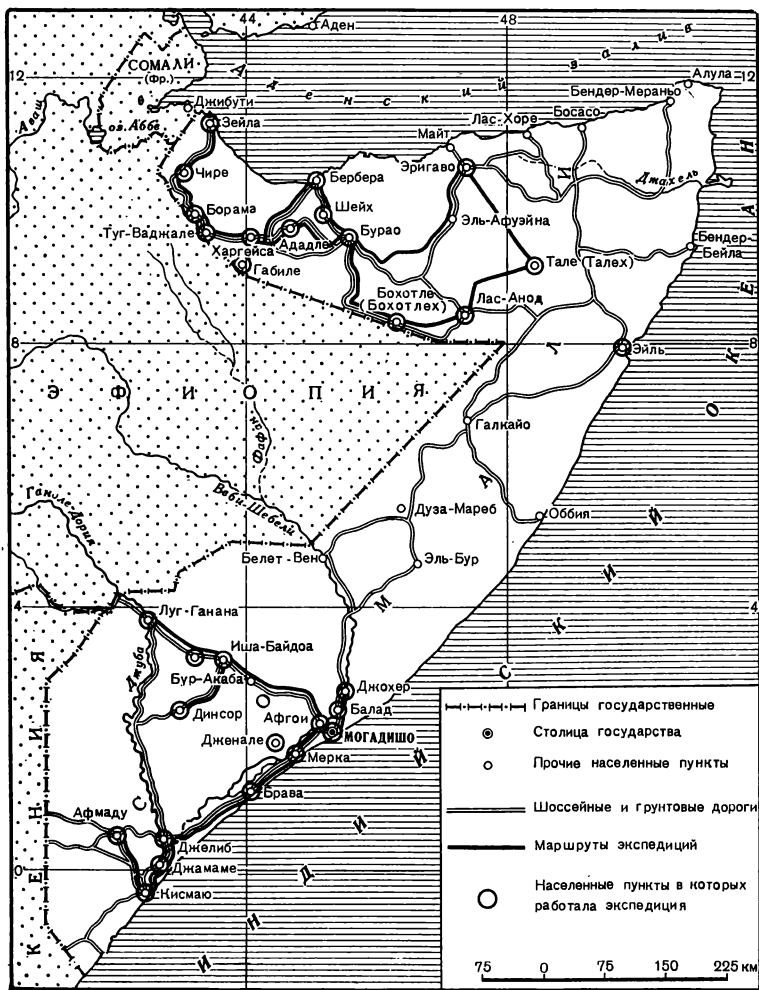
*Посвящается нашим
сомалийским
коллегам
по экспедиции*

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ

Экспедиция в Сомали подготавливалась очень долго. Настолько долго, что некоторые скептики из Института Африки вообще перестали принимать ее всерьез, а юмористы из стенной газеты получили объект для нескончаемых шуток. За это время даже списали пришедший в негодность грузовик, предназначавшийся для экспедиции и длительное время ржавевший во дворе института. Кстати, как оказалось впоследствии, то, что мы от него избавились, облегчило наше пребывание в Сомали. В условиях ужасающего бездорожья Северного Сомали этот грузовик долго бы не продержался и подвел бы нас в самый неподходящий момент.

Организовать научную экспедицию для изучения истории национально-освободительной борьбы сомалийского народа предложил еще в начале шестидесятых годов известный советский африканист С. Р. Смирнов. В 1963 году он побывал в Сомали, где заручился поддержкой видного сомалийского просветителя Мусы Галаала и некоторых официальных лиц. Предложение об организации такой экспедиции прямо соответствовало духу и букве соглашения о развитии научных и культурных связей, заключенного между СССР и Сомалийской Республикой¹. Однако, как сказано выше, практическое решение проблем, связанных с организацией экспедиции, затянулось. К сожалению, не дожидаясь экспедиции ее инициатор и вдохновитель — Сергей Руфович Смирнов, скончавшийся в 1969 году.

¹ Нынешнее официальное название страны — Сомалийская Демократическая Республика (СДР).

Причин того, что сборы экспедиции так затянулись, было много, и, пожалуй, одна из наиболее серьезных — политическое положение в самом Сомали. Несмотря на договоренность об организации совместной советско-сомалийской исторической экспедиции, сомалийская сторона явно не торопилась переходить от слов к делу.

Так было до конца 1969 года, точнее, до 21 октября 1969 года, когда прогрессивно настроенные офицеры сомалийской армии во главе с генерал-майором Мохамедом Сиадом Барре совершили революционный переворот и свергли вконец деградировавший и погрязший в коррупции режим.

Это событие имело прямое отношение к нашей экспедиции. Появилась надежда, что дело сдвинется с мертвой точки. Конечно, у Верховного революционного совета (ВРС) — высшего государственного органа Сомалийской Демократической Республики — были дела более важные и неотложные, чем наша экспедиция. Но уже в 1970 году стало ясно, что она состоится, и состоится скоро. И действительно, в июле 1971 года экспедиция в составе пятерых советских и двух сомалийских ученых начала работу в Сомали.

Сомалийская Демократическая Республика расположена на так называемом Африканском роге, острие которого — мыс Гвардафуй известен многим еще по школьному учебнику географии как вторая после мыса Хафун крайняя восточная точка Африканского континента.

Страна довольно большая: ее территория — шестьсот сорок тысяч квадратных километров — больше Англии, Италии и Португалии, вместе взятых. Население же крайне немногочисленно, даже меньше трех миллионов человек (по оценке 1973 года). По-видимому, неблагоприятные климатические и почвенные условия во многих районах страны сыграли известную роль в том, что в Сомали сравнительно мало жителей.

Все, кто писал о Сомали — путешественники, исследователи, журналисты, — неизменно подчеркивали скудость его природных ресурсов и как следствие этого — бедность населения. Действительно, если судить по доходу на душу населения — а этот показатель обычно выдвигался как главный довод, — то Сомали неизменно оказывалось в замыкающем ряду африканских стран. Создавалось представление о стране, лишенной внутренних источников развития, и это долгое время служило оправданием колониального господства итальянцев и англичан. Как всегда, следствие выдавалось за причину. А так ли уж бедна сомалийская земля?

Статистика свидетельствует: Сомали занимает одно из первых мест в Африке по количеству скота на душу

населения. В стране свыше десяти миллионов голов скота, из которых почти три миллиона — крупный рогатый скот, два с половиной миллиона — верблюды и около пяти с половиной миллионов — овцы и козы. Беда в том, что хозяйства, в которых сосредоточивалось такое количество скота, являлись в основном натуральными, большинство населения вело кочевой образ жизни, и его вклад в общенациональную экономику был невелик.

Говорят, что Сомали бедно земельными ресурсами, пригодными для земледелия. Да, Сомали не повезло: по сравнению с некоторыми странами Тропической Африки большая часть его территории представляет собой засушливые области с минимальным количеством осадков. Только одна восьмая часть общей площади — восемь миллионов гектаров — пригодна для земледелия, но и из нее возделывается лишь пять процентов. При условии орошения двести сорок тысяч гектаров могут давать высокие урожаи, но в действительности орошаются только сорок тысяч.

В свое время итальянцы отвели под банановые плантации пятьдесят тысяч гектаров, но использовали всего лишь десять тысяч. Остальная территория так и осталась нерасчищенной саванной, которую итальянцы и сами не обрабатывали, и не разрешали обрабатывать сомалийцам.

В последние несколько лет советские геологи открыли в Сомали перспективные рудопроявления и даже месторождения полезных ископаемых, некоторые из них в будущем могут стать основой горнодобывающей промышленности. А ведь итальянцы утверждали, что в Сомали нет сколько-нибудь значительных запасов минерального сырья, и, по существу, не искали его.

Парадоксально, но факт: Сомали — морская страна, ее береговая линия протянулась на три тысячи километров, а промышленное рыболовство отсутствовало совсем, если не считать незначительного лова, который вело население нескольких рыбацких поселков, разбросанных вдоль побережья Индийского океана и Аденского залива.

В стране почти отсутствовала какая-либо промышленность, за исключением сахарного завода в Джохере. В связи с этим вспоминается беседа с президентом ВРС

Сомали Мохамедом Сиадом Барре, которая состоялась примерно через месяц после нашего приезда. Президент сказал: «Мы считаем, что наша страна богата. Богата скотом, сельскохозяйственными и минеральными ресурсами; способными людьми, которые могут эксплуатировать все эти богатства. Это уникальная страна, где снимают по три урожая в год. Учитывая это, мы считаем, что Сомали может выжить. Двадцать два месяца, прошедших после революции, уже дали конкретные результаты. Революционные завоевания предоставляют нам возможность мобилизовать население, ориентировать его на подъем жизненного уровня, объединить ум, руки и средства народа».

Таким образом, не бедность была характерной чертой Сомали, а неразвитость его экономики, явившаяся следствием колониального господства европейцев.

Конкретные результаты первых шагов революции, о которых говорил Мохамед Сиад Барре, действительно уже налицо. С помощью СССР в Сомали построены и хорошо работают молочный завод в Могадишо, мясокомбинат в Кисмаю, рыбоконсервный завод в Лас-Хоре, порт в Бербере.

Работает текстильная фабрика в Баладе. С помощью СССР начинается строительство плотины, гидроэлектростанции и оросительной системы в Фаноле, что позволит оросить значительные земельные площади в среднем течении Джубы. С 1974 года развернулось кооперативное строительство в сельской местности.

Одной из задач нашей экспедиции было проследить, как отражаются проводимые ныне социально-экономические преобразования на общем социальном развитии страны.

Сомали — страна с богатой и давней историей. На территории Африканского рога человек появился в глубокой древности. Найденные здесь кремневые орудия несомненно относятся к эпохе палеолита. Несколько таких обработанных кремневых пластинок нашли и мы вблизи города Харгейса на севере Сомали.

Многие историки предполагают, что страной Пунт, известной древним египтянам уже со времен IV династии (примерно 2900 годы до н. э.), было северное побережье Сомали. На протяжении почти трех тысячелетий до нашей эры фараоны Египта регулярно снаряжа-

ли морские экспедиции в Страну Бога, то есть Пунт, и вывозили оттуда черное дерево, слоновую кость, благовония, золото, ладан, шкуры леопардов, рабов и т. д.

Древние финикийцы, которые неоднократно посещали берега Сомали, называли его Страной Благовоний; горные склоны Северного Сомали до сих пор богаты деревьями, выделяющими ароматические смолы, из которых приготавливаются различные благовония, всегда пользовавшиеся широким спросом на Востоке.

В раннее средневековье устанавливаются тесные связи Сомали со странами бассейна Индийского океана — Аравией, Персией, Индией. В это же время китайские купцы впервые достигают берегов Сомали и ведут торговлю с прибрежными портами: Берберой, Зейлой, Меркой, Могадишо.

В девятом веке арабские торговцы, поселившиеся в торговых городах Сомали, принесли с собой ислам, и с этого времени он быстро распространяется среди сомалийцев. А уже в четырнадцатом веке на севере Сомали образовалось несколько сомалийских мусульманских султанатов. Наиболее известный из них, султанат Адаль, вел успешную борьбу против португальцев, первых европейских колонизаторов, появившихся в Африке.

Однако сомалийцы не могли долго противостоять натиску чужеземных завоевателей, постепенно оккупировавших прибрежные области Сомали. В семнадцатом веке южное побережье Сомали вдоль Индийского океана с городами-портами Меркой, Бравой, Могадишо попало в зависимость от султана Омана, а северное побережье с городами Зейлой, Булхаром, Берберой — в зависимость от Египта, который в это время находился под властью турок. Так продолжалось до второй половины девятнадцатого века, когда в результате начавшегося империалистического раздела Африки и борьбы трех европейских стран — Англии, Франции и Италии за Северо-Восточную Африку северная часть Сомали попала в зависимость от Англии и стала называться «Сомалиленд», а южная — под власть Италии, которая назвала свою колонию «Сомалия». Часть территории, населенной сомалийскими племенами афар и исса, отошла к Франции (Французский берег Сомали). Так сомалийский народ, представлявший к этому времени ис-

ключительную в условиях Тропической Африки единую этническую и антропологическую общность, был разделен и поработен тремя империалистическими державами.

В непрекращавшейся освободительной борьбе против иноземных захватчиков особое место занимает восстание под руководством Мохаммеда Абдуллы Хасана², продолжавшееся с 1899 по 1920 год. Это восстание, стоящее в ряду крупнейших антиколониальных движений в Африке, явилось одним из основных объектов наших полевых исследовательских работ в Сомали.

Почти все работы западных историков о восстании, и особенно о его руководителе, написаны с явно проколониалистских позиций и на основе документов английских и итальянских колониальных властей. Буржуазные историки не пожалели черных красок для Мохаммеда Абдуллы Хасана, изображая его жестоким бандитом и безумцем.

Естественно, что такой подход не имел ничего общего с подлинной историей. Сомалийцы же, завоевавшие свободу и независимость, чему в немалой степени способствовало восстание 1899—1920 годов, тем более не могли примириться с подобной оценкой своего национального героя.

Поэтому программа работ нашей экспедиции предусматривала посещение мест, где проходило восстание, с целью найти его участников и очевидцев и попытаться воссоздать подлинную, объективную картину событий освободительной борьбы сомалийцев в начале двадцатого века.

Разместившись в до отказа заполненном пассажирами ИЛ-18, наконец-то летим в Сомали. В самолете проводим вечер, ночь и еще полдня. В пути три остановки: Каир, Ходейда и Аден.

В Каире самолет приземляется глубокой ночью, но жизнь здесь не затихает ни на минуту. Каирский аэропорт — один из крупнейших перекрестков международных авиалиний, и самолеты самых различных типов то

² Существуют различия в написании этого имени. Авторы взяли традиционное и наиболее распространенное, в основе которого лежит арабская транскрипция.

и дело взлетают и приземляются здесь. В залах ожидания разноязыкая и непрерывно меняющаяся толпа пассажиров, настоящий калейдоскоп, в котором перемешались Восток и Запад.

Через час мы снова в воздухе. Светает почти мгновенно. На востоке разгорается огромное зарево восходящего солнца, которое быстро выплывает из-за горизонта и сразу же освещает небо и землю. Самолет летит над Красным морем, слева видна Азия, справа — Африка. Десять лет назад одному из авторов этих строк довелось лететь в Сомали, но тогда на водной глади Красного моря были видны десятки кораблей, похожих сверху на жуков-водомеров, за которыми длинными усиками расходились волны. А сейчас водная гладь пуста. Ни одного судна. Таковы плоды израильской агрессии против Египта: Суэцкий канал закрыт, и мореплаватели, идущие из Европы в Азию и обратно, вынуждены затрачивать значительно больше времени и горючего, огибая Африканский континент.

Ходейда встречает нас поистине аравийским зноем: всего лишь восемь часов утра, а термометр показывает более тридцати градусов выше нуля по Цельсию в тени. Аэропорта, как такового, здесь нет, — прямо в пустыне проложена одна взлетная полоса. Город находится где-то в стороне, за песчаными барханами его не видно, и создается впечатление вынужденной посадки. Кажется, что вот-вот из-за песчаного бархана появится Маленький принц и начнется прекрасная сказка, ставшая реальностью. Но вместо принца откуда-то появляется джип, затем наша советская «Волга», и постепенно взлетная полоса заполняется людьми, прибывшими встречать очередной рейс самолета Аэрофлота. Среди встречающих — наши соотечественники, работающие в Йемене; арабы-йеменцы — невысокие смуглые парни в военных куртках цвета хаки, на голове — чалма, вместо брюк — обвязанный вокруг бедер кусок материи с широким матерчатым поясом, сбоку — длинный кинжал — *джамбия*.

Последняя посадка перед Могадишо — Аден. Город хорошо просматривается с высоты. Он небольшой, расположен прямо на берегу Аденского залива и с севера окружен сильно изрезанными остроконечными невысокими горами.

На аденском аэродроме тоже заметны перемены последних лет. Не видно самолетов с опознавательными знаками британских военно-воздушных сил, зато стоят самолеты с яркими эмблемами национальной авиакомпании Народной Демократической Республики Йемен. Ушли в прошлое времена, когда Аден был военной базой британских колонизаторов, дававшей им возможность держать под своим контролем районы Южной Аравии, Персидского залива и Восточной Африки. Ныне Аден из плацдарма колониализма превратился в оплот антиимпериалистической освободительной борьбы.

Самолет снова летит над Африкой. После двухчасового полета над красновато-желтыми, выжженными солнцем просторами Сомали наш ИЛ-18 снижается над Могадишо.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ... В МОГАДИШО

Могадишо — столица Сомали, расположенная в пятистах километрах к северу от экватора. Это конечный пункт нашего перелета из Москвы и начальный пункт, своего рода плацдарм, последующего путешествия в северную часть страны. Именно там находится Талех — один из главных объектов, которые должна изучить наша экспедиция. Но вот когда и как мы туда доберемся, во многом будет зависеть от того, как пойдут у нас дела в Могадишо.

А пока наш ИЛ-18 заходит на посадку со стороны Индийского океана. Взлетно-посадочная полоса проложена чуть ли не по берегу, и самолет последние метры летит над самой водой. Можно подумать, что он садится на воду. Но мы уже знакомы с особенностями посадки в Могадишо.

Выходим из самолета и вместо ожидаемой полуденной жары ощущаем почти московскую температуру середины лета — плюс двадцать семь градусов по Цельсию. Вспоминаем палящий зной Ходейды и облегченно вздыхаем. Дожди весеннего сезона *гу* принесли в Сомали прохладу.

Сразу же замечаем новое здание международного

аэропорта, которого не было раньше, сравнительно небольшое, но достаточно просторное и удобное.

К нам подходит худощавый высокий сомалиец и на чистейшем русском языке говорит:

— Здравствуйте! Вы из Москвы, экспедиция?

В ответ мы пытаемся произнести приветствия по-сомалийски, но у нас получается хуже. Ахмед Артан — так зовут молодого сомалийца — смеется:

— Я же закончил филологический факультет МГУ. Давайте говорить по-русски. У нас теперь многие знают язык Ленина.

В правоте этих слов мы неоднократно убеждались в последующие пять месяцев, находясь в самых отдаленных уголках Сомали. А однажды были даже свидетелями того, как в городе Харгейса корейцы, приехавшие в Сомали для изучения возможности строительства цементного завода, объяснялись с сомалийцами... по-русски.

— Нет, я не член вашей экспедиции, — отвечает на наш вопрос Ахмед Артан. — Я работаю в министерстве образования и только встречаю вас. А сомалийские участники экспедиции еще не определены.

Жаль. Уж очень понравился нам и сам он, и его русская речь.

— А может, назначат вас?

— Вряд ли. Видите ли, я очень занят сейчас в комитете по разработке сомалийской письменности, а также подготовкой учебников.

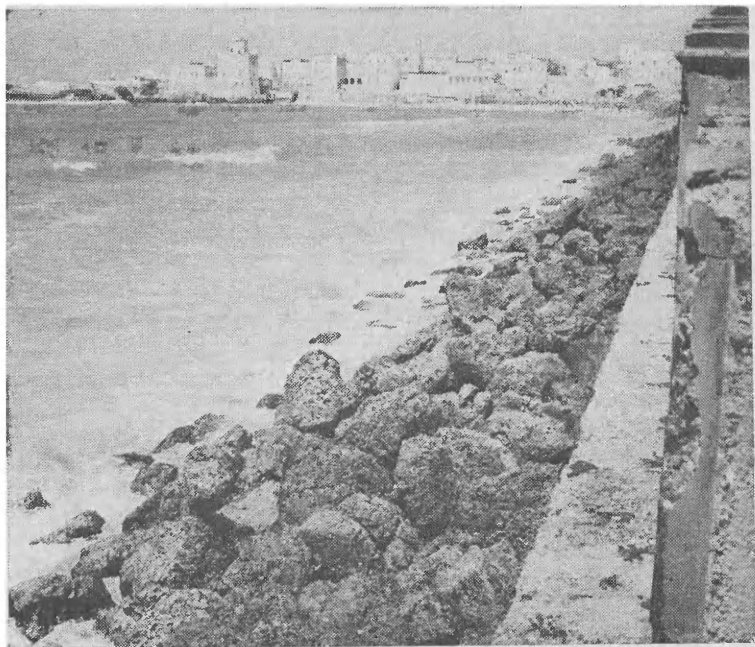
Итак, мы в Могадишо.

Если говорить о первом впечатлении, то прежде всего поражает цветовая гамма города. Она складывается из трех основных цветов — синего, белого, зеленого. Синий цвет — это океан, присутствие которого ощущаешь все время, даже если непосредственно его не видишь, белый цвет — сам город с его зданиями и мечетями и, наконец, зеленый — деревья и сады, которые окружают почти каждый дом в центральной части Могадишо. Сочетание этих цветов придает городу неповторимую красоту. Со стороны океана Могадишо выглядит прекрасным островом, который вдруг возникает из волн. Вероятно, такое впечатление он произвел на первых европейцев, появившихся у его берегов в пятнадцатом веке. А начало истории Могадишо восходит к девятому

веку. В двенадцатом — тринадцатом веках Могадишо стал крупным центром международной торговли на африканском побережье. Отсюда вывозились во многие страны Востока слоновая кость, шкуры диких животных, ароматические смолы. Могадишо вел оживленную торговлю с Персией и Китаем, ввозил знаменитый китайский фарфор эпохи Сун и Мин. В этот период Могадишо чеканил собственную монету. В городе жили и поселенцы — выходцы из Персии и Аравии. Приход португальцев в пятнадцатом веке расстроил налаженную веками торговлю. Занимаясь грабежом и пиратством вдоль восточноафриканского побережья, португальцы несколько раз пытались овладеть Могадишо, но безуспешно. Лишь в девятнадцатом веке султан Омана, подчинивший Занзибар, установил вассалитет над Могадишо. Однако это мало повлияло на внутреннюю жизнь города: по-прежнему процветали ремесла, велась торговля ладаном, миррой, шкурами — традиционными товарами сомалийского экспорта. Мало интересуясь сомалийским побережьем, султан Занзибара сначала сдал в аренду, а затем и продал территорию города итальянским компаниям, которые постепенно прибирали к рукам все побережье Сомали со стороны Индийского океана. В 1905 году итальянское правительство установило прямой контроль над всей областью, называвшейся тогда «Территория Бенадир», которая и послужила основой итальянской колонии.

Сейчас Могадишо — один из красивейших городов восточноафриканского побережья. Как все восточные города, он делится на старый и новый город. Старый город состоит в основном из арабских кварталов с узкими улочками, множеством лавочек и мастерских. Когда-то эта часть города называлась Хамар. До сих пор многие сомалийцы называют Хамаром весь Могадишо.

Естественно, что нас как историков влекла именно эта часть города, и первое знакомство мы начали с нее. В лабиринтах старого города нетрудно и заблудиться. Чего и кого здесь только нет! Всевозможные магазинчики, лавочки, цирюльни, ювелирные мастерские... Повсюду снуют разносчики товаров, мальчишки, предлагающие земляные орехи, фигурки из дерева и назойливо навязывающие свой товар, пока что-нибудь у них

Вид с океана на самый старый квартал Могадишо

не купишь. Это скопление не только старых строений, лотков, повозок, но и людей. Уму непостижимо, как в этих переулках умудряются лавировать автомобили различных марок. Старый город имеет и свой специфический запах, знакомый каждому, кто бывал на Востоке,— запах тропических плодов и растений, уличной пыли, настоенный на духоте узких каменных переулков. Неожиданно нас поражают надписи: магазин «Москва», парикмахерская «Москва», магазин «Украина». Заходим в «Украину», тем более что вывеска написана по-русски. И вдруг слышим от продавца-сомалийца: «Здоровеньки булы!».

На границе старого и нового города находится одна из древнейших мечетей города — Фахр-эд-Дин, построенная в 1269 году. Древнее этой мечети в Могадишо лишь одно сооружение — минарет мечети шейха Абдул-

азиза, построенный, как утверждают историки, тысяча двести лет тому назад. Мечеть Фахр-эд-Дин построена арабами и представляет собой памятник арабской средневековой мусульманской архитектуры, тогда как минарет мечети шейха Абдулазиза — редчайший памятник раннего персидского мусульманского зодчества на африканском побережье Индийского океана. Персы значительно раньше арабов были знакомы с сомалийским побережьем, и само название Могадишо восходит к персидскому «Мехд-е шах», что означает «Резиденция шаха». На облике города отразилось влияние и других архитектурных стилей Востока — в старой части города, например, возвышается своеобразный минарет пакистанской мечети.

На первый взгляд в Могадишо мало что изменилось с тех пор, как мы здесь были. По-прежнему над городом возвышается громада католического собора, а недалеко от него — изящная башенка мечети Фахр-эд-Дин. Ближе к берегу океана — «Гареза», стройное здание бывшей резиденции наместника занзибарского султана Саида Сулеймана, некогда правившего в Сомали, а ныне — Национальный исторический музей. Построено оно в семидесятых годах прошлого века. Здание отличается великолепной внутренней и внешней отделкой, над которой работали лучшие арабские и сомалийские мастера того времени. За красоту и изящество здание получило название «Гареза», от искаженного арабского слова «касп» — «дворец». Сомалийцы до сих пор называют музей «Гарезой».

В «Гарезе» тишина, посетителей почти нет. В передней части музея — дворик с красивым, но, увы, бездействующим фонтанчиком. И кругом резьба — по камню, по дереву, по металлу... Входные чугунные узорчатые двери поражают замечательным орнаментом. Их отлили сто семьдесят лет назад, и они украшали дворец султана Миджуртини (на северо-востоке Сомали) до 1924 года, когда итальянские военные корабли обстреляли и разрушили дворец султана, а дворцовые двери в качестве трофея привезли в Могадишо. Около ручки двери стучалка: число ее ударов было своего рода паролем, и за его незнание чужак мог поплатиться головой.

Древнейшие экспонаты музея отражают влияние

Минарет мечети в Могадишо

Персии на сомалийском побережье. Они относятся к десятому веку — времени расцвета этого государства Среднего Востока. В музее представлены оригинальное оружие, керамика, декорированные мраморные плиты персидского происхождения. Период утверждения ислама на сомалийском побережье отражают надписи на могильных плитах седьмого-одиннадцатого веков, а так-

же богатая коллекция монет Южной Аравии, Персии и других стран Востока. На некоторых из них выбиты имена правителей этих стран и местных сомалийских султанов.

Этнографический раздел музея содержит коллекции вещей, одежды, оружия, предметы хозяйства сомалийских кочевников и земледельцев, а также различные изделия сомалийских ремесленников. Всего в музее свыше пяти тысяч экспонатов.

Здесь же, в «Гарезе», в нескольких комнатах размещается и национальная библиотека, где хозяйничает симпатичный Абдиллахи, совмещающий в своем лице всех служащих, от директора до библиотекаря. Это, пожалуй, наиболее посещаемое место в «Гарезе». Книги в основном старые, большинство на итальянском языке.

Перед входом в музей, как и раньше, посетителей встречают две старинные пушки. Только вот из двух пальм, стоявших у входа десять лет назад, осталась одна. Осиротела пальма. И совсем рядом — Индийский океан. Для него десять лет — ничтожный миг.

Но вот и новинки. Новая дорога от аэропорта, обсаженная тоненькими деревцами, похожими больше на прутьки. Каждый «прутик» надежно защищен от прожорливых коз оградой. А склоны песчаных холмов, нависающих над дорогой, усажены кактусами с тем, чтобы остановить наступление песков.

Появились тротуары, правда, пока на главных улицах. Это знаменательно. В прежние времена тротуары не нужны были колонизаторам, которые передвигались только в автомобилях. А сомалийцы — они, дескать, и по песку ходят. Теперь — иначе.

На стенах домов — какие-то желтые стрелы. Оказывается, идет подготовка к строительству городского водопровода, и стрелы — направление будущих водных коммуникаций. Это уже весьма существенно. Обеспечение водой — острейшая проблема на Востоке, а в Сомали особенно.

Размещаемся мы пока в гостинице «Шебели». «Шебели» — название одной из двух главных рек Сомали. Вторая — Джуба. Кстати, «Джубой» называлась гостиница, в которой мы жили в 1961 году. Года два назад «Джуба» сгорела, и сейчас на ее месте строят новую гостиницу, которая, говорят, будет еще лучше. То, что

две единственные большие гостиницы носят названия рек, не случайно. Это свидетельство того, как важна вода для засушливого, знойного Сомали.

В гостинице, конечно, удобно, но придется подыскивать какое-то иное жилье, ибо нам нужны еще помещения для работы, да и экспедиционное имущество здесь не разместишь...

Вечером идем в театр.

Здание театра — современной архитектуры (построено в 1968 году), с залом на полторы тысячи мест. Показывают пьесу сомалийского автора Али Османа «Дрока»³, которая называется «Жена да не изменит своему мужу». Спектакль идет на сомалийском языке, и мы, естественно, беспокоились, пойдем ли что-нибудь. Опасения оказались напрасными. Симпатичный парень, сидевший сзади, узнав, кто мы, с явным удовольствием переводил реплики актеров на английский язык.

Спектакль продолжался три с половиной часа без антракта, но в перерыве между актами давали музыкальные интермедии и даже выступали комики, так что получился своеобразный концерт. Зал был почти полон, в основном молодежью, которая бурно и восторженно реагировала на то, что происходило на сцене. Чувствовалось, что темы любви, брака, ревности, морали остро всех волнуют.

Этой же теме посвящен и недавно вышедший роман одного из немногих сомалийских писателей — Нуруддина Фараха. Главная героиня его романа «Из кривого ребра», сомалийская девушка Эбла, бежит из своей семьи, будучи не в силах мириться с традиционными, консервативными обычаями, низводящими женщину до положения бессловесной рабыни.

Возвращаясь поздно вечером в гостиницу, мы наблюдали красочную процессию. Навстречу нам шла огромная толпа поющих мужчин с длинными палками. Хотя настроение у толпы было явно праздничное, мы сначала почувствовали себя не очень уютно.

Оказывается, мужчины с палками, которых сопровождали визжавшие от восторга ребяташки и женщины в ярких платьях, также распевавшие песни, возвраща-

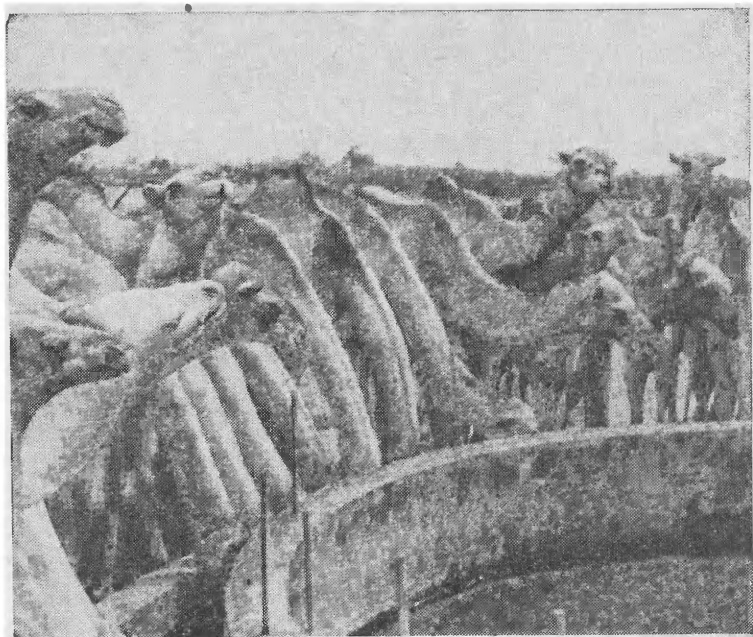
³ Имя, взятое в кавычки, — прозвище. Обычно у сомалийцев первое имя — собственное, второе — имя отца, а третье — имя деда. Нередко прозвище становится, по сути дела, основным именем человека,

лись с праздника *истунка* из города Афгой, что в тридцати километрах от Могадишо. Это традиционный палочный бой, что-то вроде наших стародавних кулачных боев. С каждой стороны обычно участвует по несколько десятков бойцов. Палки, конечно, быстро ломаются, поэтому у каждого бойца есть оруженосец, точнее, палконосец — девушка, которая держит несколько запасных палок и передает по мере надобности сражающемуся. Этот обычай восходит, вероятно, к далекому прошлому, когда кочевники пытались отбирать у земледельцев собранный урожай. Все это происходило после уборки урожая и совпадало с празднованием Нового года по лунному календарю. Очевидно, в ежегодных трехдневных праздниках, проводимых в Афгое, живут воспоминания о настоящих, а не игровых боях.

На следующий день мы прочли в газетах, что истунка будет проводиться и впредь, но палки будут тошше. Трудно что-либо возразить против такого решения властей, тем более что даже игровые бои нередко приводят к увечьям.

Несколько позднее мы побывали в Афгое, который известен в Сомали не только традиционными палочными боями. Афгой — сельскохозяйственный центр провинции Бенадир, своего рода житница страны. В окрестностях этого небольшого города, расположенного на берегу Веби-Шебели, находятся банановые плантации, поля дурры и сорго. Афгой славится и своими рынками по торговле скотом. Город связан с Могадишо асфальтированным шоссе, которое идет далее в Иша-Байдоа, центр провинции Верхняя Джуба. Вдоль дороги нескончаемой цепью тянутся в сторону Афгой в сопровождении погонщиков стада овец, коз, коров, изредка верблюдов. В Афгое не только большой рынок скота, там всегда есть вода, чтобы напоить скот, а это, пожалуй, самое важное, что влечет сюда сомалийских кочевников из близлежащих районов.

Верблюды идут вдоль дороги спокойно, важно, в отличие от остальных животных, которые то и дело забредают в густой колючий кустарник, осторожно общипывая с него зеленые мелкие листья. Уследить за ними очень трудно, и нужно иметь быстрые ноги, чтобы периодически делать «челноки» от животного, возглавляющего стадо, до замыкающего его. У пастуха в помощни-

Верблюды на водопое

как подпаски — шустрые мальчуганы лет восьми-десяти. Пастух и подпаски проделывают весь путь до Афгоя почти бегом, а вечером, после того как животные вполне утолят жажду, в таком же темпе возвращаются обратно. Можно лишь удивляться выносливости и скорости взрослых и юных погонщиков.

Сомалийцы не используют собак для выпаса скота, как это делают многие другие скотоводческие народы.

Весь путь до Афгоя занял у нас не более получаса. Издалека заметив небольшие строения, скрытые в темной зелени больших, раскидистых деревьев, мы сначала подумали, что перед нами поселок. Одноэтажные строения, замаскированные высокими деревьями, делают город почти невидимым издалека. Миновав мост, перекинутый через не слишком широкую Веби-Шебели, мы сразу оказываемся на просторной площади, заполненной шумной толпой. Здесь же стада овец, коз и коров.

Это рынок скота. Идет бойкая торговля. Торговцы и покупатели образовали большой круг, в который по очереди выводят по одному животному. Вот молодой бычок, к задней ноге которого привязана длинная веревка. Бычок смешно дергает ногой, стремясь освободиться от пут и убежать. Веревку держит серьезный пожилой человек, не давая бычку покинуть своеобразную арену. А аукционер между тем выкрикивает цену. Конечно, это не тот аукцион, где продаются породистые рысаки и где цепи растут с каждым выкриком аукционера. Здесь сообщается лишь цена, которую просит хозяин животного, и цена эта обычно падает, так как не всегда находится покупатель.

Рынок расположен рядом с водопоем, где тоже выстроилась очередь. Кругом крики, шум, блеяние овец и коз.

Постороннему человеку очень трудно ориентироваться в этой неразберихе. Но здесь каждый знает свое место и свою очередь.

Афгой, как все районные центры в Сомали, невелик. Проживает там всего около тридцати тысяч жителей. На его окраине, за высокой глухой оградой, находится бывшая правительственная резиденция, известная под названием «Вилла Сомалия». Проезжая мимо, мы заметили у входа вооруженных часовых. Резиденция усиленно охраняется, так как в ней содержатся под арестом люди, замешанные в заговоре против революционного режима. Суд над ними ожидался в Могадишо буквально со дня на день.

Осмотрев город и посетив небольшую банановую плантацию, расположенную недалеко от города, мы решили все же побывать на месте, где происходил недавно праздник истунка. Большое поле на берегу Веби-Шебели хранило еще многочисленные следы недавних «боев». Валялись сломанные палки, свежи еще были отпечатки босых ног участников «сражения».

К нам подошла группа сомалийских мальчишек, и, как все мальчишки на свете, они стали осматривать и обсуждать нашу «Волгу». Мы же расспросили их о недавней истунке. В ответ, не тратя лишних слов, они тут же продемонстрировали «палочное фехтование». Размахивали они палками ожесточенно, постепенно все более входя в раж, и, откровенно говоря, нам с трудом уда-

лось остановить эту забаву, грозившую перейти в настоящую драку.

Покинули мы Афгой уже вечером, предварительно поужинав в небольшом открытом ресторанчике, который содержал итальянец. Видимо, чтобы привлечь публику, он давал своим блюдам такие названия, которые, по его мнению, должны привести в восторг посетителей и вызвать желание их отведать. Попались и мы на эту удочку, заказав себе «цыпленка-циника» и «бифштекс по-дьявольски». Но еще более мы были поражены, когда после легкого потрескивания включился магнитофон и мы услышали знаменитое «Вдоль по Питерской» в исполнении М. Магомаева. Узнав, что мы русские, хитрый итальянец предусмотрел и этот сюрприз.

В центре Могадишо — университет. Он был открыт еще в 1956 году, но до 1970 года числился трехгодичным университетским колледжем. Раньше его диплом давал право поступления в зарубежные университеты, теперь же он считается полноценным свидетельством о высшем образовании. В университете девять факультетов, в том числе юридический, экономический, химический, инженерно-механический и сельскохозяйственный. Последний находится в Афгое. Обучается около полутора тысяч студентов. Сомалийских кадров пока не хватает: из шестидесяти преподавателей двадцать пять — иностранцы, в основном итальянцы.

На одной из улиц в центре Могадишо мы обратили внимание на необычное оживление. Дело в том, что была пятница, нерабочий день у мусульман, когда делать что-нибудь считается грехом (практически все сомалийцы — мусульмане, и положения Корана и шариата играют весьма существенную роль в их жизни), а на этой улице кипела работа, причем работали женщины, да еще в нарядных, праздничных платьях.

Оказалось, что проводится «воскресник». Сооружали памятник народной героине Хауа Такко — потому-то женщины и преобладали. Хауа Такко была убита в январе 1948 года во время антиколониальной демонстрации. Памятник, сооружение которого было завершено уже после нашего отъезда из Сомали, представлял со-

бой фигуру Хауа Такко, смертельно раненной дротиком наемника колонизаторов, но все еще зовущей своих товарищей в бой.

Хотя сомалийские женщины — мусульманки, они активно участвовали в борьбе за независимость и сейчас представляют собой весьма действенную общественную и политическую силу. В национальном университете мы встретились с исполнявшей обязанности ректора Фадумой Ахмед Алин. Фадума — филолог по образованию (окончила университет в Неаполе) и, несмотря на то что у нее пятеро детей, причем старшему только семь лет, одна из активных деятельниц сомалийского женского движения.

«После революции наступит время, когда женщинам дадут возможность занять подобающее им место в сомалийском обществе и в руководстве. Мы примем самое активное участие в революционных преобразованиях в нашей стране», — горячо сказала Фадума в заключение нашей беседы.

Если памятник Хауа Такко отражает активную роль сомалийских женщин в освободительном движении, то еще более грандиозный и величественный «Дагахтур» увековечивает борьбу всего сомалийского народа за свободу и независимость: на вершине пятиметровой колонны стоит фигура человека, приготовившегося бросить камень. Слово «Дагахтур» как раз и означает «Бросающий камень». Это памятник сомалийским патриотам, павшим во время антиколониального выступления в октябре 1949 года. Глядя на «Дагахтур», невольно вспоминаешь известную скульптуру Шадра «Булыжник — оружие пролетариата».

Памятник представляет собой целую композицию, включающую площадь и анфиладу колонн, расположенную на склоне холма, с которого открывается вид на город и синеющий за ним океан.

На вершине холма, через дорогу от «Дагахтура», воздвигнуто величественное здание Народного дворца, где проводятся международные конференции, торжественные заседания и другие церемонии. Новое здание — украшение и гордость Могадишо.

На окраинах Могадишо появляются новые кварталы жилых домов. Они не так монументальны, как общественные здания и памятники, но значение этих первых

шагов в жилищном строительстве необычайно велико, так как многие жители Могадिशо еще ютятся в весьма примитивных домиках, которые обычно представляют собой дощатые или глинобитные лачуги без окон — свет проходит через дверь, — с цементным полом, без водопровода и электрического освещения. Это — наследие прошлого, которое постепенно исчезает.

В такую хибарку привел нас художник-самоучка Абди Мухамед, чтобы показать свои рисунки. В небольшой комнатке умещались только две кровати, два стула и стол, весь заставленный банками с красками — рабочее место художника. Абди работал быстро, сноровисто, отработанными приемами накладывая краски на толстый белый картон. В его работе было что-то от ремесленника. Однако результат неожиданно для нас оказался оригинальным и привлекательным. На фоне сумрачного, предзакатного неба вдаль уходил караван навьюченных верблюдов в сопровождении босоногого погонщика с копьем на плече. Картину эту Абди предложил нам, и мы с удовольствием ее купили.

В эти дни газеты Могадिशо много внимания уделяли крэш-программе — программе ускоренного развития сельских местностей. Это начинание молодой республики преследовало две основные цели: привлечь молодежь Сомали, по тем или иным причинам оставшуюся без работы, к общественно полезному труду и тем самым способствовать развитию земледелия в районах, где оно раньше отсутствовало.

Одно такое хозяйство, созданное в рамках крэш-программы, находилось в нескольких десятках километров от Могадिशо. Выбрав подходящий день, мы все вместе отправились туда, чтобы на месте ознакомиться с его организацией.

Нас встретил совсем еще молодой человек, по виду и темпераменту походивший па цыгана.

— Рад вас приветствовать, — сказал он по-русски, и мы еще раз удивились, насколько широко распространен русский язык среди молодых сомалийских специалистов. Хотя удивляться было нечему: согласно официальной статистике, девяносто процентов молодых специалистов с высшим образованием — выпускники советских вузов.

Омар Юсуф, как звали нашего веселого гостеприим-

ного хозяина, в прошлом году закончил Краснодарский сельскохозяйственный институт и теперь работает здесь агрономом.

Хозяйство было организовано в 1970 году, то есть год назад, на базе подсобного армейского хозяйства, существовавшего здесь с 1964 года. До крэш-программы на месте теперешней усадьбы стояло лишь одно строение. Теперь добавились новые постройки.

В трех домах разместилось общежитие для рабочих. В них жили сто тридцать пять человек — вся наличная рабочая сила. Весь контингент рабочих — добровольцы из ближних мест. Но некоторые пришли издалека. Работает в основном молодежь, средний возраст двадцать — двадцать три года. Они получают одежду, обувь, пищу (все бесплатно) и ежедневно по одному шиллингу на карманные расходы. Желающих работать здесь было много. Выдерживался принцип, чтобы на каждого работающего приходилось по одному гектару обрабатываемой земли. Поля — их площадь сто тридцать пять гектаров — находились по ту сторону дороги.

Омар Юсуф пригласил нас осмотреть хозяйство. Мы пересекли шоссе, и у обочины сразу же начались посадки кукурузы, фасоли и хлопка.

— Посадки этих культур распределяются равномерно, — объяснил Юсуф. — Сорок пять гектаров занято кукурузой, столько же — фасолью и столько же — хлопком. Всю продукцию мы сдаем на склады Корпорации сельскохозяйственного развития, отделение которой находится в городе Джохере.

Мы поинтересовались, как организован рабочий день добровольцев.

— Мы стараемся придерживаться строгого распорядка, — ответил Омар Юсуф. — Подъем — в половине шестого утра. Полтора часа отводится на завтрак, распределение нарядов и т. д. С семи до одиннадцати — работа в поле. Затем перерыв до двух часов. В это время ребята обедают и могут отдохнуть. С двух до пяти — опять в поле. В пять часов — ужин, вечером — свободное время. Мы его тоже не теряем: проводятся лекции, иногда ездим в Джохер, чтобы сходить в кино, навещать родных и знакомых. Так что, как видите, жизнь в бригаде уплотнена и насыщена. Кстати, если бы вы согласились сегодня выступить перед членами бригады

с рассказом о Советском Союзе, мы были бы вам очень благодарны.

Мы, конечно, согласились.

Вернувшись на территорию усадьбы, мы увидели трактор с еще не выключенным мотором, возле которого копошился серьезный молодой парень. При виде Омара Юсуфа он что-то стал объяснять ему, и тот направил его в одно из строений.

— Наш тракторист,— глядя ему вслед, сказал Юсуф.— Год назад пришел в хозяйство, а теперь уже освоил трактор, работает одновременно трактористом и механиком. Между прочим, здесь далеко не вся техника, а по нашим масштабам мы ею богаты: у нас четыре трактора, один грузовик и два лендровера. Нас беспокоит не недостаток техники, а скорее отсутствие запасных частей. Хороших специалистов-механиков тоже не хватает. Пытаемся сами решать эти проблемы.

Постепенно под тенью большого, развесистого дерева стал собираться народ: мы поняли, что подошло время нашего выступления. Все сто тридцать пять человек сидели прямо на земле под тенью дерева. Никто не разговаривал, не шумел, как это обычно бывает в большой аудитории перед началом лекции. Все приготовились слушать. И слушали с напряженным, неослабевающим вниманием. А потом посыпались вопросы. Эту молодежь, в большинстве своем еще неграмотную, только что вышедшую из кочевий и глухих селений, интересовало все — от международного положения до организации сельскохозяйственного производства в советских колхозах. И если бы не быстро наступающая темнота, лекция, как мы поняли, могла бы продолжаться бесконечно долго. Все были довольны: и слушатели, и, может быть, еще больше — мы, долго еще потом вспоминаяшие эту встречу с молодыми сомалийцами.

Только через неделю после нашего приезда в Сомали состоялся первый серьезный разговор с местными властями о делах экспедиции. В результате визита к генеральному директору министерства просвещения в последующие дни появились сомалийские участники нашей совместной экспедиции.

Первым пришел к нам в гостиницу на следующий день после беседы в министерстве просвещения Джама Омар Иссе. Средних лет, невысокого роста, в европей-

ском платье и... говорит только по-сомалийски и по-арабски. Вот так сюрприз! Значит, нужен еще переводчик. А пока мы разговаривали с помощью его же начальника, заведующего департаментом культуры Яссина Османа Кенадида, который переводил с сомалийского на английский. Кстати, Яссин — сын знаменитого автора одного из вариантов сомалийской письменности *османия*...

Понемногу выясняется, что Джама, несмотря на языковой барьер, весьма подходящий для экспедиции человек: он крупнейший в Сомали специалист по истории движения 1899—1920 годов и лично знает всех оставшихся в живых потомков Мохаммеда Абдуллы Хасана; кроме того, что особенно важно, Джама знает и людей, и места, которые нам нужно посетить на севере страны. Он же сообщил нам печальную весть: Хаджи Абдуррахман, сын Мохаммеда Абдуллы Хасана, который был хранителем архива своего отца, умер четыре года назад. Это несколько осложняет положение, ибо еще неизвестно, как нас встретят другие потомки Мохаммеда и где теперь те документы, о которых в свое время писал С. Р. Смирнов.

Нашего Джаму величают *ау*; так в Сомали называют людей, известных своей ученостью. Следующий по рангу титул — *шейх*, человека же, совершившего паломничество в Мекку, здесь, как и повсюду на Востоке, называют *хаджи*. Никаких дипломов, подтверждающих эти звания, не существует, и тем не менее все знают, «кто есть кто». Впрочем, когда мы потом как-то автоматически стали называть нашего ау шейхом, он несколько не возражал.

На следующий день ау Джама пришел с молодым человеком.

— Познакомьтесь: Саид Ахмед Варсаме,— сказал он.

Наконец-то совместная советско-сомалийская экспедиция в полном составе уселась за один стол! У Саида нет никаких традиционных титулов, но есть диплом выпускника исторического факультета Ленинградского государственного университета, в котором говорится, что его обладатель специализируется по археологии палеолита. Саид прекрасно говорит по-русски.

Постепенно вырисовываются две главные задачи, которые нужно решить здесь, в Могадишо. Необходимо

встретиться с потомками сеида Мохаммеда, а также со всеми, кто знает что-либо о движении дервишей, и подготовить поездку на север, туда, где нас ждет Талех и где еще живы дервиши — бывшие повстанцы. Ау Джама говорит (а Саид переводит):

— Я молю Аллаха, чтобы он сохранил жизнь Мохамуду Хошу и Абди Нур Хидигу до нашей встречи с ними. Эти люди — дервиши, и они расскажут много интересного.

Ну что же, *иншалла!* как здесь говорят: «как будет угодно Аллаху!».

Первый успех: встречаемся с потомками сеида Мохаммеда. За день до этого нанесли визит еще одному генеральному директору, на этот раз министерства юстиции и религии — Абдиллахи Абдуррахману Мохаммеду. Кроме всего прочего, он сын покойного хаджи Абдуррахмана, а следовательно, внук сеида Мохаммеда. Он собрал для встречи с нами всю родню, живущую в Мюгадишо.

В небольшом кабинете Абдиллахи Абдуррахмана Мохаммеда буквально плечом к плечу сидим вокруг низкого круглого столика: хаджи Хасан Абдулла Хасан — брат знаменитого повстанца, 1911 года рождения; шейх Абдул Хаким Мохаммед — сын сеида Мохаммеда, 1920 года рождения; Абдиллахи, ему не больше тридцати пяти лет, и Мохаммед Ахмед — племянник, лет сорока — сорока пяти, специально прибывший на эту встречу из Джохера, где он работает на сахарном заводе; советские участники экспедиции — авторы этой книги, Н. Д. Косухин, П. И. Куприянов, Е. С. Шерр — и сомалийские коллеги: ау Джама и Саид Варсаме.

Наиболее внушительно выглядит шейх Абдул Хаким: на голове — яркий желто-красный тюрбан, на плечах — кусок расшитой материи, спадающий живописными складками (здоровался он с нами, «неверными», обернув руку краем этой ткани), длинная юбка до пят. Юбка, представляющая собой кусок материи, закрепленный на поясе, очень распространенная традиционная одежда сомалийских мужчин. Хаджи Хасан, выделяющийся высоким ростом, тоже в юбке и чалме, но в европейской рубашке. Остальные родственники и наши сомалийские коллеги — в европейской одежде.

По ходу беседы видно, что эстафету по сбору и хра-

нению сведений о сеиде Мохаммеде и восстании дервишей после смерти Абдуррахмана взял в свои руки Абдул Хаким. Все, даже брат сеида Мохаммеда — хаджи Хасан, уступают пальму первенства ему. Родственники наперебой заявляют о своем желании помочь экспедиции, предоставив в наше распоряжение все имеющиеся у них документы. Беседа проходит в очень дружелюбной обстановке. Однако несколько насторожила неоднократно повторенная нашими собеседниками просьба о том, чтобы полученные от них сведения не публиковались без их ведома. Оказалось, что в 1964 году некий египтянин Абди Сабур Марзук опубликовал в Каире книгу о сеиде Мохаммеде под названием «Саир мин ас-Сомали» («Сомалийский революционер»), написанную на основе материалов, предоставленных родственниками сеида Мохаммеда, по даже не упомянул их имен. Родственники, естественно, обиделись.

Не менее полезной была и встреча с Мусой Галаалом — известным просветителем и специалистом в области сомалийского фольклора. За три часа, что мы провели в его небольшом кабинете в министерстве просвещения, он не только рассказал нам много интересного о восстании дервишей, о сеиде Мохаммеде, о тех местах, куда мы обязательно должны добраться на севере, но и даже спел несколько габеев⁴ сеида Мохаммеда, в том числе и его последний, предсмертный габей. Этот габей, в котором Мохаммед предрекал сомалийцам всяческие беды от колонизаторов, неизменно производит, по словам Мусы Галаала, огромное впечатление на сомалийцев, которые плачут, слушая его.

Постепенно наша экспедиционная жизнь налаживается. Из гостиницы переехали в арендованный дом, вернее, полдома на улице Брера, недалеко от старинной мечети шейха Абдулазиза. На маленькой двухколесной тележке, запряженной совсем уж маленьким, но удивительно сильным осликом, привезли из таможи наше экспедиционное имущество. Расставили раскладушки. Распаковали пищевые машинки, которые сразу же пошли в ход. Устроились основательно.

Но все это не очень радовало: уже больше месяца мы в Могадишо, а ясности насчет поездки на север до

⁴ Га б е й — одна из форм устного поэтического творчества. Сеид Мохаммед Абдулла Хасан был автором многих габеев.

сих пор нет. Все оказалось намного сложнее, чем мы предполагали. В различных министерствах и департаментах нас принимали очень любезно, но ничего не решали. Создавалось впечатление, что все ждут команды сверху.

Перелом наступил после встречи с генералом Мохамедом Сиадом Барре. До этого мы дважды беседовали с вице-президентом ВРС генералом Мохамедом Али Самантаром и решили с ним практически все вопросы, связанные с нашими предстоящими поездками по стране.

Президент Мохамед Сиад Барре принимал нас в своих личных апартаментах на территории военного городка на окраине Могадишо. Держался он просто, но с достоинством. Беседа шла на итальянском языке.

По мнению президента, экспедиция наметила слишком широкую программу: достаточно было бы ограничиться восстанием дервишей. О движении сеида Мохамеда президент сказал, что современники не всегда правильно его понимали. Немалую роль в этом сыграла политика и деньги империалистов, которые воспользовались разногласиями между вождями сомалийских племен и заручились союзниками среди сомалийцев. Лишь впоследствии сомалийский народ понял смысл движения, возглавлявшегося сеидом Мохаммедом, и истинный характер господства империалистов.

Президент подробно рассказал о социально-экономическом положении в стране, о первых шагах нового революционного режима, направленных на улучшение жизни народа и развитие национальной экономики. Он подчеркнул, что единственно возможный путь развития для Сомали — путь научного социализма.

Сообщение о нашей беседе с президентом Мохамедом Сиадом Барре в тот же вечер было передано по радио, а на следующий день опубликовано в местной газете «Стелла д'Оттобре», которая призвала граждан Сомали оказывать содействие экспедиции.

Пока решались организационные вопросы, связанные с обеспечением экспедиции транспортом, мы на несколько дней уехали в город Джохер, что находится недалеко от Могадишо.

До недавнего времени на географических картах он

обозначался как «Вилладжио дука дель Абруцци», то есть «Имение герцога Абруццкого». В начале века герцог в пае с другими итальянскими предпринимателями разбил здесь небольшие плантации сахарного тростника. Тростник быстро прижился, и для его переработки в сахар был построен завод. Предприятие росло, расширялось и постепенно превратилось в крупный аграрно-промышленный комплекс. После революции 1969 года завод и принадлежащие ему плантации были национализированы, а весь комплекс получил название «Национальное аграрно-промышленное общество», сокращенно СНАИ.

СНАИ интересовало прежде всего наших экономистов и социологов. Еще в Москве были разработаны детальные социологические анкеты, которые предстояло теперь распространить среди рабочих и служащих предприятия.

В Джохере нас встретил генеральный директор СНАИ, который и рассказал историю завода.

Сахарный завод вместе с плантациями занимает большую территорию — десять тысяч га. Он является, по выражению директора, «промышленным сердцем» Сомали. В его цехах и на плантациях трудятся свыше четырех тысяч рабочих и трехсот служащих. Помимо основной продукции — сахара — завод выпускает моющие средства, парфюмерные изделия, технический и пищевой спирт. После национализации завода и резкого сокращения штатов иностранных специалистов недруги революционного режима предрекали быстрый развал всего производства. Участились случаи саботажа и прямой диверсии — время от времени на дальних плантациях полыхал огонь, — устраивались поджоги сахарного тростника. Пришлось создать специальную военизированную бригаду для охраны завода и плантаций.

Однако сомалийские специалисты, среди которых немало выпускников советских вузов, оказались на высоте. Они не только обеспечили бесперебойность производства, но и добились того, что СНАИ стало первым в стране рентабельным государственным предприятием.

Трудно переоценить значение СНАИ в экономической жизни страны. Оно не только дает работу тысячам сомалийских тружеников и приносит доход государству; оросительные каналы, дающие влагу сахарным планта-

циям, являются спасением и для кочевников-скотоводов, использующих их в качестве водопоя.

За время работы на предприятии у нас появилось много друзей. Незаменимым помощником стал управляющий сельскохозяйственным отделом СНАИ Джама Херси, окончивший в Москве Университет дружбы народов им. П. Лумумбы. В один из вечеров Джама заехал к нам.

— Хотите посмотреть, как готовится плантация для рубки тростника? — спросил он. — Собирайтесь, едем!

Плантации сахарного тростника разбросаны на больших расстояниях, и мы долго ехали по незнакомым дорогам, пока не увидели на темном горизонте зарево пожара. Заметив встревоженное выражение наших лиц, Джама, который вел машину, заулыбался.

— Не беспокойтесь, это не поджог. Просто рабочие сжигают сухие листья с тростника. Так его легче и удобнее рубить.

Подъехав к горячей плантации, мы поняли, в чем дело. Когда тростник полностью созревает, на его стеблях остаются желтые высохшие листья. Листья необходимо срубить, прежде чем отправить тростник на завод. Рабочие же, используя благоприятный момент, просто поджигают листья, и огонь моментально слизывает их, оставляя в целости сам стебель. Конечно, для этого требуется известная сноровка, чтобы огонь не сжег сам стебель и не перекинулся на соседние плантации, где тростник мог еще не вполне созреть. После сжигания голые стебли срубают специальными ножами под корень, связывают в большие вязанки и грузят на вагонетки. Маленький локомотивчик доставляет их по узкоколейке прямо на завод. Кстати, узкоколейка Джохерского завода — единственная железная дорога в Сомали.

Вернувшись на территорию завода, мы узнали, что нас ожидает гость. Им оказался высокий старик, внешность которого выдавала в нем человека не простого.

— Добрый вечер! Меня зовут Мохамед Дади, — представился старик.

Из разговора выяснилось, что Мохамед Дади очень интересный и полезный для нас собеседник. Ему семьдесят лет. В свое время он был султаном племени аруси, населяющего соседние с Сомали области Эфиопии. Семь лет назад он переселился с некоторыми членами

этого племени в Сомали и основал здесь кооператив, деятельность которого регулировалась традиционным договорным правом. Сейчас в кооперативе насчитывается триста членов. Представляла интерес и биография самого Мохамеда Дади. Мало того, что он был султаном арусси (а нам впервые пришлось видеть живого султана, пусть бывшего), в молодости Мохамед Дади участвовал в движении под руководством Мохаммеда Хасана, и был не простым дервишем, а знал Хасана лично, и в довершение ко всему участвовал в перенесении праха Хасана, чтобы спасти его останки от надругательства англичан.

— Надеюсь, эти сведения будут вам интересны. Узнал, что вы изучаете историю Сомали, вот и пришел.

Мы искренне поблагодарили нашего гостя за его бескорыстное желание помочь в наших изысканиях.

Закончив работу в Джохере, мы поздно вечером возвращались в Мogaдишо. По пути наше внимание то и дело привлекали пешеходы, которые в полной темноте сомалийской ночи шли вдоль дороги, видимо возвращаясь домой. Нас удивило, что ни один из них не пользовался фонариком, чтобы освещать себе путь, хотя фонарь можно было купить в любой лавке. Шофер Ахмед объяснил нам причину этого:

— У нас, сомалийцев, существует такой обычай: нельзя освещать фонариком лицо встречного человека. Это рассматривается как оскорбление, все равно что ударить человека по лицу. Поэтому предпочитают ночью ходить без фонаря, чтобы случайно не осветить идущего навстречу.

Эта информация очень пригодилась нам впоследствии в путешествии по Сомали.

И вот мы снова едем в аэропорт. С нами ау Джама, Саид и лейтенант Ахмед Хаши, который будет сопровождать нас в поездке по северу. Мы уже называем себя «северным отрядом». Остальные трое членов экспедиции — «южане» — провожают нас. Они через некоторое время выедут (или вылетят) на юг в Кисмаю, а потом присоединятся к нам в Харгейсе.

На летном поле стоит ДС-3, около него толпа провожающих и пассажиров. Это специальный рейс, а следовательно, все формальности сведены к минимуму. Экипаж явно недоволен обилием экспедиционного багажа. «Взвесить!» — велено нам категорически.

Пришлось прибегнуть к хитрости, да простят нам это сомалийские друзья. Воспользовавшись суматохой, мы, минуя весы, втащили в самолет несколько самых тяжелых вещей. На весы же положили громоздкие, но более легкие раскладушки и спальные мешки.

Когда мы благополучно разместились в самолете и моторы заработали, ау Джама начал что-то шептать — молился или произносил заклинания. Как оказалось потом — не зря. Примерно через три часа полета — а всего он продолжался без малого четыре часа — самолет сильно трянуло, и поднялась какая-то осторожная суета среди экипажа. Только в конце маршрута на аэродроме Харгейсы мы узнали, в чем было дело: от тряски выскочила плохо завинченная пробка бензобака. Все обошлось благополучно, аварии не было, но кто-то, наверное, получил взыскание.

Итак, мы уже на севере и до Талеха — рукой подать: всего «каких-то» девятьсот-тысяча километров полупустыни, состоящей из песка и камня.

В ХАРГЕЙСЕ

Уже на аэродроме Харгейсы сразу же ощущаем, насколько климат здесь лучше, чем в Могадишо, во всяком случае для нас. Там — жарко и влажно. Здесь же, на высоте 1483 метров над уровнем моря, в начале октября днем тепло и сухо, а к вечеру становится прохладней, приходится надевать свитеры или куртки.

Размещаемся в резиденции бывшего британского губернатора бывшего Сомалиленда. Теперь это *стейт-хаус* (гостиница для официальных лиц и гостей правительства). Красивый двухэтажный дом; с просторными холлами, кресла, камин, на стенах картины, в основном на местные сюжеты. На одной — крепость Талех. Вокруг стейт-хауса запущенный парк, в котором преобладают акации и какие-то колючие кустарники. Стейт-хаус расположен на самом краю города, так что парк за ним

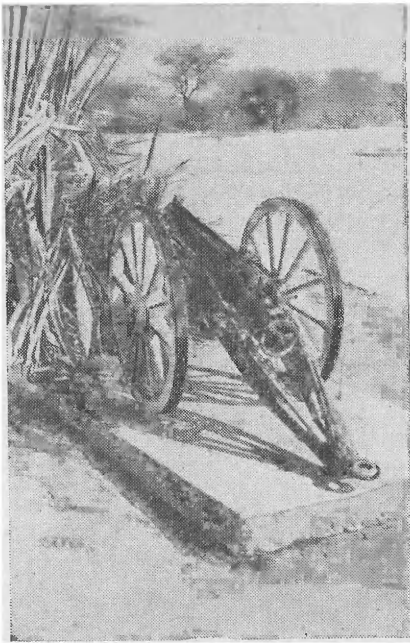
переходит в буш, откуда к нам под балкон частенько забегают карликовые газели дик-дик — изящные серовато-красноватые животные размером с крупного зайца, только повыше и с маленькими рожками. Зайцы здесь тоже водятся, уши у них красного цвета, под цвет почвы.

Перед домом возвышаются массивные ворота, около ворот на постаментах стоят две небольшие пушки колониальных времен конца прошлого века. Из таких же орудий английские войска обстреливали укрепления повстанцев сеида Мохаммеда. У ворот дежурит вооруженный часовой.

Харгейса расположена у подножия двух невысоких округлых холмов, которые называются Наса Хаблод — «Девичьи груди». Город растет, и окраинные домики уже начинают взбираться на эти холмы. Домики одноэтажные, в центре города каменные; на окраинах же преобладают полукруглые хижины кочевнического типа: палочный каркас и войлочные полотнища. Жителей около сорока тысяч. Вроде и немного, но это второй по величине город Сомали (после Могадишо, где около четверти миллиона населения). Формально Харгейса — центр Северо-Западной провинции, но фактически — главный город всех северных провинций.

Почти через центр Харгейсы проходит *туг* — широкое русло пересохшей реки. Когда мы приехали, оно было абсолютно сухим, но тем не менее здесь завершали строительство... большого моста. Причем строили торопясь, по-ударному: вот-вот должен был наступить *дайр* — сезон дождей, который длится с октября по декабрь.

Однако самый дождливый сезон — *гу* — приходится на май — июнь. Тогда, по рассказам местных жителей, дождей выпадает столько, что туги превращаются в бурные потоки, сметающие все на своем пути. Гу наступает после жаркого и сухого сезона, именуемого *джилал*. Это время — с января по апрель — самое тяжелое для сомалийских кочевников. Палящий зной выжигает всю растительность, скот страдает от бескормицы и жажды и нередко гибнет. Если же во время предшествовавшего *дайра* выпало меньше дождей, чем обычно, то *джилал* несет с собой массовый падеж скота и бедствия для кочевников. Остальные три месяца — июль,

август и сентябрь — это сезон *хагаа*, сухое и не очень жаркое время года.

В Харгейсе бросаются в глаза две большие стройки: возводят стадион и мечеть. Так сказать, для тела и для души...

Вообщестроек в Харгейсе немало. Это характерная черта современного Сомали. Повсюду, начиная от столицы и кончая маленькими поселками и деревнями, идет строительство. Много строек ведется методом «самопомощи», то есть в нерабочее время, без оплаты труда.

Длительное господство англичан наложило отпечаток на внешний облик города. Высохшее русло реки образует как бы водораздел между бывшей «английской» частью города и сомалийской Харгейсой, тем, что здесь называют *магало* («город»). «Английская» часть застроена в основном небольшими одноэтажными коттеджами, окруженными зеленью. Здесь же находится *Харгейса-клуб*. Когда-то он был местом отдыха и развлечений англичан, сомалийцев туда пускали только в

качестве слуг. Теперь он открыт официально для всех жителей города, однако, чтобы быть его членом, необходимо уплачивать ежемесячный взнос — восемнадцать сомалийских шиллингов. Для простого люда Харгейсы это, конечно, дорого. При клубе имеются теннисный корт, библиотека, бар, демонстрируются кинофильмы.

Основная жизнь идет в магало. Там обычно бывает многолюдно, шумно и весело. Харгейса прежде всего торговый центр северных провинций Сомали. Промышленных предприятий здесь почти нет, за исключением небольших обувных, текстильных и других ремесленных мастерских.

Харгейса — один из немногих сомалийских городов, имя реального основателя которого известно. Когда-то здесь поселился со своей семьей шейх Маддар и положил тем самым начало истории города. На окраине Харгейсы возвышается дом-мавзолей шейха Маддара. В одной комнате находится гробница шейха, и тут же рядом, в соседних комнатах, живут его потомки: почтенный седобородый старец с детьми и внуками. В дворике мавзолея развешано белье, пасется коза — самый обычный дворик, а внутри — святыня.

Как и повсюду в сомалийских городах, на улицах Харгейсы много плакатов и лозунгов. Одни вывешены на специальных стендах, другие — на стенах домов, в витринах магазинов. Главная тема — борьба с трибализмом, который объявлен врагом номер один.

На фоне разноязыких и этнически разнородных государств Тропической Африки Сомали не только редкое, но, пожалуй, единственное исключение. Основное население республики — сомалийцы — представляет собой однородную этническую общность, связанную единством языка, культуры и происхождения. И несмотря на это, главным врагом сомалийского общества считается трибализм. Почему? И что такое трибализм?

Историки и этнографы вкладывают в понятие «трибализм» весь комплекс сложных противоречивых взаимоотношений между отдельными этническими группами, населяющими ту или иную страну или регион. Обычно о проблеме трибализма говорят тогда, когда возникают противоречия между этническими группами, приводящие к конфликтам и другим нежелательным последствиям для всей жизни общества или страны.

В Сомали проблема трибализма существует не как результат межэтнических противоречий, а как следствие традиционной социальной организации сомалийского общества, где еще сильны пережитки родо-племенной структуры. В соответствии с этой структурой все сомалийцы делятся на шесть больших племен: дарод, дир, иссак, хавийя, раханвейн и дигил. К первым четырем принадлежат в основном скотоводы-кочевники, к двум последним — оседлые сомалийцы, занимающиеся земледелием. Раханвейн и дигил населяют междуречье Джубы и Шебели, а четыре подразделения кочевников расселены по всей территории Сомали, но основная масса сосредоточена все-таки на севере — здесь живут дарод, дир, иссак. Сомалийцы возводят свое происхождение к южноаравийским арабам, переселившимся когда-то на территорию нынешнего Сомали. Названия племен происходят от имен их легендарных основателей, потомками которых считают себя все сомалийцы. Перечисленные племена, в свою очередь, подразделяются на более мелкие единицы, и вся эта генеалогическая пирамида покоится на самой низшей единице родо-племенной системы — большой или малой семье. Таким образом, каждый сомалиец связан реальными или фиктивными узами родства с какой-либо единицей родо-племенной организации. Эта архаичная система, присутствующая в той или иной мере всем кочевым обществам, существовала в Сомали на протяжении столетий и сохранилась почти в неизменном виде до наших дней.

Экстенсивное кочевое скотоводство, которым занимается большинство населения, нехватка воды и пастбищ вели к тому, что постоянно возникали напряженные отношения между отдельными группами кочевников, претендующими на то или иное пастбище, на тот или иной источник. И даже когда причина напряженности исчезала, вызванная ею враждебность оставалась. Это неизбежно приводило к военным стычкам между отдельными группами, убийствам, угону скота и т. д. Так продолжалось до последнего времени. Уже в период независимости, то есть после 1960 года, каждые новые выборы в стране происходили на фоне непрерывных столкновений между отдельными племенными группами, поддерживавшими своего кандидата. Архаизм родо-пле-

меншой организации проникал в современньй парламент. Были силы и внутри страны, и вне ее, которые поддерживали и подогревали нездоровые клановые интересы. Население жило в постоянном страхе и неуверенности. И вот новое руководство решило с этим покончить.

Осенью 1970 года и весной 1971 года проводилась массовая антитрибалистская кампания. Повсюду проходили митинги и собрания, на которых разъяснялась политика нового руководства Сомали, устраивались различные церемонии, вроде сжигания чучел, символизирующих трибализм. Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство сомалийцев поддерживало эту кампанию.

Были внесены изменения в законодательство, в частности установлены более суровые, чем раньше, наказания за угон скота, чтобы исключить возможность межплеменных конфликтов на этой почве. Запрещалось даже упоминание о принадлежности к тому или иному племени, ибо это рассматривалось как проявление трибализма.

Дело иногда доходило до курьезов. Так, нам наотрез отказались выдать из архива Харгейсы книгу английского автора Джона Хапта «Генеалогия сомалийских племен», изданную в 1943 году. Напрасно мы толковали местным чиновникам, что книга нужна нам для изучения истории национально-освободительного движения в Сомали, в котором проявлялись определенные антитрибалистские тенденции, что, изучив эту книгу, мы смогли бы внести свою лепту в борьбу против трибализма. Ничего не помогло. Книгу мы не получили.

В первые же дни мы нанесли визиты местным властям: губернатору провинции — генералу полиции Мохамеду Харби и командующему военным округом подполковнику Осману Салаху Абдикариму. Обсудили маршрут предстоящей поездки. Что касается транспорта, то губернатор согласился дать нам машины, но... только до Бурао. Дело в том, что большинство интересующих нас мест, включая и Талех, расположены в соседней Северо-Восточной провинции, где есть свой губернатор и где нам придется пересечь с «северо-западных» лендроверов на «северо-восточные». Нас заверили, что никаких осложнений не будет, так как «северо-

ро-восточный» губернатор, конечно, уже получил соответствующие указания из Могадишо.

— Да, да, конечно,— ответили мы несколько обескураженно: мы ведь надеялись, что все организационно-транспортные неурядицы будут благополучно улажены в Харгейсе.

Губернатор Харби пригласил нас на обед. Главное угощение — традиционные сомалийские блюда: огромные куски жареной баранины и верблюжатины. Первой воздаем должное, а на вторую больше поглядываем — мясо жестковато. Перед жарким подается фруктовый плов. Запиваем верблюжьим молоком и фруктовыми напитками. Спиртного — ни капли. Для мусульман это табу, которое строго выполняют почти все сомалийцы.

Выяснилось, что выезжать в Талех надо не мешкая, так как через три недели начнется месяц рамадан, во время которого у нас могут возникнуть дополнительные трудности в проведении полевых работ. В этом месяце жизнь почти замирает, так как сомалийцы, будучи правоверными мусульманами, от восхода до захода солнца ничего не едят. Ночью же все бодрствуют и угощаются, так что ночь становится днем, а день — ночью. И конечно, в таких условиях шоферы не смогут вести машины в тяжелейшем климате сомалийской полупустыни и буша, где и днем-то легко сбиться с пути.

Пришлось «свертывать» наши встречи в Харгейсе, необходимые для изучения истории восстания дервишей. Да и более подробное знакомство с самой Харгейсой мы отложили до возвращения из Талеха.

Итак, завтра утром отправляемся в путь.

ПО СОМАЛИЙСКИМ ДОРОГАМ

В семь часов утра у подъезда стейт-хауса уже стояли два лендровера. Грузим свое снаряжение: продукты, раскладушки, спальные мешки, москитные сетки. Шоферы торопят: доставив нас в Бурао, они намерены сегодня же вечером вернуться в Харгейсу. В спешке забываем самое главное — канистру с питьевой водой. Хватились уже в дороге, но возвращаться не стали, решив, что до Бурао недалеко, доедем, а там купим канистру.

Перед самым отъездом ау Джама заявил, что нужно заехать в одно место и кое с кем поговорить. Остановились у одноэтажного каменного домика и вошли в полутемную комнату — какое-то убогое служебное помещение. Нас уже ждали. Некоторые из присутствующих нам знакомы. Софэ Али Бурале приходил накануне в стейт-хаус и рассказывал о том, как семнадцатилетним парнем вместе со своим отцом участвовал в восстании дервишей. Знаем мы и государственного служащего Исмаила Ахмеда Ессе, которого привело к нам его хобби — изучение истории своего народа.

Сомали издавна считается страной воинов и поэтов. Мы бы добавили — и историков. Обостренный интерес к своей истории и стремление утвердить свое национальное достоинство несомненно были частью антиколониальной борьбы и способствовали становлению нового свободного гражданина Сомалийской Демократической Республики. Это нам помогало — повсюду у нас оказывались добровольные и нередко весьма компетентные помощники из числа историков-любителей, вроде этого Исмаила.

Нас представили даме преклонного возраста, сидевшей в кресле в центре комнаты: Аша Абди Мохаммед — племянница сеида Мохаммеда — знала и помнила своего знаменитого родственника. После короткой беседы-интервью, в котором главную роль играл ау Джама, мы наконец тронулись в путь.

До Буроа три часа пути, сравнительно немного, но тем не менее это серьезное испытание того, насколько мы способны выдержать тяготы предстоящего многодневного путешествия. Оба лендровера мчались в клубах красной пыли большей частью по еле заметной колее, проложенной прямо по бушу. Более или менее приличная дорога была где-то левее. Водители решили ехать кратчайшим путем, срезая солидный крюк, который делает дорога из Харгейсы в Буроа. Заблудились мы только однажды, да и то ненадолго. Минут через пятнадцать-двадцать потерянная колея нашлась.

Если бы не всепроникающая пыль, от которой особенно страдали ехавшие во второй машине — им доставалась двойная порция, — то можно сказать, что мы постепенно привыкли к неудобствам путешествия, в частности к постоянному грохоту. По днищу машины непре-

рывно били камни, вылетающие из-под колес. Мы с опаской поглядывали под ноги — не пробьют ли камни и саму машину. Но водители были спокойны, успокоились и мы.

Пытаясь уберечься от вездесущей пыли, мы закрыли все окна в лендровере. Стало жарко и душно, как в железной бочке, выброшенной на раскаленный песок. Пришлось открыть окна. Это повторялось много раз, и как-то незаметно для себя мы вдруг обнаружили, что перестали замечать и чувствовать тряску, пыль, жару...

Это означало не победу дороги над нами, а, напротив, нашу победу над пей: мы привыкли. С этого момента мы почувствовали себя настоящими путешественниками и стали больше замечать, что делается вокруг.

Нас окружал типичный сомалийский ландшафт северных провинций. Поражало обилие термитников. Они возвышались, как стражи, охраняющие неведомую страну. Иногда их было так много, что они уже походили не на отдельных часовых, а на целое войско в коричневых доспехах. Термитники имели самые разнообразные формы и высоту, некоторые в два и даже в три человеческих роста.

При осмотре термитников создается впечатление, что в них никто не живет, что они «вырастают» сами. На самом деле это не так. Удивительных обитателей этих сооружений — термитов, — которых сомалийцы называют *абор*, очень редко удается увидеть, особенно за работой: они трудятся только по ночам. Построив жилище, термиты почти никогда его не покидают. Это один из немногих видов насекомых, которые предпочитают не выставлять свою жизнь напоказ.

Делаем остановку, чтобы водители передохнули и выпили чаю с козьим или верблюжьим молоком. Это стало необходимой и довольно приятной церемонией, без которой не обходилась ни одна остановка в редких поселениях на нашем пути.

Вот маленькая деревушка Гоо, казалось бы ничем не примечательная. Но... Саид с многозначительным видом ведет нас к какому-то сараю.

— Здесь я учительствовал в местной школе, — говорит он. — Вот какая была тогда школа, а теперь — посмотрите, — и он с гордостью показывает на новое каменное здание. Но, кажется, его все-таки больше тянет

к сарайчику. Ничего не поделаешь — воспоминания о первых самостоятельных шагах в жизни! Нам становится понятно, что маршрутом мы обязаны не только желанию водителей сократить путь.

На пути к Бурао часто встречаем небольшие стада овец берберской породы — белых с черной головой, коз, реже — верблюдов. Они пасутся под присмотром пастухов-подростков или женщин. В этом районе недавно прошли дожди, и буш зазеленел. И сразу же сюда стали перемещаться кочевники со своими стадами. Так они кочуют по всему огромному Африканскому рогу в поисках корма для скота, а корм появляется только там, где выпадают дожди. Питаются животные в основном листьями кустарников: на песчаных и каменистых почвах в этом районе трава почти не растет.

Но вот наконец Бурао — центр кочевого скотоводства северных районов республики. Редкий сомалийский кочевник миновал этот город в своей жизни. Да и как его миновать — уж очень удачно он расположен: одинаково близко от Харгейсы, Берберы, Лас-Апода, Белет-Вейна. Он находится как бы в центре квадрата, образованного этими городами. Здесь пересекаются многие маршруты перекочевков, сюда пригоняют скот па продажу, отсюда его отправляют в Берберу — порт па берегу Аденского залива. Бурао — второй по величине город на севере Сомали. Как и Харгейса, он расположен на реке, в которой бóльшую часть года, а то и весь год, нет воды.

Нигде не останавливаясь, сразу же едем к губернатору провинции. Нас встречает полковник Абдуллахи Мохамуд Хасан.

— Да, я получил распоряжение из Могалишо оказать вам содействие, — говорит он. — Все будет в порядке. Через час мы поговорим подробнее, а сейчас вас отвезут в рест-хаус, где вы отдохнете.

Рест-хаус — буквально «дом для отдыха» — находится рядом с резиденцией губернатора. Выгружаем свои вещи, прощаемся с водителями. Рест-хаус — маленькая пятикомнатная гостиница, где останавливаются официальные лица. В центре города имеется гостиница для частных лиц.

Большинство официальных учреждений, в том числе и наш рест-хаус, расположено на окраине города. Здесь

же они размещались при английской колониальной администрации, которая старалась держаться поодаль от беспокойных «туземцев».

Немного отдохнув и приведя себя в порядок после дороги, снова направляемся к губернатору. На сей раз пешком, благо его резиденция совсем рядом. Беседа, как говорится, носит конструктивный характер. Полковник Абдуллахи говорит, что даст нам два лучших лендровера Северо-Восточной провинции, в том числе свой собственный. Он категорически возражает против нашего первоначального намерения на некоторых участках маршрута разделяться, чтобы проводить полевые работы сразу в двух местах:

— Ехать надо только всем вместе. Если что случится с одной машиной, другая выручит. Места безлюдные, кое-где прошли дожди — можете застрять.

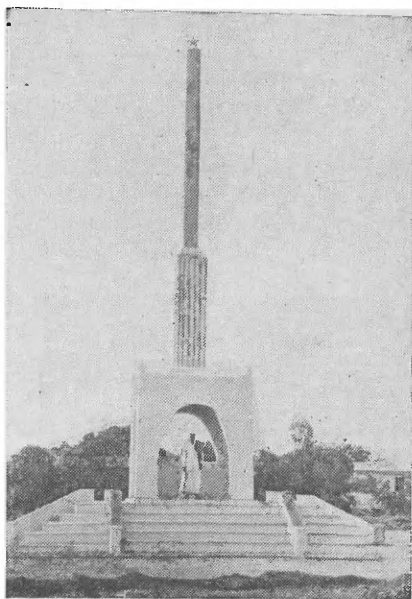
Нам еще раз напомнили, что нужно вернуться до наступления рамадана. Было решено выезжать через два дня. За это время подготовят машины, а мы познакомимся с Буроа и съездим в Шейх — небольшой городок в шестидесяти километрах к северу.

Вечером пошли бродить по городу. В шесть часов вечера здесь наступает полная темнота. Утром тоже в шесть часов сразу же становится светло. Нет ни наших вечерних сумерек, ни постепенного рассвета. Это характерно для всех стран, лежащих на экваторе или вблизи от него. Экватор проходит через южную часть Сомали, но и его северные районы находятся от него всего в десяти градусах. Это чувствуется хотя бы по тому, что день сразу же переходит в ночь.

Зашли в кафе около городской гостиницы. Столики стояли на открытом воздухе под деревьями, освещенными разноцветными лампочками. Наше появление сразу же вызвало живейший интерес. А так как мы ничего не имели против расширения нашей компании, то через десять-пятнадцать минут пришлось к нашим двум столикам придвинуть еще два.

Среди наших новых собеседников были двое, явно обрадовавшиеся возможности поговорить по-русски. Один из них — офицер местного гарнизона, другой — ветеринар — представитель одной из самых нужных, а следовательно, и уважаемых в Сомали профессий. Оба учились в Советском Союзе.

Памятник шейху Баширу
в Бурао. На переднем
плане — сын шейха Башира

В центре Бурао возвышается обелиск-памятник одному из героев сомалийского национально-освободительного движения — шейху Баширу.

В 1945 году в Бурао произошло вооруженное выступление местных жителей против английских колонизаторов. Во главе его стоял шейх Башир. Выступление не получило широкого размаха и было быстро подавлено колониальными властями, а его руководитель убит. Тем не менее эта очередная вспышка освободительной борьбы получила широкий и громкий резонанс в стране, несомненно благодаря обострившемуся политическому положению в Сомали. Разгром итальянского фашизма во второй мировой войне поставил на повестку дня вопрос о ликвидации итальянского колониального режима в Сомали. В то же время участник антигитлеровской коалиции — Великобритания явно была не прочь не только укрепить свои позиции на Африканском роге, но и поживиться за счет итальянского соперника. Сомалийский же народ стремился избавиться и от тех и от других колонизаторов и обрести долгожданную свободу. Именно в эти годы заметно активизировалось освободи-

тельное движение, что в 1960 году привело к провозглашению независимости Сомали.

У памятника шейху Баширу мы были не одни. Ау Джама представил нам шейха Абдириззак — сына погибшего героя. Шейх Абдириззак Башир сообщил, что его полное имя состоит из семи имен и перед каждым стоит слово «шейх», а это значит, что он происходит из древнейшего рода шейхов. И тут же добавил, что главное имя — это имя его отца, шейха Башира, которое прочно вошло в историю национально-освободительной борьбы сомалийского народа.

На следующий день мы были гостями местного военного гарнизона, где рассказывали о нашей экспедиции и освободительном движении под руководством Мохаммеда Абдуллы Хасана. Неискушенная аудитория, состоявшая из молодых парней в солдатской форме, пришла в восторг, когда ау Джама начал декламировать габеи сеида Мохаммеда, полные едкой иронии и крепких слов в адрес колонизаторов-англичан.

После поездки в Талех, о которой речь пойдет дальше, мы снова попали в Бурао, ибо только так могли вернуться «домой» — в Харгейсу. На этот раз мы были свидетелями большого праздника — годовщины Революции 21 октября.

Жители Бурао готовились к празднику долго и тщательно. Чуть ли не каждый день по городу маршировали самые юные граждане города — учащиеся младших классов, — репетируя предстоящий торжественный марш по полю стадиона в день праздника. В своей сине-белой форме они создавали ощущение легкого, освежающего ветерка, проносящегося по пыльным жарким улицам города. А за городом в это время можно было увидеть лихо мчущихся всадников, одетых так же, как дервиши — участники восстания Мохаммеда Абдуллы Хасана. Чувствовалось, что стремительные скачки доставляют им не меньше удовольствия, чем ватаге мальчишек, с криком и улюлюканьем сопровождавших каждый их выезд.

Наконец день праздника настал. С утра тысячи горожан целыми семьями устремились к обширному полю за чертой города. Как в цветной киполенте, сменялись перед зрителями живые картины труда и быта целой провинции. Мы еле успевали перезаряжать фотоаппара-

ты, причем участники демонстрации старались выставить перед объективом самый красочный плакат. Вокруг царило неподдельное веселье. В заключение праздника на поле высыпали всадники и долго носились по кругу, убедительно доказывая, что они не зря потратили время на тренировки.

А вечером на площади у здания муниципалитета состоялся большой концерт-конкурс самодеятельности, участники которого съехались из разных районов. Жюри возглавлял сам губернатор.

Певцы, поэты, танцоры настолько увлекались, как только выходили на сцену, что редко кто из них укладывался в установленный пятнадцатиминутный регламент. Дело дошло до курьеза. Один поэт, приехавший откуда-то издалека, вероятно, решил, что для него настал звездный час. Прошло пятнадцать, двадцать, тридцать минут, а он все не уходил со сцены, хотя его несколько раз предупреждали о том, что его время истекло. Каждый раз поэт кивал в знак согласия и... продолжал читать. Пришлось членам жюри от слов перейти к делу. Они поднялись на сцену и увели недисциплинированного поэта, который при этом решительно выражал свое несогласие.

Концерт продолжался без перерыва свыше шести часов, но толпа зрителей не редела, никто не уходил, всем было интересно и весело.

В полутора часах езды от Бурао, в горах, расположен Шейх. Здесь находится одна из крупнейших в стране школ-интернатов и больница, слава о которой распространилась за пределы Сомали.

Первоначально в наши планы не входило посещение Шейха, по второй машины, которую обещал губернатор Абдуллахи, еще не было, и мы на второй день пребывания в Бурао решили посетить этот городок. Нам не пришлось пожалеть о своем решении.

Дорога, ведущая в Шейх, имеет важное значение для Северо-Восточной провинции Сомали. Она связывает центры кочевого скотоводства с портом Бербера, по ней наряду с дорогой Харгейса — Бербера осуществляется перевозка живого скота, экспортируемого в страны Ближнего Востока и Аравийского полуострова. Поэто-

му дорогу поддерживают в хорошем состоянии. Вот и сейчас, после дождей, на разных участках работают скреперы, приводящие шоссе в порядок. Дорога не асфальтирована и поэтому требует постоянного внимания, тем более что она проходит по горам.

Шейх поразил нас своей миниатюрностью. Он состоит из одной улицы, по обе стороны которой вытянулись небольшие одноэтажные домишки, обмазанные глиной. В конце улицы, ближе к перевалу, с одной стороны расположился больничный городок, с другой — комплекс зданий школы-интерната.

Наша машина останавливается у небольшого двухэтажного коттеджа. Нас встречает соотечественник:

— Мизонов. Здравствуйте!

Он ведет нас на второй этаж в квартирку, состоящую из кухни и небольшой комнатки с балконом.

— Здесь мы живем. А вот наша больница.

Выходим на балкон — и весь больничный комплекс перед нашими глазами.

Он состоит из трех зданий: двухэтажного стационара, где находятся больничные палаты, небольшой кухни и помещения для дизельной электроустановки, обслуживающей больницу. Это — редкость в сомалийской провинции. Но для больницы электричество, конечно, не роскошь, а необходимость. Трудновато с водой — ее качают по трубам из родников в близлежащем ущелье и доставляют в автоцистернах.

— Вы, наверное, знаете, — рассказал гостеприимный хозяин, — что больница построена Советским Союзом в 1964 году в дар республике Сомали. С тех пор в ней работают советские врачи. Первоначально это был туберкулезный госпиталь, но потом он стал больницей общего типа.

Мы интересуемся, почему это произошло.

— В городе большая школа-интернат. Вы уже, наверное, видели ее. В ней обучается двести двадцать человек. Школьники не захотели иметь рядом такого неприятного соседа, как туберкулезный госпиталь. Да и их родители тоже. Вот и пришлось изменить профиль больницы. А жаль. Вы ведь чувствуете — здесь настоящий горный курорт, для больных туберкулезом — самый подходящий климат во всем Сомали.

В это время в комнату вошел высокий молодой со-

малиец. Вместе с ним пришли и четверо русских — здешние врачи.

— Знакомьтесь,— сказал Мизонов.— Директор больницы, товарищ Осман.

Осман недавно закончил Волгоградский медицинский институт и получил назначение в Шейх.

— Вот все наши,— сказал он и, улыбнувшись, добавил: — Вернее, ваши врачи — хирург, педиатр, рентгенолог, лаборант. Электростанцию обслуживает тоже советский механик. Вот и весь персонал. Не подумайте, что это мало. Наоборот. У нас пятьдесят стационарных коек и пять специалистов, да я — шестой, такое соотношение делает честь любой больнице. Другое дело, что коек не хватает. К нам ведь приезжают лечиться и из соседних стран: Эфиопии, Саудовской Аравии, даже из Кении,— с гордостью рассказывал Осман.— Ну что ж, пойдёмте осмотрим больницу.

По двору больницы прогуливались выздоравливающие. Двор и палаты поражали необыкновенной чистотой. Больница походила на белоснежный корабль, капитан которого содержит его в образцовом порядке. Свежий горный воздух сам по себе казался целительным.

— А с какими болезнями к вам обращаются особенно часто?

— Сомалийцы питаются в общем однообразной пищей,— ответил Осман,— баранина, молоко — вот практически и весь их рацион. Однообразие в питании и его нерегулярность вызывают желудочно-кишечные заболевания неинфекционного характера. Гастриты, язвы — самый распространённый диагноз, который мы ставим больным. Конечно, госпитализировать всех мы не можем, но у нас большой клинический прием — до ста человек в день.

После знакомства с больницей Осман предложил осмотреть школу-интернат:

— Это тоже наша гордость. Кстати, и там работают ваши соотечественники.

Действительно, школа-интернат в Шейхе — одна из лучших в Сомали. В её комплекс входят учебный корпус с классами на двести двадцать учащихся, спортивный зал, библиотека, конференц-зал, коттеджи для учителей, спортивные площадки. Занятий в этот день в школе не было, и мы прошли на спортивную площадку, откуда до-

носились шум и крики. Играли в волейбол — сборная школы против медиков. В обеих командах видим лица наших земляков. Лейтенант Ахмед — заядлый спортсмен — сразу же включился в игру, заменив кого-то из школьников.

Поговорили со школьниками — мальчиками четырнадцатилетних. Многие хотят изучать русский язык, мечтают поехать учиться в Москву. Среди болельщиков — советский педагог, преподавательница английского языка З. П. Свиченская. Из беседы с ней узнаем, что кроме сомалийских учителей в школе преподают два английских педагога, один индийский и четыре советских. Пока в школе применяется английская методика преподавания, однако советский педагогический метод завоевывает все большее признание. Преподавание ведется на английском языке. Среди сомалийских учителей несколько шейхов — они ведут уроки религии.

На две тысячи жителей Шейха приходится десять шейхов, причем трое из них — духовные руководители религиозных общин.

Свое название город получил неспроста: его основал шесть веков тому назад шейх Оду. В самом Шейхе и его окрестностях действует несколько религиозных общин — тариков. Недалеко от города находится гробница одного из основателей такой тарикы — шейха Адена Ахмеда.

Нынешний руководитель этой общины, кстати тоже шейх, Аден, сообщил, что возглавляемая им община состоит из трехсот человек. Члены общины не живут вместе, они рассеяны по всей стране. Тем не менее все они считают себя принадлежащими к этой тарике. Членом общины может стать любой сомалиец, который согласен выполнять все ее требования и правила. Руководит общиной собрание старейшин, возглавляемое главным шейхом, в данном случае шейхом Аденом. Раньше члены этой тарикы принадлежали к мусульманской секте ахмедийи. Сейчас в ее состав входят приверженцы и ахмедийи и другой мусульманской секты — кадирийи. Различия между ними все более стираются, и на наш прямой вопрос, в чем все-таки разница, Аден как-то очень просто, по-мирски, ответил:

— Практически различий нет.

Была уже вторая половина дня, темнеет в этих ме-

стах быстро, и наши добровольные гиды торопились показать нам другие достопримечательности города, сотворенные уже не рукой человека, а самой природой. Мы отправились в ущелье, которое снабжает город водой. Оно оказалось на редкость живописным местом. По его дну среди крупных камней бежит ручей, небольшая плотина образует запруду, откуда берут воду. А по склонам — сады и огороды. Небольшие и не очень ухоженные, они тем не менее дают плоды и овощи. Преобладает *зейтун* (гайява) — плод размером с мелкое яблоко, терпкий на вкус, с очень резким, но приятным ароматом. Подивились мы и на тыквенное дерево, высотой не более метра, с толстеньким, как большая тыква, белым коротким стволом. Под кустами прошмыгнул дикобраз, оставив нам на память одну из своих игл.

После осмотра ущелья нам предложили посетить другое живописное место — Чертовы Ворота. Это дальше от города, и мы сели в лендровер. Не доезжая перевала, остановились у контрольно-пропускного пункта.

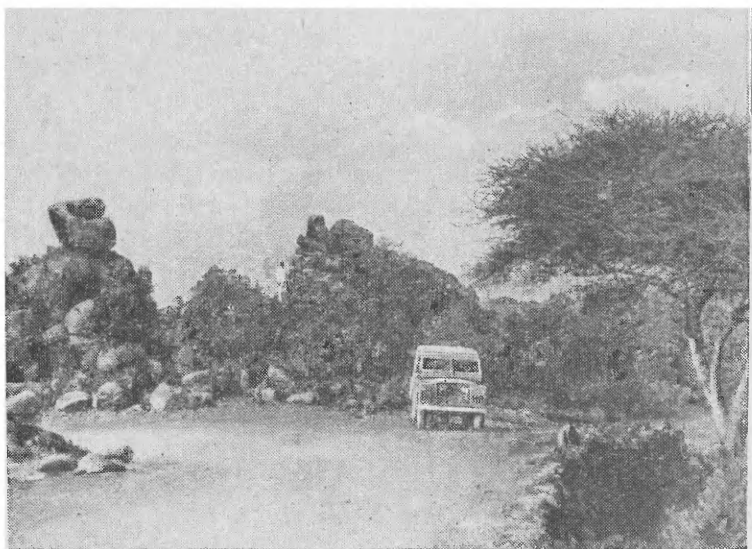
Здесь формировалась колонна автомашин, направлявшихся в Берберу. Дорога на перевале настолько узка, что встречные машины не могут разъехаться. Движение транспорта через перевал одностороннее: два часа в одну сторону, два часа — в другую. Регулировал эти потоки пост сомалийского ГАИ.

Около шлагбаума выстроилась колонна грузовиков, большинство которых было заполнено овцами, козами и крупным рогатым скотом. В нескольких машинах сидели пассажиры.

Выждав, пока улеглась пыль за последней машиной, мы отправились в сторону перевала к Чертовым Воротам. Полицейские, узнав губернаторский лендровер, откозыряли нам и предупредили, что мы должны возвратиться до подхода встречной автоколонны.

Чертовы Ворота — живописное нагромождение камней. За высшей точкой перевала следует крутой и узкий спуск, опасный для неосторожного шофера. Отсюда и зловещее название. Вдали внизу находится Бербера, ее не видно, мы верим на слово проводникам и карте. Невдалеке стоит белый мавзолей-гробница шейха Адена Ахмеда.

Возвращаясь уже поздно вечером в Бурао, мы молча переживали свои впечатления от удивительного города

Чертovy Ворота — перевал в районе Шейха

Шейха; как все перемешалось в жизни современного Сомали: с одной стороны, шейхи, секты, гробницы, с другой — модернистские здания больниц и школ, английские и русские учителя, хирурги, рентгенологи...

МЕСТА БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ

Утром ровно в шесть часов тридцать минут перед рест-хаусом стояли два лендровера. На радиаторе одного из них торчал голубой флажок с белой пятиконечной звездой — государственный флаг Сомалийской Демократической Республики. Полковник Абдуллахи сдержал свое слово — наша экспедиция получила личный вездеход губернатора, причем за рулем сидел сам Нур — один из опытнейших шоферов, в чем мы не раз убеждались впоследствии. Нур держался солидно, с большим чувством собственного достоинства. Чувствовалось, что цену себе он знает и этого не скрывает. Вто-

рой водитель — Варсаме, невысокий, сухощавый, с хитринкой.

Наш отряд увеличился: теперь нас сопровождала охрана — два солдата сомалийской полиции. Еще накануне об этом был разговор у губернатора.

— Дороги сейчас, конечно, безопасны, — сказал полковник Абдуллахи. — Не то, что раньше, во времена межплеменной вражды. Но на всякий случай с вами поедет охрана. Заночуете в дороге — могут звери подойти. Да-да, и львы тоже. К тому же, если попадете под дождь и застрянете, то две пары сильных рук не помешают.

Мы не спорим — губернатору лучше знать, что бывает на сомалийских дорогах. Итак, два молодых парня в серой форме, Ибрахим и Мохамед, с винтовками и сумками с небольшим запасом патронов усаживаются в одну из машин.

И опять задержка. Саид охает — у него заболело ухо. Вчера он его начал лечить чем-то сам, и стало, конечно, еще хуже. Всем караваном подъезжаем к больнице. Там — легкий переполох при виде нашей разномастной команды, да еще с вооруженным полицейским эскортом. Саиду вливают какие-то успокоительные капли, и отряд, потеряв добрых полтора часа столь дорогого для нас времени, выезжает из Бурао.

Сначала мы направляемся в местечко Дул-Мадоба, что на семьдесят километров дальше на восток. Там 9 августа 1913 года произошло одно из наиболее известных сражений периода антиколониального восстания под руководством Мохаммеда Абдуллы Хасана, в котором отряды сомалийских повстанцев наголову разбили сформированный англичанами Верблюжий корпус. На этот отряд верблюжьей кавалерии английские колониальные власти возлагали большие надежды. В бою был убит командир отряда англичанин Ричард Корфилд. Пожалуй, именно это обстоятельство сыграло главную роль в том, что поражение отряда вызвало бурную реакцию в Лондоне. Английские войска и раньше неоднократно бывали биты сомалийскими повстанцами, но, как правило, власти старались не привлекать к этому внимания широкой общественности в Англии. Гибель же Корфилда сделала это невозможным.

В лагере повстанцев победа вызвала ликование. Сеид

Мохаммед сложил по случаю торжества очередной габей, который в соответствии с установленным порядком специально выделенные «летописцы-запоминальщики» сразу же разнесли по всем районам, охваченным восстанием. В этом чрезвычайно эмоциональном стихотворении автор обращается к душе убитого Корффилда с требованием рассказать богу, какие чувства испытывал Корффилд, когда дервиши одержали верх в бою и сразили его самого.

Мы не раз слышали стихотворение от сомалийцев и, конечно, от ау Джамы, который считается признанным знатоком поэзии сенда Мохаммеда⁵. Как мы узнали, сомалийские патриоты распространяли ее в Могадишо накануне провозглашения независимости Сомали в 1960 году.

Проехав небольшое селение Магалир, свернули с дороги и прямо по бушу направились к гряде холмов, находящихся примерно в трех километрах от дороги. На самом высоком холме стоял двухметровый обелиск над могилой Корффилда. Мы оставили машины внизу и поднялись на вершину холма, откуда открывался вид на долину. Здесь и произошла кровавая битва.

Отряд дервишей под командованием Исмаила Мире в течение шести часов вел бой против Верблюжьего корпуса. С самого начала повстанцы захватили инициативу: они атаковали первыми, не дав возможности Корффилду занять свободную от кустарников позицию, где англичане смогли бы наиболее эффективно использовать свое самое сильное оружие — пулемет «максим». Ударив по флангам и обратив в бегство вспомогательный отряд сомалийских наемников, дервиши загнали англичан в *зарибу* — кольцевое укрепление, сооруженное из колючих кустарников. Ведя непрерывные атаки с разных сторон, они вывели из строя пулемет. Затем метким выстрелом был убит и сам Корффилд. Это вызвало полное замешательство в лагере англичан, и они поспешно отступили сначала в Бурао, а затем еще дальше — в Шейх. Дервиши не преследовали противника. Они поспешили в Талех сообщить о разгроме Верблюжьего корпуса.

Возвратившись к лендроверам, мы выехали на дорогу, вернулись темного назад, а затем снова съехали в сторону, теперь на северо-восток, в направлении горо-

⁵ В 1974 г. вышел сборник габеев сенда Мохаммеда, любовно собранных Джамой, которого ныне величают не иначе как шейхом

да Эригаво. Машины шли по чуть заметной колее. Справа возникла и становилась все больше горная гряда Бур-Даб. Где-то здесь, в одном из ущельев, должны быть руины фортов Шимбер-Беррис, где происходили ожесточенные бои между повстанцами и англичанами.

Ау Джама напряженно всматривается, что-то бормочет, высчитывает, потом командует: «Стой! Здесь!». Справа виднеется горное ущелье, каких здесь много. Джама настаивает: «Здесь!». Солнце стоит в зените — полдень. Жара невыносимая, до гор, где, по мнению Джама, находятся форты, — километра два-три. Надо идти. Преодолев колебания наших сомалийских коллег: «Может, все-таки поедем, ведь жарко очень», отправляемся в путь. Водители остаются с машинами.

С трудом продираясь сквозь колючие кустарники, медленно продвигаемся под палящим солнцем. С нами идут и полицейские Ибрахим и Мохамед; кроме винтовок они тащат термосы с водой и чаем. На этом постоял многоопытный и осторожный ау Джама. Мы измучены, обливаемся потом. Наконец вышли из буша, теперь идем, а точнее, прыгаем по огромным камням, взбираясь все выше и выше. Очевидно, ущелье не сквозное, оно заканчивается тупиком где-то там, у вершины гряды.

Все бы ничего, все можно вынести, но вот беда — никаких признаков фортов. Косимся на Джаму — привел, дескать, на пустое место. Тот виновато молчит.

Уже довольно высоко находим все-таки старый колодец и около него невысокую (около полуметра) стенку, сложенную из камней, скрепленных чем-то вроде цемента. Похоже на укрытие-баррикаду, из-за которой можно стрелять лежа. Но фортов нет, а стенку могли сложить и для другой цели. Тут неожиданно выясняется, что и Джама исчез. Дальше лезть явно бессмысленно. Расстроенные и уставшие, поворачиваем назад и вдруг: — Нашел, нашел!

Джама стоит наверху, на склоне ущелья, недалеко от входа в него и машет рукой.

Так вот где они были, знаменитые форты Шимбер-Беррис! Именно были, потому что сейчас тут остались лишь еле заметные среди кустов груды камней. Находим проржавевшие ружейные гильзы, черепки посуды. Да, несомненно, форт был здесь. На другой стороне

склона точно такие же груды камней. Все правильно, фортов было два. Значит, и колодец и «баррикада» тут не случайно...

После победы в Дул-Мадоба сеид Мохаммед послал против англичан небольшой, состоявший всего лишь из шестидесяти всадников, но хорошо вооруженный отряд. 5 сентября 1913 года отряд захватил Бурао.

Бурао находится на перекрестке важных дорог; обладание этим городом давало возможность контролировать практически весь северо-восточный район Сомали. Однако сеид Мохаммед, понимая, что удержать Бурао будет очень трудно, приказал отойти на более удобную позицию в ущелье Шимбер-Беррис.

Сюда прибыли опытные каменщики, которые к тому времени в основном закончили строительство крепости в Талехе. Вскоре были воздвигнуты два мощных форта.

Форты Шимбер-Берриса были расположены на очень удобной позиции. Закрепившийся здесь отряд дервишей не только надежно прикрывал путь к Талеху, но и мог в случае необходимости нанести удар по Бурао, Шейху и даже Бербере. И вскоре действительно произошло событие, которое, как и гибель Корфилда, не только перепугало английских колонизаторов в Бербере и Адене, но и серьезно встревожило английское правительство в Лондоне: дервиши напали на Берберу.

В марте 1914 года сеид Мохаммед приказал небольшому отряду дервишей, насчитывавшему сорок всадников на самых быстрых лошадях, напасть на Берберу.

Он хотел этим доказать, что нет силы, которая могла бы противостоять дервишам, и что даже в Бербере английские колонизаторы не могут чувствовать себя в безопасности. Ночью 12 марта на темных улицах Берберы загремели выстрелы. Дервиши пронеслись по всему городу, охваченному паникой, и так же быстро исчезли. Они выполнили приказ сеида Мохаммеда: продемонстрировали свою силу и доказали всем, что англичане бессильны перед ними. Гордые своим успехом, без единой потери, они помчались обратно в Талех, увозя с собой бутылки с морской водой, которую зачерпнули на побережье возле Берберы. Эту воду они привезли сеиду Мохаммеду как доказательство своего успеха.

Английские колониальные власти, напуганные усилением дервишей и их смелой атакой на Берберу, поспеш-

но увеличили численность своих войск. Они доставили в Берберу около восьмисот солдат из Индии, снова сформировали Верблюжий корпус, во главе которого поставили восемнадцать английских офицеров.

В ноябре 1914 года большой отряд английских колониальных войск, вооруженный пулеметами, появился около Шимбер-Берриса. Бои в этом районе шли до февраля следующего года.

Гарнизоны фортов успешно отбили первые атаки англичан, которые отступили и вызвали на помощь артиллерию. Через четыре дня с помощью артиллерийского огня англичанам удалось захватить укрепления, но сражение продолжалось. Дервиши отступили в глубь ущелья, укрылись в пещерах и продолжали защищать Шимбер-Беррис.

Через две недели англичане отступили к Бурао, а дервиши снова заняли укрепления.

В начале февраля 1915 года англичане послали против защитников Шимбер-Берриса еще более мощный отряд. На этот раз кроме артиллерии были вызваны саперы, чтобы взорвать форты дервишей. Завязался ожесточенный бой, который длился много часов. Дервиши мужественно оборонялись, но силы были неравны. Англичанам удалось подорвать стены и захватить Шимбер-Беррис. После того как форты были взяты, они были разрушены до основания.

Осмотрев и сфотографировав все, что осталось от фортов Шимбер-Беррис, мы направились к машинам. Спустившись в долину, обнаружили там приятный сюрприз: лендроверы стояли совсем рядом. Оказывается, Нур и Варсаме сумели пробиться сквозь густой и казавшийся непроезжим буш, чтобы нам не пришлось проделать пешком весь нелегкий путь назад.

ГАРАДАГ И ПЕЩЕРЫ ЭЛЬ-АФУЭИНЫ

От Шимбер-Берриса едем вдоль горной гряды прямо на восток. Место дикое, пустынное. Лишь изредка появляются обитатели сомалийской горной степи — страусы, антилопы. Степь сухая, выжженная солнцем, и ко-

Чевыйки в поисках лучших мест, видимо, покинули её. Вдруг замечаем впереди стаю грифов. Недалеко от дороги — туша павшего верблюда. Запах мертвечины отравляет воздух. И именно тут, как нарочно, у одного нашего лендровера спустила шина. Пришлось сделать остановку... Грифы неторопливо отлетели недалеко от места своей трапезы, всем своим видом давая понять, что мы здесь непрошенные гости.

— Будь сейчас джилал, мы бы встречали такие картины на каждом шагу, заметил Пур.

— Да, — поддержал его Варсеме, — тогда гибнет много скота, и стервятникам да еще гиенам раздолье.

Как оказалось впоследствии, это была наша первая и последняя встреча с грифами, а гиен мы так и не увидели. Ведь наступал дайр, когда домашний скот и дикие животные не гибнут от голода и жажды.

Через полчаса машина снова была на колесах, а еще через час мы въезжали в Гарадаг, где собирались заночевать.

Гарадаг — небольшой районный центр Северо-Восточной провинции. Название города, как нам сказали местные жители, означает, что здесь живут «упрямые люди, с которыми трудно договориться». Однако наш опыт не подтвердил этого толкования: нас встретили весьма гостеприимно. Правда, радушие местных властей отчасти объяснялось телеграммой губернатора с соответствующим распоряжением. Кстати сказать, аналогичные телеграммы были направлены во все районные центры, расположенные по нашему маршруту.

Наш отряд разместился на ночь в доме районного комиссара — это здесь высшая власть. Самого хозяина нет дома — он в отъезде.

Ужинаем при свете фонарей. К востоку от Бурао, в северных районах Сомали, электричества почти нет.

Ужин обильный, хотя для европейца несколько однообразный: рис и баранина, да чай с козьим молоком — традиционное сомалийское угощение. После ужина наш водитель Варсеме, пошептавшись со своими соотечественниками, на машине отправляется в сторону жилых кварталов Гарадага (дом комиссара, где мы разместились, стоит поодаль).

Через полчаса Варсеме возвращается. Вокруг него начинается какое-то оживление. С некоторым смущени-

ем нам объясняют: привезли кат. Смущение же вызвано тем, что официально жевание ката осуждается.

Еще в Могадишо мы знали, что в стране ведется усиленная кампания против катомании — так столичная газета назвала привычку сомалийцев жевать кат. Руководство страны принимает в этом отношении не только запретительные меры, но и стремится с помощью средств массовой пропаганды убедить население отказаться от дурной привычки, не такой уж безобидной и безвредной, как может показаться с первого взгляда: листья индийской конопли, как называют ботаники это растение, содержат алкалоиды, которые отрицательно воздействуют на физическое и психическое состояние человека. Постоянное употребление ката ведет к желудочным заболеваниям, к потере аппетита и т. д., но, пожалуй, наибольший вред оно наносит нервной системе. Развивается бессонница, нарушается координация движений, человек постоянно испытывает психическую депрессию. Постепенно он превращается в настоящего наркомана или, точнее, катомана. Такой катоман может часами сидеть и жевать кат, его мысли заняты только тем, где ему раздобыть веточку ката. А стоит кат дорого, так как растет в горных районах Эфиопии и доставляется оттуда, конечно, контрабандой. И чем дальше от места произрастания, тем, естественно, «удовольствие» стоит дороже. Небольшой пучок листьев оценивается в восемь-десять шиллингов — в Сомали это средняя дневная зарплата трудящегося, работающего по найму. Любители ката не только разрушают свое здоровье, но и обездоливают семью. Таким образом, проблема приобретает социальный аспект. Положение осложняется тем, что жевание ката издавна было распространено среди сомалийцев и стало своего рода традицией, от которой не так-то просто отказаться.

Мы не стали спорить с нашими спутниками, которые считали, что кат не приносит вреда, и решили сами его попробовать. Сжевали целую ветку — никакого впечатления. Ветка как ветка, все равно что жевать пашу березу. И удовольствие примерно такое же. Сомалийцы смеются, дескать, ничего не понимаете. Во-первых, надо запивать сладким чаем, а во-вторых, жевать нужно много и долго, часа два-три...

На следующий день добрались до Эль-Афуэйны. Это

предмет вожделения нашего археолога — Саида. Он настолько возбужден, что все время норовит вырваться на своей машине вперед.

Чтобы не ехать в облаке пыли, поднятой машиной археологов, водитель нашего лендровера «газует» и едет рядом с ними, тем более что и дороги-то практически нет — едем прямо по каменистой пустыне. В этом бездорожье наши водители ориентируются изумительно.

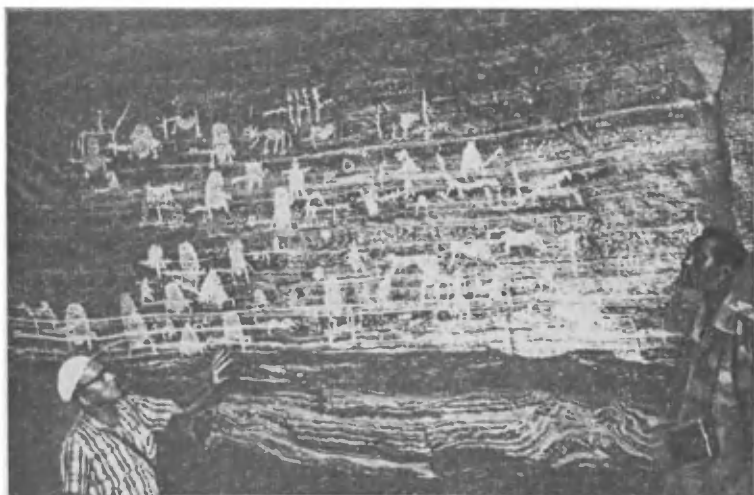
В Эль-Афуэйне в наши переполненные машины втискиваются местные проводники — полицейский сержант и молодой человек по имени Джама. Как выясняется, Джама — местный чиновник и историк-любитель. Изучение национальной истории — как мы еще раз убедились и неоднократно будем убеждаться в дальнейшем — весьма распространенное в Сомали хобби, чему мы, историки, были очень рады.

Итак, мы едем осматривать знаменитые пещеры с наскальными рисунками, о которых мы знаем из научной литературы и о которых нам так много говорили еще в Могадишо.

Машины идут по ужасающему бездорожью. Острые камни, ямы, спуски и подъемы — и так километров пятнадцать на северо-запад от Эль-Афуэйны. Несколько утешаемся живописными пейзажами необычной гористой местности.

Останавливаемся на краю узкого каньона и далее продвигаемся пешком по его дну. Теперь главное не пропустить пещеру, которая, по утверждению нашего гида, находится где-то неподалеку. Через несколько десятков метров на правой стороне каньона — большой провал пещеры.

Пещера называется Год-хардунне, что по-сомалийски означает Расписная пещера. Высота входа в нее — пять метров, ширина — около семи. Пещера состоит из одного большого зала, на двух стенах которого — на противоположной от входа и боковой — нанесены рисунки. Это в основном изображения верблюдов, леопардов и каких-то загадочных существ. Неизвестный художник наносил их на каменную стену острым, твердым предметом, он, очевидно, «выстукивал» рисунки, так как при близком рассмотрении выясняется, что они состоят из мелких точек, образующих в совокупности силуэт животного.

Наскальные изображения пещеры Год-хардунне

В горных районах Северного Сомали много таких пещер. Они еще плохо исследованы. Время создания рисунков также не установлено.

Осмотрев пещеру, отправляемся дальше, на север. По пути встречаются большие каменные насыпи в виде холмов. Особенно много их на окраине Кал-Шейха, последнего населенного пункта на пути в Эригаво. Здесь, на расстоянии нескольких метров друг от друга, находится сразу восемь каменных курганов.

Эти овальные каменные насыпи, встречающиеся практически во всех районах Северного Сомали, до сих пор представляют собой загадку. А загадка рождает легенды. Одна из них рассказывает о могущественной и жестокой повелительнице по имени Арравелло. Особую ненависть у нее почему-то вызывали мужчины, и многие из них, как свидетельствует легенда, были оскотлены или погибли от недоброй руки Арравелло. Когда же она умерла, мужчины возликовали и стали бросать камни на ее могилу, а так как дух Арравелло поселился во многих местах, то с тех пор каждый проходящий мужчина считает своим долгом бросить камень на одну

из насыпей. В этой легенде, как всегда, много поэзии, но мало истины.

Некоторые ученые предполагают (кстати, так говорили нам и сомалийцы), что насыпи оставили племена галла, когда-то населявшие эти районы, а затем вытесненные на юг, в пределы нынешней Эфиопии и Кении. Другие утверждают, что насыпи — сравнительно недавние захоронения сомалийцев.

То, что некоторые каменные насыпи действительно представляют собой могильники, доказано английскими исследователями, вскрывшими несколько курганов. Здесь были найдены человеческие останки, а также керамика и другие предметы.

И все же до конца тайна курганов пока не раскрыта.

В Кал-Шейхе совершенно неожиданно выясняется, что где-то недалеко находится кочевье, где живет родная тетя Ахмеда.

Вот так новость! У Ахмеда, сопровождающего пас молодого офицера сомалийской армии, знающего русский язык, совсем неподалеку есть родственники, ведущие кочевой образ жизни! Новость для нас весьма приятная. Мы можем поехать в кочевье, где нас примут не просто как незнакомых людей, проявляющих к тому же чрезмерное любопытство к подробностям чужой жизни, а как своих, почти как родственников. Мы срочно отправились в лавочку, чтобы купить подарки — с пустыми руками ехать неудобно.

— Покупать нужно сахар, соль и рис, — сказал Ахмед. Он знает, что нужно тете. Мы закупили продукты и поехали. Дорогу показывает молодой человек, сообщивший эту новость Ахмеду.

В пути встречаем старика с мальчиком, которые гонят стадо черноголовых овец в сторону Эригаво. Останавливаем машину и подходим к старику. Он тоже останавливается и выжидающе смотрит на нас. Ахмед, выступающий сейчас в роли переводчика, не дожидаясь наших вопросов, начинает расспрашивать старика — он уже знает, что нас интересует в таких случаях. Оказывается, старик гонит свое стадо овец, состоящее из пятидесяти голов, на продажу в Эригаво. Но ему не повезло. Только что встретил своего знакомого, который уже был в городе. Скот не покупают, так как нет тран-

спорта, чтобы отправить его в Бурао и далее в Берберу. Придется ждать.

— Я ведь прошел уже пятьдесят километров,— сказал старик.— Нет смысла возвращаться. Буду ждать машину.

Старик попался разговорчивый и охотно отвечал на наши вопросы. Кочует он вместе со своими братьями, в основном в районах Лас-Анода, Эригаво, Шимбер-Берриса. В его кочевой группе сорок человек.

— И все родственники? — спросили мы.

— Да, родственники. Они остались там,— он махнул рукой в сторону кочевья.— У меня у одного пятнадцать детей, да и у четверых моих братьев семьи большие, так что всех вместе получается ровно сорок человек.

Мы спросили, не хочет ли старик оставить кочевую жизнь и жить оседло, обрабатывать землю.

— А земля-то где? — вопросом на вопрос ответил он.— На этой,— он тычет палкой в землю,— ничего ведь не вырастишь. А вообще-то у меня есть клочок земли, пытаюсь на нем кое-что сажать. Но только когда много дождей, а так все сохнет. Сколько раз бросал участок, возвращался, а его так никто и не занимает.

Мы пожелали старику удачи и расстались.

Наш провожатый сказал шоферу, что нужно сворачивать вправо. Едем по бездорожью, по каменистой, слегка всхолмленной местности. Кругом пока никаких признаков жизни. Едем довольно долго. Машина лавирует между невысокими холмами — вправо, влево, снова вправо... Нам уже начинает казаться, что наш проводник заблудился, потерял дорогу, но мы помалкиваем. Мы уже не раз убеждались в поразительной способности сомалийцев ориентироваться на местности, лишенной каких-либо заметных примет. Еще в Могадिशу Муса Галаал рассказывал нам, как умело кочевники ориентируются по звездам и среди кромешной темноты находят дорогу. Но сейчас был день, и звезд на небе не было. И все же, обогнув очередной холм, мы увидели белеющее стадо овец, а немного в стороне от них — одинокий *акаль* — традиционное жилище кочевников.

— Ну вот и приехали,— сказал провожатый.

Наш приезд не произвел никакого впечатления на тетю. Казалось, что даже появление Ахмеда, ее племянника, которого она не видела бог весть сколько време-

ни, не очень ее удивило. На самом деле это было не так. Спокойное поведение женщины было проявлением сдержанности, присущей сомалийским кочевникам, выросшим и живущим в суровых условиях сомалийского бушленда.

В акале, куда нас пригласили выпить чашку чая, было сумрачно и душно. Кроме веревок и шкур, в беспорядке развешанных по стенам и разложенных на полу, и глиняных сосудов разных размеров, в акале ничего не было. По всему было видно, что это временное жилище и что скоро придет время свертывать его. В акале лишь спят и хранят домашнюю утварь. Большая часть времени проводится вне его. Жилище обнесено по кругу изгородью из колючек и высохшей травы. Образуется как бы внутренний дворик. Тут же отгорожено небольшое пространство для молодняка. Во дворе очаг. Все предельно просто.

Конструкция акаля так же примитивна. Несколько воткнутых в землю по эллипсу жердей составляют его каркас. Сверху он покрывается циновками и кошмами, закрепленными веревками. Пока Ахмед разговаривал со своей родственницей, мы вышли из акаля и уселись вокруг очага, на котором кипятился чай в алюминиевом чайнике. Наш проводник, оказавшийся на редкость общительным и интересным собеседником, рассказал о повседневной жизни кочевника.

Разборка акаля и сборка на новом месте — исключительно женская работа: три женщины справляются с ней минут за тридцать. Сомалийские кочевники сооружают и большие акали, но только в исключительных случаях, в основном в качестве подарка молодоженам. Такой акаль имеет внутренние перегородки, которые образуют несколько помещений. Обычно их три: помещение, где принимают гостей, пьют чай и т. д., спальня и небольшое место для умывания. Вдоль внутренних стенок по всей окружности акаля сооружается выступ, который служит полкой для хранения домашней утвари. Но основная масса кочевников обходится жильем меньших размеров и без внутренних перегородок — так легче собрать и поставить его.

Во время перекочевков жилище вместе с домашним скарбом и утварью искусно навьючивают на верблюда, и семья отправляется в путь. Средней семье, состоящей

из семи человек, достаточно иметь двух вьючных верблюдов, чтобы перевезти все свои вещи вместе с акалем. Благодаря физической выносливости кочевников, а также вьючных животных двигаются очень быстро, со скоростью до пятидесяти километров в сутки. Это очень много, если учесть жаркий климат страны, а также факт, что верблюд редко используется для перевозки людей.

Большие поселения кочевников встречаются редко. Обычно акали, принадлежащие отдельным семьям, разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. В них живут, как правило, женщины и дети, присматривающие за козами и овцами; подростки отгоняют верблюдов на более отдаленные пастбища. Глава семьи обычно отсутствует: он отправляется в придорожный поселок или близлежащий город, где всегда можно купить необходимые в хозяйстве кочевника продукты или другие товары.

Вот и сейчас хозяина не было дома. А четверо детей, старшему из которых было лет семь, возились неподалеку от жилища и тоже, казалось, не проявляли к нам никакого интереса. Лишь изредка можно было перехватить взгляд любопытных черных глазок, на мгновение устремлявшихся в нашу сторону.

Выпив традиционного чая с козьим молоком и дав возможность Ахмеду как следует наговориться со своей родственницей, мы распрощались с гостеприимными хозяевами и к вечеру добрались до Эригаво.

ДЕРВИШИ ИЗ ЭРИГАВО

Утром проснулись от... холода. Замерзли в Африке, под шерстяными одеялами. Рассказать в Москве — не поверят! Два с лишним километра над уровнем моря дают о себе знать.

Город состоит из двух частей — жилых кварталов и района официальных учреждений, включающих здание комиссариата, полицейский участок, больницу, тюрьму... Все учреждения выкрашены в белый цвет, вероятно, для того, чтобы их не перепутали с жилыми домами. Эригаво рекламируется в официальном справочнике «Сомали сегодня» как город-курорт с прекрасным прохладным

климатом. И хотя специальных «курортных учреждений» в городе нет, он все же оправдывает свою репутацию. Прекрасный парк, хотя и небольшой, порос высокими тенистыми деревьями и сочной травой. В лесном массиве Далло, что в нескольких десятках километров к северу от города, произрастают знаменитые мирровые деревья, которыми в древности славилось Сомали. Там же растет один из видов красного дерева, из которого в Эригаво выделывают знаменитые по всей стране палки-посохи с затейливой резьбой и набалдашниками в виде фигурок зверей и птиц.

Эригаво отделен от Аденского залива горами. С другой стороны перевала, на берегу залива, находится городок Маит. В средние века это был известный порт, там приставали суда, шедшие из стран Ближнего Востока. Ныне порт потерял свое бывшее значение. Жители побережья промышляют рыбу на небольших парусных суденышках — *дау*.

В Маите находится гробница шейха Исаака, родоначальника одноименной племенной группы, населяющей сейчас в основном Северо-Западную провинцию. Гробница шейха считается святыней, и многие сомалийцы, принадлежащие к исаак, совершают сюда паломничество.

Здесь у нас состоялась незабываемая встреча с Абди Нур Хидигом, одним из двух дервишей-повстанцев, которым «Аллах сохранил жизнь до нашего приезда», вняв, очевидно, молитвам ау Джамы в Могадишо.

Перед нами один из немногих оставшихся в живых активных участников событий тех лет, более того, человек, близко знавший сеида Мохаммеда. Выясняется, что он еще и его родственник: сестра Абди Нур Хидига была одной из младших жен сеида.

Наш собеседник заявляет, что ему девяносто лет. Что ж, приходится верить ему на слово. По его виду примерно так и есть, хотя старик держится довольно бодро. Рассказывая о былых сражениях, он жестикулирует, рисует палкой на песке: кто откуда наступал, кто куда отступал. Показал нам шрамы былых ран — у него были прострелены правая ключица и правое колено.

На следующий день Абди Нур Хидиг привел своего соратника Абди Нур Гулида по прозвищу Дерех (Вы-

сокий). Такой же старый, как и Хидиг, Гулид Дерех был к тому же еще и слепым. Тем не менее при второй нашей встрече пальма первенства в рассказах о восстании сеида Мохаммеда перешла к нему, а Хидиг лишь кивал головой в знак согласия и солидарности со своим товарищем.

Выяснилось любопытное обстоятельство: наши собеседники только сначала были на стороне восставших, а потом перешли на сторону англичан и принимали активное участие в подавлении восстания.

— Почему вы это сделали?

— Сеид Мохаммед убил четырех моих братьев,— отвечает Гулид.

— И моего отца, которого оговорили, обвинив в измене. Меня тоже хотели убить,— добавляет Хидиг.

Из дальнейших расспросов выясняется, что главную роль тогда играли племенные и родственные связи и что ими, а вовсе не политическими мотивами определялись многие действия современников движения. И мы снова вспомнили слова президента Мохамеда Сида Барре о том, что сомалийцы начали понимать значение и смысл движения сеида Мохаммеда только после того, как оно закончилось.

Оба старика — Хидиг и Гулид — во всех деталях описали бои, в которых они участвовали на стороне англичан в последний (1920-й) год восстания. Но нас больше интересовало, что происходило в лагере повстанцев, когда Хидиг и Гулид были еще среди них. И наши собеседники, нимало не смущаясь тем, что сами они изменили сеиду Мохаммеду, начали расхваливать его достоинства.

С их помощью мы пытались разобраться в одной загадочной, почти детективной истории с так называемым письмом Салиха.

Английские и итальянские колониальные власти организовали поездку нескольких зависимых от них сомалийских шейхов в Мекку к Мохамеду Салиху — основоположнику религиозной секты салихийя, к которой относил себя и сеид Мохаммед, одно время учившийся у Салиха. Эта группа шейхов, якобы представлявших сомалийский народ, должна была оклеветать сеида Мохаммеда и добиться официального осуждения его действий.

Приехав к Салиху, шейхи стали убеждать его в том, что сеид Мохаммед не соблюдает религиозные законы и отошел от праведного пути. Они обвинили сеида, в частности, в излишней жестокости и деспотизме. Салих не поверил им и заявил, что хочет знать мнение Абдуллы Шихери, который часто приезжал к нему и никогда не говорил ничего плохого о сеиде Мохаммеде.

Шейхи обратились к английским властям с просьбой направить Абдуллу Шихери из Адена в Мекку. К этому времени Абдулла Шихери, бывший ранее верным другом сеида Мохаммеда и его представителем в Адене, изменил дервишам и перешел на сторону колонизаторов. Прибыв в Мекку, Абдулла Шихери подтвердил слова шейхов.

Так как Салих все же не соглашался написать письмо, осуждающее действия сеида Мохаммеда, то пособники колонизаторов, выполняя приказ своих хозяев, решили его обмануть. Они уговорили Салиха спросить сеида Мохаммеда в письме, справедливы ли выдвинутые против него обвинения. Они подкупили секретаря Салиха и поставили печать-подпись Салиха на сфабрикованное ими письмо, резко осуждающее действия сеида Мохаммеда, а не на то, которое согласился написать Салих. Подложное письмо привезли в Аден, размножили и копии разослали по всему Сомали.

Эта подрывная операция, инспирированная колониальными властями, внесла некоторое замешательство в ряды дервишей. Ведь под знаменем салихийи и с именем Салиха они ходили в бой, а теперь, оказывается, Салих осуждает сеида Мохаммеда. Введенные в заблуждение, некоторые дервиши решили покинуть сеида Мохаммеда. Среди них были заговорщики, например Хасан Ауль, Фарах Мохамуд Сугуле, шейх Абдулла Гориу, которые даже намеревались убить сеида Мохаммеда. Они собирались в местечке Ададеро под деревьями *анджел*, поэтому заговор вошел в историю под этим названием.

Однако заговорщиков постигла неудача: один из них, Шире Умбал, признался во всем сеиду Мохаммеду. На следующий же день заговорщики были арестованы.

Сеид Мохаммед не казнил заговорщиков, проявив тем самым мудрость и дальновидность. Дело в том, что среди них было много руководителей кланов, и сеид

опасался, что рядовые дервиши могут уйти от него. Через некоторое время заговорщики были освобождены (кроме Хасана Ауля, убитого его же единомышленниками).

Некоторые из них потом ушли в свои родные места. Сеид Мохаммед их не задерживал: это уже были ненадежные люди, не заслуживавшие доверия. Почти все остальные дервиши остались в *харунте*⁶, мало кто ушел с незадачливыми заговорщиками.

Такова была, судя по рассказам Хидига и Гулида, а также нашего коллеги ау Джамы, эта история, которую мы, вероятно, так никогда и не выясним окончательно.

Наши длительные беседы со старыми дервишами сопровождалась почти непрерывным чаепитием. Несколько раз, отвечая на вопросы ау Джамы, они запевали габеи, сложенные сеидом. В таких случаях мы откладывали карандаши в сторону и, изображая на лицах вежливое понимание, ждали окончания поэтических интермедий. Завершились встречи тем, что мы торжественно вручили нашим собеседникам экземпляры Корана ташкентского издания, что произвело на них ошеломляющее впечатление.

Вечером, который выдался настолько прохладным, что нам пришлось надеть на себя все, что у нас было, мы получили приглашение на празднество. По темным переулкам Эригаво мы подъехали к большому скоплению людей.

Толпа, в которой были представлены все возрасты — от самых юных жителей Эригаво до седебородых старцев — и, конечно, многие представительницы прекрасного пола в ярких, красочных одеяниях, образовала круг, в середине которого под аккомпанемент барабанов демонстрировали свое мастерство танцоры. Их освещали два ярко горевших газовых фонаря, стоявших на стульях. Нас, как почетных гостей, посадили на стулья, а все остальные стояли, согреваясь ритмичным хлопанием в ладоши.

Танцы, ненадолго прерванные нашим появлением, возобновились. В середину круга вышли двое парней. Они притоптывали и кружились, то и дело поправляя на-

⁶ Х а р у н т а — главный лагерь повстанцев.

кидки вроде шалей, в которые были закутаны. Все танцоры были одеты в сомалийские национальные одежды, гармонизировавшие с исполняемыми танцами. Один только раз в круг выскочил парнишка в кургузом европейском пиджачке и при галстучке. Он явно не произвел на зрителей и па партнершу того впечатления, на которое, видимо, рассчитывал. Танцовщиц было более десяти, в одежаниях ярчайших расцветок, и все они стояли рядом в ожидании своей очереди. Пожилая матрона поочередно выводила их в круг, где они сменяли одна другую.

Танец, сопровождаемый монотонным пением зрителей, продолжался непрерывно, менялись только исполнители. Между ними происходило что-то вроде соревнования: кто дольше продержится. Зрители, как истые «болельщики», криками и хлопками подбадривали своих фаворитов. Партнерши только кружились, менее энергично, чем мужчины, но более грациозно. Парни же неистово топали ногами, лихо кружились и снова топали. Видимо, чем дольше мужчина находился в центре круга, тем больше это ему делало чести, поэтому танцоры менялись редко. Было что-то воинственное в этом танце. Возможно, он и возник первоначально как танец сомалийских воинов, ибо он требовал не только умения, но и силы, выносливости, ловкости. Танцы продолжались до поздней ночи.

Еще в Могадишо, посмотрев представление в Национальном театре, мы на следующий день побеседовали с Ахмедом Артаном, тем самым молодым сомалийцем в очках, который так тепло встретил нас в аэропорту. Он один из знатоков сомалийского фольклора и народного творчества. Ахмед Артан много рассказал о народных танцах Сомали.

Африканское искусство, по его мнению, очень близко к природе. Это еще «не тронутая» в научном отношении сфера духовной жизни общества. Танцы — главное средство, с помощью которого выражаются практически любые чувства и состояния человека: радость, боль, любовь, ненависть, желанья и т. д.

Ритуальные, или, как их еще называют, традиционные, танцы издавна исполнялись в среде кочевого населения и оседлых земледельцев. Они наряду с фольклором — главные носители древних культурных традиций

Танцует молодежь

сомалийского народа. Ритуальные танцы исполняются по поводу различных религиозных церемоний, когда нужно умиловить силы природы, чтобы она ниспослала хороший урожай, избавила от засухи, от нападения диких зверей, от болезней и т. д., и в связи с житейскими событиями — рождением ребенка, свадьбой. Танцами же отмечают наступление сезона дождей и других благоприятных природных циклов.

Но существуют, конечно, и танцы увеселительные и предназначенные для показа зрителю. В современном Сомали постепенно стирается грань, отделяющая традиционные танцы от танцев, не носящих ритуального или религиозного характера. Ритуальный танец воспринимается современным зрителем так же, как и все другие виды танцевального народного искусства, и входит в репертуар коллективов, выступающих на театральных подмостках.

Каждая область или этническая группа СДР имеет свои оригинальные по рисунку и ритму танцы. Мы убедились в этом на праздниках в Бурао и Харгейсе, посвя-

щенных дню Революции, где выступали самодеятельные коллективы всех северных районов.

Здесь же, в Эригаво, танцы отличаются наибольшей темпераментностью и задором, это своеобразный сомалийский перепляс, который неопытному танцору нелегко выдержать.

До поздней ночи продолжались танцы, сопровождаемые звонкими хлопками, улюлюканьем и подбадривающими криками зрителей, которым они доставляли подлинную радость.

На окраине Эригаво, у здания полицейского участка, под развесистой акацией, намертво вцементирован блок авиационного мотора. Это — своеобразная реликвия, сохраненная со времен восстания сеида Мохаммеда и напоминающая об одном из наиболее драматических его эпизодов.

После многолетних безуспешных попыток подавить восстание британские колониальные власти решили применить авиацию. И вот в январе 1920 года над лагерем повстанцев в районе Эригаво появились странные, доселе невиданные «птицы», которые начали сбрасывать бомбы. Оправившись от первого шока, дервиши ответили на бомбардировки ружейным огнем.

И вот перед нами остатки авиамотора одного из тех самолетов. Был ли он сбит повстанцами или пытался сесть и разбился — мнения расходятся. Но это сейчас уже не имеет значения. Главное то, что враг понес большой урон, лишившись одного из своих самолетов. И теперь сомалийцы хранят этот кусок железа как символ стойкости патриотов, боровшихся за независимость.

После многих дней, когда перед глазами были все время камни, песок, редкая полужасохшая растительность сомалийской полупустыни и заросший колючими кустарниками буш, мы, к своему удивлению, оказались среди зелени. Это долина Мираши, или, как гласят некоторые карты, Медише. Примерно в сорока километрах к северо-востоку от Эригаво долина переходит в узкое горное ущелье. Жизнь долине дает небольшой ручей, истоки которого находятся где-то в верховьях ущелья. Когда въезжаешь в долину, поражает резкая смена растительности. Появляются высокие, с пышной

кроной дерева, сочная, не поблекшая от недостатка влаги трава. Пасутся коровы — верный признак того, что здесь имеется оседлое население. Растут цитрусовые и фруктовые деревья — лимоны, зейтун, дальше вверх тянутся небольшие участки, засаженные дуррой. На горных склонах по обе стороны ущелья зияют черные провалы небольших пещер.

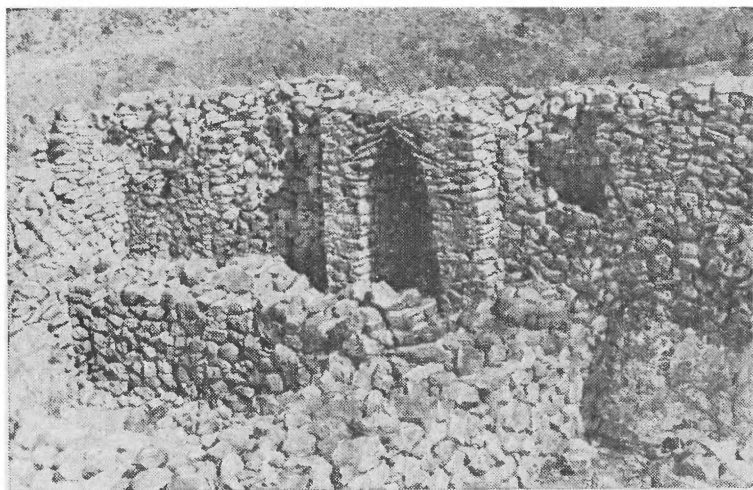
— Манки хауз, — говорит ау Джама. — Обезьяны жилища.

Действительно, дорогу часто перебегают бабуины. Большой, лохматый, бурого цвета бабуин спрятался за дерево и с любопытством поглядывает на медленно движущуюся машину. Останавливаемся и пытаемся сфотографировать его. Бабуин из осторожности отбегает в сторону, но не уходит, а продолжает рассматривать нас. Люди для него, конечно, не диковинка, но незнакомцев следует на всякий случай изучить.

На склонах холмов, окаймляющих долину, стоят полуразрушенные каменные сооружения — это остатки сторожевых башен, невысоких крепостных стен с бойницами. В середине одного такого укрепления — надгробие могилы одной из жен сеида Мохаммеда; тут же в стене ниша, михраб мечети. Под ногами среди камней находим ржавые патронные гильзы и куски железа, видимо, осколки английских авиабомб, от которых так пострадали эти недостроенные сооружения.

Место здесь очень удобное; благоприятный климат, плодородные почвы, вода... Сравнительно недалеко, к северу, на побережье Аденского залива — порт Лас-Хоре, через который повстанцы вели торговлю с арабскими государствами и получали оружие, боеприпасы, одежду и другие товары. Весьма вероятно, что именно здесь сеид Мохаммед Абдулла Хасан собирался основать вторую после Талеха, а может быть и главную, столицу своего государства.

Трудно, конечно, утверждать со всей определенностью, но многое говорит в пользу этого предположения. Например, и в Могадишо и здесь, в Мираши, мы слышали рассказы о том, что сеид Мохаммед собирался построить огромный мост над долиной, который соединил бы противоположные склоны ущелья. Технически это вряд ли было осуществимо, да, видимо, в этом и не было нужды. Однако подобное намерение свиде-

—
Развалины крепостных сооружений
в долине Мираши

тельствует о грандиозных замыслах сеида Мохаммеда относительно Мираши. К сожалению, нам не удалось повидать единственного оставшегося в живых строителя здешних укреплений. Этот старец, живший в соседнем селении, куда-то ушел, и никто толком не знал, когда он вернется.

Исторические события того времени стали воспоминанием, а для молодого поколения сомалийцев — почти легендой. Сейчас в долине Мираши живет около двух тысяч человек. Так сообщили сомалийцы, которые, после того как мы осмотрели остатки сооружений, пригласили нас отдохнуть и выпить чаю. Под небольшим навесом, служившим укрытием от невыносимого солнца, собралось человек двадцать пять, большей частью старики. Потекла неторопливая, по-восточному размеренная беседа. Отвечал на наши вопросы один старик, другие либо поддакивали ему, либо дополняли его слова. На этот раз мы заинтересовались поземельными отношениями в этом благодатном краю, тем, кому принадлежит земля в долине и на каких основаниях ею пользуются.

— Эту землю мы получили еще при англичанах, — ответил старик, который, видимо, пользовался наибольшим доверием среди собравшихся. — Спрашиваете, кому принадлежит земля? Кому же она может принадлежать, как не богу или государству? Земли здесь не так много. Выращиваем дурру, имеются небольшие сады. У каждой семьи есть скот — овцы, коровы. Когда воды мало, а случается это нередко, откочевываем вместе со своим скотом, но недалеко. С коровами далеко не уйдешь, — добавил старик, как бы ища подтверждения своих слов у сидевших рядом.

Возвращаясь к оставленным в нескольких сотнях метров машинам, мы увидели на одном участке двух быков, запряженных в плуг, — молодой крестьянин пахал землю. Такая картина предстала перед нами впервые, ибо до этого мы не видели, чтобы сомалийцы обрабатывали землю плугом. Проблема плужной обработки земли с использованием тягловой силы — одна из наиболее насущных в Сомали. До сих пор сомалийские крестьяне применяют в основном мотыгу и обрабатывают землю вручную. Внедрение плуга, а также быков в качестве тягловой силы власти считают одной из первых мер по модернизации земледелия.

Наш маленький отряд, состоявший из довольно разных людей, все более превращался в единый, дружный коллектив. Первоначальные опасения насчет «психологической несовместимости» оказались напрасными. С нашими коллегами, сомалийскими учеными ау Джамой и «ленинградцем» Саидом (да, именно «ленинградцем»: Саид постоянно твердил нам, что Ленинград — лучший город в СССР), мы неплохо «стыковались» еще в Могадишо. Там же узнали и симпатичного лейтенанта Ахмеда Хаши, который в отличие от Саида отдавал предпочтение Одессе, где он учился несколько лет. Полицейские Ибрагим и Мохамуд, присоединившиеся к нашему отряду в Бурао, тоже оказались весьма коммуникабельными и симпатичными ребятами. Ибрагим был высоким, худощавым парнем с тонкими чертами лица. На привалах, нередко отложив свою винтовку в сторону, он вытаскивал из кармана книжку и, усевшись в тени машины, принимался читать. Между собой мы прозвали его Аристократом — в нем было что-то утонченное. Второй — Мохамуд — был попроще. Держался

все время в стороне, вел себя скромнее, но чувствовалось, что ему не чуждо чувство юмора. Наиболее же частым объектом наших безобидных шуток и розыгрышей был ау Джама, который воспринимал их с полнейшим добродушием и безмятежностью.

ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ К ТАЛЕХУ

Пожалуй, это был единственный случай, когда мы были готовы точно в назначенный срок. Выехали в шесть часов утра, как только взошло солнце и рассвело. Иначе и быть не могло. Нам предстояло преодолеть самый протяженный и сложный участок пути: от Эригаво до Талеха около четырехсот километров.

Мы направлялись в самый центр полупустыни со всеми вытекающими отсюда последствиями: бездорожье, безлюдье и еще много других «без»... Водители тщательно проверили машины, запаслись горючим, водой. Здесь уже мы не могли проявить беспечность, как в Харгейсе, когда забыли капистру с питьевой водой.

И снова перед нами еле заметная колея. Очень часто она совсем исчезает, и мы мчимся по пустыне, поднимая за собой длинный и долго не опадающий шлейф пыли. До этого мы чаще всего встречали стада овец, коз и верблюдов в сопровождении пастухов-мальчишек или — нередко — пастушек. Теперь картина изменилась: вместо домашнего скота появилось зверье, правда совершенно неопасное.

По два-три гуськом пробегают бородавочники с необычайно длинными хвостами, торчащими вверх и увенчанными метелками. Чаще всего попадаются антилопы: *геренук* — так сомалийцы называют газель Уоллера с высокой, красиво изогнутой шеей, *деро* — газель Слика с белым хвостиком, светло-коричневый *ауль* — газель Земмеринга. Из этих трех газелей геренук была самой крупной, а ауль — самой маленькой. Вероятно, нам встречались и другие антилопы, но мы их не распознали: близко они к себе не подпускают, а охотиться без лицензий в Сомали ныне строжайше запрещено. Новая власть решительно борется с безудержным истреблением животного мира в Сомали, которое здесь происходило.

Наибольшее впечатление производили все же не антилопы, при всей их грациозности и изяществе. Страусы — вот кто были нашими фаворитами. Их небольшие стада (по четыре-шесть особей) подпускали нас сравнительно близко, видимо, огромные птицы надеялись на свои быстрые ноги. И, как оказалось, вполне обоснованно. Устав от однообразной дороги и решив, видимо, немного встряхнуться, а заодно и нас встряхнуть, шофер Нур, приблизившись к одной группе страусов, свернул прямо к ним. Минут пять мы мчались с ними рядом, спидометр показывал восемьдесят километров в час. Страусы бежали ровно, даже как-то спокойно. Потом им, видимо, надоело соседство громающего существа, они «поднажали» и, постепенно сворачивая в сторону, оторвались от машины, оставив нам на память слегка смазанный, но тем не менее эффектный кадр на фотопленке.

За полдня пути пам встретился только паренек пятнадцати лет. Он вышел к дороге в совершенно безлюдном месте, завидев издали шлейфы пыли. Пораженные этой встречей, мы тут же затормозили.

— Ты как сюда попал, что тут делаешь один?

— Ищу корову, она отбилась от стада, которое я пас. Мне велели искать, сказали, без коровы не возвращайся.

— Давно ищешь?

— Второй день.

— А где ночевал?

— Там, в горах,— он ткнул пальцем в сторону каменной гряды, тянувшейся вдоль дороги.— Я знаю, где можно спрятаться от львов.

— И не страшно?

— У меня есть нож.

Уклончиво, но выразительно. Еды и питья у него с собой нет, но это ничуть не беспокоит юного кочевника.

— Пить хочется.

Выпив полтермоса чая с молоком, он спокойно, с изумительным чувством собственного достоинства, поблагодарил нас и отправился снова искать злополучную корову.

Машины идут хорошо. Недаром нам дали лучшие во всей провинции лендроверы, в том числе и личный

губернаторский. И все-таки дорога такая, что даже эти машины не выдерживают. На обеих машинах мы уже сменили по баллону, на губернаторском лендровере лопнула рессора, и ее закрепили с помощью веревки. На каждой остановке Нур и Варсама что-то проверяют, что-то чинят. Да, путешествие по таким местам — дело нешуточное.

Первую остановку сделали в селении с необычным названием Фигифулия. Здесь есть колодец, а поэтому сюда тянутся кочевники, особенно в сухой сезон. Есть здесь и небольшой магазин со скудным набором товаров, но кочевники и этим довольны.

В следующем селении Арбогес пили чай с еще одним «одесситом», только в отличие от лейтенанта Ахмеда у него была седая борода. В Одессе он побывал в молодости матросом, о чем сообщил нам с гордостью. В Арбогесе он считался человеком, повидавшим большой мир.

Колодец здесь был лучше, чем в Фигифулии, — с насосом и резервуаром для хранения воды, однако сама вода имела горьковатый привкус.

В середине дня добрались до Худуна. Это сравнительно крупный населенный пункт, и мы возлагали на него определенные надежды — хотели здесь пообедать. Но наши надежды рухнули. Пришлось доставать неприкосновенные запасы — консервы местного производства: мясные из Кисмайю и рыбные из Лас-Хоре. Кое-как «заправились» все, кроме Джамы. Он наотрез отказался есть консервы, храня верность сомалийской традиции: употреблять в пищу только свежее мясо.

В жарком Сомали, где сохранять мясо почти невозможно, этот обычай имеет глубокие корни. Но было и еще одно объяснение упрямству Джамы: будучи правоверным мусульманином, да к тому же чуть ли не шейхом, он опасался, что мясные консервы содержат свинину. Наши заверения и надписи на банках его не убедили. А к рыбе он, как и большинство сомалийцев, питал отвращение. Ну что ж, как говорится, дело вкуса.

После Худуна путь наш лежал на запад. Мы проехали больше половины пути и надеялись часа в три, самое позднее в четыре, добраться до Талеха. Однако человек предполагает, а получается... Иншалла, как говорят наши спутники. Дорогу нам преградила... вода.

Вода была везде: и вверху, и внизу. Пошел дождь. Кажалось бы, ну и что же? Но это был дождь в сомалийской полупустыне, об опасности которого нас предупредили оба губернатора, в Харгейсе и в Бурао, и десятки других умудренных опытом людей. И хотя шел он недолго, хотя дождливый сезон в этих краях по-настоящему еще не начался, через десять минут мы буквально не узнавали окружающую местность. Перед нами расстилалось необозримое море, над которым, правда, кое-где торчали какие-то кустики. Вся равнина была покрыта водой. Выделились две узкие параллельные водяные дорожки — на них не было видно возвышающихся над водой кустиков и камней — это была колея нашей дороги. И наши лендроверы как бы плыли по этим дорожкам со скоростью, естественно, намного меньшей, чем тогда, когда мы пытались соревноваться со страусами. И так километров девять-десять. В результате мы потеряли добрых два часа.

Преодолев эту водную преграду, проехали маленькое селение Аролей с неизменным колодцем-водопоем, около которого толпилось стадо верблюдов. Местные жители были поражены нашим появлением, это для них целое событие, ведь деревенька лежит в стороне от больших дорог. Нам пришлось остановиться, чтобы удовлетворить любопытство аролейцев, да и шоферам нужно было осмотреть машины после «плавания».

И вот наконец 15 октября 1971 года в 17 часов 30 минут на фоне предзакатного красноватого неба перед нами предстали величественные башни Талеха — главной цели путешествия.

ТАЛЕХ — СТОЛИЦА ПОВСТАНЦЕВ

Проснулись от холода: мы все спали на раскладушках во дворе, перед зданием полицейского участка, расположенного поодаль от поселка. Наши вооруженные телохранители — Ибрагим, Мохамед и Ахмед поставили свои койки с краю, прикрыв нас с флангов на случай, если забредет из пустыни «царь зверей». Вчерашний вечер пропал для осмотра крепости: после шести часов наступила полнейшая темнота. А сейчас в полшестого

утра на фоне светлеющего неба снова перед нами башни Талеха, к которым мы добирались так долго!

Наскоро перекусили изрядно набившими оскомину консервами, запили вчерашним чаем и — вперед!

С нами пошел старейшина поселка, пожилой Исса Хаджи Ахмед, опирающийся на палку.

Прежде всего отправили в Мogaдишо радиogramму о «взятии» Талеха. Ведь мы в какой-то мере первооткрыватели — до нас никто из советских людей здесь не бывал. Местный радист Хасан Джама отправил наше послание сначала в ближайший районный центр Лас-Анод, а оттуда его передадут дальше, в столицу.

Сначала взобрались на холм, на котором возвышались развалины Дар-Илало — сторожевой башни. Это лишь незначительная часть прежнего сооружения. Основная башня разрушена полностью. Сохранились две конические башни, закругленные сверху. По мнению местных жителей, это были зернохранилища, что весьма сомнительно: засыпанное туда зерно невозможно достать, не разобрав часть башни. На холме сохранились также невысокие стены с бойницами, окружавшие Дар-Илало.

Забрались на самый верх развалин. Исса Хаджи Ахмед с нами. Ау Джама как главный специалист и признанный авторитет по истории восстания сеида Мохаммеда, окидывая взглядом открывшуюся панораму, давал пояснения.

— Слева, около колодца, вы видите кучу камней, она уже начинает зарастать травой. Тут был Давот — Большой дом — башня для гостей, приезжавших к сеиду Мохаммеду.

— Отель, значит. — Все рассмеялись.

— Дальше — шесть гробниц, — продолжал ау Джама. — Ближайшая белая гробница — это усыпальница Абдуллы Хасана, отца сеида Мохаммеда. Левее, чуть дальше — гробница Солдана Нура, одного из ближайших соратников и друзей сеида. Самая дальняя — гробница его матери. Правее — три рядом — гробницы шейхов.

Прямо перед нами находился современный поселок Талех. Дома здесь каменные, в отличие от большинства других поселков, через которые мы проезжали. Некоторые еще недостроены. Несомненно, что строительным

материалом служили камни крепостных развалин. Конечно, людям нужны хорошие дома, но будет жаль, если со временем крепостные сооружения исчезнут, как исчез Давот.

— Самое главное сооружение,— продолжал наш специалист,— Силсилат, что означает «Цепочка». Это целая крепость. Со стороны Дар-Илало ее окружают низкие стены; высокие, самые мощные — на противоположной стороне.

— Разумно,— замечает кто-то из нас.— Дар-Илало ведь прикрывает эту сторону.

— В Силсилате жили люди, хранилось оружие, продовольствие. Это было главное укрепление. За ним, правее — развалины Фалата, большого каменного дома, где жила семья сеида Мохаммеда.

Даже развалины производят весьма внушительное впечатление. Судя по фотографиям пятидесятилетней давности, это были грандиозные сооружения. Недаром, когда в 1921 году английские колониальные войска захватили Талех, лондонские газеты писали, что эти сооружения воздвигнуты чуть ли не во времена египетских фараонов. В Лондоне никак не могли поверить, что сомалийские кочевники были способны построить такие укрепления.

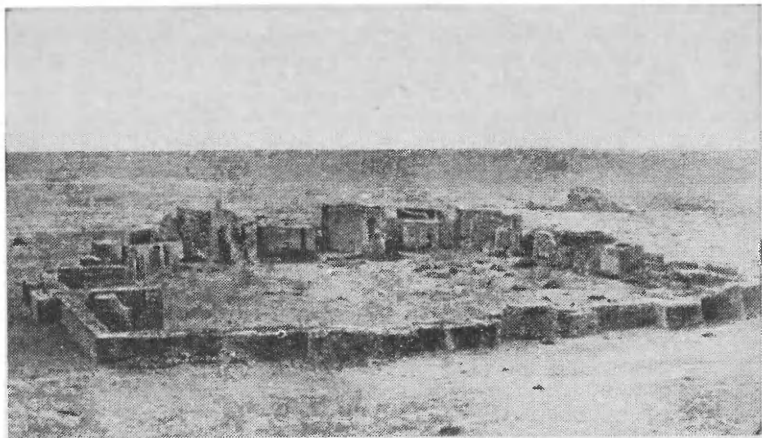
— Кто же все-таки строил их?

— Сомалийцы, но под руководством опытных каменщиков, приглашенных сеидом Мохаммедом из Южного Йемена.

— А долго строили?

— Начали в 1913 году, закончили в 1919-м.

А в феврале 1920 года английские самолеты уже сбросили на крепость первые бомбы. Правда, они не причинили большого вреда, тем более что повстанцы встречали самолеты ружейным огнем, и английским летчикам пришлось подниматься выше. Главный урон крепостным сооружениям нанес динамит, которым британские саперы взрывали башни и стены, когда повстанцы сеида Мохаммеда их оставили. Часть сооружений была взорвана уже в конце тридцатых годов. На фотографиях, сделанных английским исследователем Макфадием в 1937 году, видно, что главные башни Дар-Илало и основная часть Давота были еще целы. Английской колониальной администрации, заправлявшей в Сомали-

Силсилат — главная крепость Талеха

ленде, они чем-то помешали. Тот же Макфадиев писал, что Силсилат поражает отсутствием ворот. Действительно, это замкнутая цепь стен и башен. Сейчас в некоторых местах стены разрушены до основания, и тем не менее ясно, что проходов не было и здесь. И все же ворота есть, вернее, были. В нескольких метрах от ближнего к Дар-Илало угла Силсилата к сравнительно низким стенам с внутренней стороны примыкает высокое сооружение в форме буквы Г. Оно, вероятно, и было крепостными воротами, которые перед осадой Талеха в 1920 году были заложены наглухо. Странно, что Макфадиев в свое время этого не заметил.

У стен Силсилата мы, к нашему удивлению, увидели... лошадь. Сейчас сомалийские лошади — низкорослые и необычайно выносливые и неприхотливые — стали редкостью. А во времена восстания большая часть повстанцев воевала на лошадях, и это давало им возможность совершать молниеносные налеты на английские войска. В лагере повстанцев были тысячные табуны лошадей. В наемных отрядах колонизаторов лошадей почти не было, что весьма удручало английское командование.

Никто так и не смог толком нам объяснить, почему

в северных районах Сомали, после того как восстание здесь было подавлено, лошади исчезли.

Нам очень хотелось побыть в Талехе подольше. Здесь было что посмотреть, но неумолимое время гнало нас вперед: приближался месяц рамадан, когда путешествовать гораздо сложнее, и наступал праздник — вторая годовщина революции 21 октября 1969 года. Да и сезон дождей уже начинался, о чем мы получили первое предупреждение накануне, когда на подступах к Талеху попали под проливной дождь. Однако отъезд пришлось отложить часа на два из-за импровизированной пресс-конференции о жизни в Советском Союзе. Жители поселка (его мужская половина; представительницы прекрасного пола, нарядившиеся в яркие, красочные одежды, держались поодаль) забросали нас вопросами. Вопросы носили весьма конкретный характер и свидетельствовали о том, что, хотя это была первая встреча с советскими людьми, талехцы кое-что уже знали о Советском Союзе. Переводил наши ответы с английского языка на сомалийский пятнадцатилетний Махмуд, который приехал домой на каникулы из школы-интерната в ближайшем районном центре Лас-Анод. Видно было, что он не просто переводил, но и кое-что на ходу объяснял, и вроде бы правильно.

Снова в путь! Делаем последние снимки Талеха и отправляемся в Бохотлех. По дороге наши вездеходы дважды с большим трудом преодолевают раскисшие после дождя участки дороги. Машины идут в объезд, по целине, объезжая низины, затопленные водой. Во время одной из вынужденных остановок, когда водители пешком пошли искать объезд, а у Джама и наш попутчик, чиновник из Лас-Анода, сумели даже искупаться в каком-то рву с дождевой водой. После водной процедуры чиновник расстелил небольшой коврик и, расположившись на нем, начал молиться. А у Джама, хотя и считал себя ревностным мусульманином, пренебрег возможностью лишней раз обратиться к Аллаху, пользуясь льготным статусом путешественника, который разрешает правоверным пропускать некоторые молитвы.

Местность, по которой мы едем, становится все более гористой. Монотонная пустыня сменяется более живописными нагромождениями скал, узкими долинами и обильной зеленью, в основном густым кустарником.

СОМАЛИЙСКИЕ КОЧЕВНИКИ

Но вот и Лас-Анод, небольшой районный центр в гористой местности на юге Северного Сомали. Здесь мы остановились по дороге в Бохотлех. У входа в дом, в котором мы ночевали, 15 октября 1969 года был убит президент Сомалийской Республики Абдирашид Али Шермарк. Убийство было совершено полицейским из личной охраны президента. В течение шести дней после убийства президента страна была охвачена острейшим политическим кризисом, который завершился тем, что 21 октября в три часа утра демократически настроенные, прогрессивные офицеры сомалийской армии во главе с генералом Мохамедом Сиадом Барре вывели войска из казарм, захватили стратегически важные пункты столицы и взяли под контроль весь город. В шесть часов тридцать минут утра радио Могадишо объявило: «Так как правительство не выполнило своей роли и игнорировало чаяния народа, оно свергнуто, и власть перешла в руки сомалийской национальной армии».

Так совершился готовившийся в строжайшей тайне революционный переворот в Сомали, который получил полную поддержку подавляющего большинства сомалийского народа, и прежде всего трудящихся. Последовавшие весьма существенные социальные и экономические преобразования, проводимые Верховным революционным советом и его президентом генералом Мохамедом Сиадом Барре в интересах трудящихся масс сомалийского народа и при их полной поддержке, означают, по сути дела, что бескровный революционный переворот перерос в подлинно народную революцию. Прошедшие после этой революции годы свидетельствуют о том, что в Сомалийской Демократической Республике не только провозглашен курс на строительство в перспективе социализма, но и предпринимаются практические шаги в этом направлении.

Лас-Анод вошел и в историю восстания 1899—1920 годов. Именно в этом районе жило племя долбоханте, которое оказывало наибольшую поддержку сеиду Мохаммеду. Здесь неоднократно размещалась харунта сеида Мохаммеда. Правда, однажды, в самом начале восстания, у него возник серьезный конфликт с местны-

ми жителями. Герад⁷ Али Фарах, правивший в Лас-Аноде, исходя из корыстных интересов и опасаясь растущего авторитета сеида Мохаммеда, встал на путь предательства. Он вступил в контакт с английскими колониальными властями, которые были готовы использовать отступника для подрыва восстания. Дело кончилось тем, что, как утверждают, без ведома сеида Мохаммеда герад Али Фарах был убит группой дервишей, узнавших о предательстве. Это убийство вызвало волнение среди соплеменников Али Фараха. Некоторые из них не понимали, за что убили их герادا, а другие, ставившие интересы племени на первое место, считали, что прав он, а не дервиши. В результате сеиду Мохаммеду пришлось на некоторое время покинуть район Лас-Анода. Впоследствии, правда, взаимопонимание было восстановлено и долбоханте неизменно поддерживали повстанцев.

От тех времен сохранилось небольшое укрепление, развалины которого видны на вершине горы к северу от города. Сам же город состоит из нескольких десятков домов серого камня, разбросанных на склонах гор. Электричества нет, с водой тоже плохо.

Утром мы покинули город, чье название связано с двумя убийствами, которые, особенно последнее, повлияли на политическую историю Сомали.

Наш путь лежал на юго-запад, к Бохотлеху, расположенному на самой границе с соседней Эфиопией. На узкой горной дороге, недалеко от Лас-Анода, пришлось сделать остановку: пропустили небольшой караван — семью кочевников. Глава семейства и самые младшие домочадцы под соответствующим присмотром двигались с пятью навьюченными верблюдами по «нашей» дороге. Ниже, по узкой долине, остальные члены семьи гнали овец и коз. Прошли дожди и превратили бесплодные пастбища в зеленое море травы. Кочевники перемещались с горных пастбищ на равнину.

Кочуют они небольшими группами. Такая группа, состоящая из нескольких родственных семей, называется у сомалийцев *рером*. Следовательно, *рер* — семейная ко-

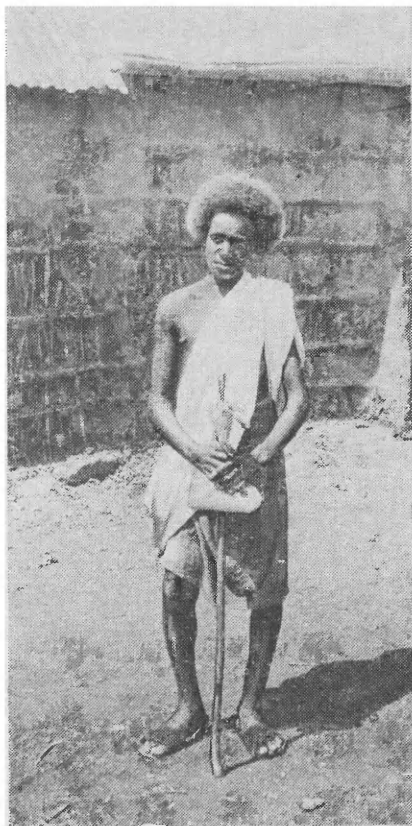
⁷ Герад — один из традиционных титулов, существовавших в колониальном и доколониальном Сомали. В 1970 г. все титулы были официально упразднены.

чевая община. Но бывают случаи, и довольно часто, когда для перекочевки объединяются разные семьи, не обязательно находящиеся в кровном родстве. Такая группа тоже называется рером. Их отличие заключается в том, что в первом случае рер является более устойчивым объединением. Его члены не только вместе кочуют, но и стремятся выпастить свой скот рядом; они связаны друг с другом крепкими родственными и производственными узами. Во втором случае рер представляет собой временное объединение. Закончив перекочевку, это объединение обычно распадается, и каждая семья действует самостоятельно.

Перекочевка — сложный и ответственный момент в жизни кочевников. Подготовка начинается задолго до того, как семья двинется в путь. Прежде всего выясняется, в каком районе прошли дожди и насколько они обильны. Это сравнительно легко сделать, если дожди охватывают большую территорию. Но в периоды засух, когда периодичность сезонов нарушается, дожди выпадают редко и не так-то просто установить, где именно. К тому же мало знать, где прошли дожди, необходимо также определить и состояние пастбища, то есть выяснить, сколько скота оно может обеспечить кормом, па какое время, достаточно ли воды и т. д.

В каждой кочевой группе имеется свой специалист, который занимается этими вопросами. Его называют *сахн*. Это обычно умудренный опытом член группы, который знает все тонкости кочевой жизни. Он первым отправляется на новые пастбища, оценивает их возможности, возвращается, и вот тогда-то решается вопрос, переселяться на эти пастбища или нет. Кочевникам неизвестны, конечно, современные методы агробиологии, но опыт, накопленный поколениями, позволяет им довольно точно определять возможности выпаса скота на том или ином пастбище. Один кочевник рассказал нам, как это делается.

Прибыв на новое пастбище, сахн в нескольких местах закладывает своеобразные шурфы — вырывает узкие воронки около метра глубиной и измеряет мощность влажного слоя. Если она составляет не более длины кисти руки, считается, что корма хватит лишь для выпаса овец в течение двух недель. Если влажный слой равен примерно длине руки до локтя, то пастбище может ис-

пользоваться для выпаса всех видов скота в течение месяца. Если почва увлажнилась па глубину, равную длине всей руки, значит, пастбище будет пригодно в течение трех месяцев. И наконец, если глубина влажного слоя превышает длину руки, то скот можно пасти здесь свыше трех месяцев.

Право на использование пастбища приобреталось по принципу «первого захвата», то есть группа, первой обнаружившая и занявшая пастбище, считалась его владельцем. Пригодных для выпаса скота пастбищ было мало, и совсем недавно во время засух происходили кровавые стычки между отдельными группами кочев-

ников за обладание выпасами. В этих случаях кочевая группа, претендовавшая на уже занятую землю, отправляла своеобразную разведку, которая определяла численность и боеспособность кланов или групп, занимающих территорию. Если разведка приходила к выводу, что противник слаб и его нетрудно изгнать, группа снималась с места и двигалась на новое пастбище.

В подобных условиях информацию о выпадении осадков и о состоянии пастбищ тщательно скрывали, стараясь таким образом обеспечить свою безопасность. Сейчас любые стычки между отдельными группами сурово пресекаются властями. Не обязательно вся семья или кочевая группа снимается с прежнего места. Разные виды скота требуют разных условий выпаса, поэтому на новые пастбища переселяется только часть семьи или группы с частью скота. Во время нашего путешествия мы редко видели перегоняемые большие стада верблюдов. Обычно они могут долго находиться на одном пастбище, тогда как козы и овцы требуют частых перемещений. Поэтому при перекочевках обычно сначала идут несколько пар навьюченных верблюдов, используемых как транспорт; их ведут иногда подростки, иногда сам глава семьи или взрослые члены группы, а с некоторым интервалом за ними движется стадо овец, сопровождаемое женщинами и детьми.

Чаще всего кочуют по уже известным территориям, но иногда, под влиянием чрезвычайных обстоятельств — засухи, мора, кочевники преодолевают большие расстояния, и семья находится в пути несколько десятков дней, а то и месяц.

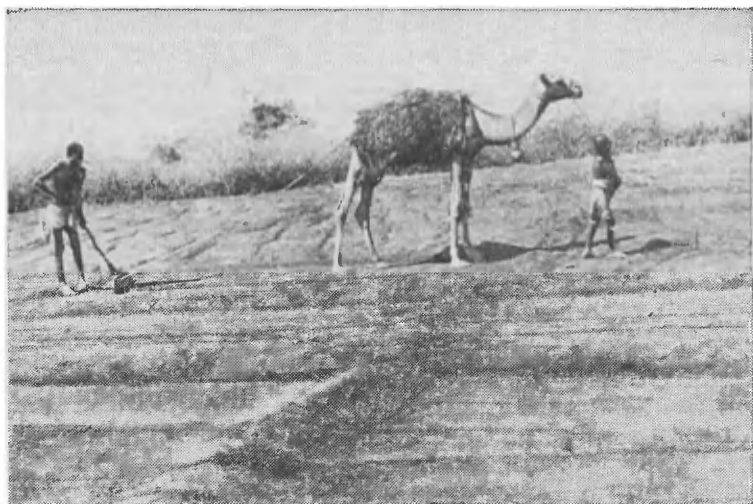
Сомалийские кочевники с детства привыкают к тяготам кочевой жизни. Существует своеобразный университет, последовательные ступени которого проходят дети и подростки кочевников. С пяти лет мальчиков приучают выполнять несложные обязанности по хозяйству: собирать хворост для очага, присматривать за молодняком... Десятилетние мальчики уже сопровождают мелкий скот — овец и коз — во время перекочевки и пасут его на пастбищах. Эта работа полностью ложится на их плечи. Наиболее ответственная ступень обучения наступает тогда, когда подростки переходят в разряд *кэмел-боя*, то есть когда им поручается самостоятельно пасти верблюдов. В это время подростки разных коче-

вых групп образуют особую группу, уходят с верблюдами на отдаленные пастбища и без помощи взрослых ведут самостоятельную жизнь. Закончив этот курс «университета кочевника», молодые люди становятся полноправными и самостоятельными членами своей кочевой группы.

О роли верблюда в жизни кочевых народов засушливых степей и пустынь писалось уже много. Верблюд дает кочевнику все, что необходимо для поддержания жизни в сложных экологических условиях, — мясо, молоко, шерсть, кожу, служит средством передвижения. Молоко верблюда считается целебным у кочевников. По их мнению, оно помогает от всех болезней, и закон гостеприимства неизменно требует, чтобы путнику или гостю был предложен стакан верблюжьего молока. Верблюд считается самым дорогим подарком, и молодоженам в день свадьбы родственники обязательно дарят некое количество верблюдов. Сомалийцы разводят одногорбых верблюдов. У кочевника среднего достатка верблюдов не слишком много, но их тщательно охраняют и оберегают. В обычных условиях верблюдов редко продают — это страховой фонд семьи на случай непредвиденных происшествий.

Поражает способность сомалийских кочевников отличать своих верблюдов в больших стадах, когда они пасутся на одном пастбище. На шее каждого верблюда подвешен на толстой веревке деревянный колокольчик. В зависимости от размеров каждый имеет свой звук, отличающийся от других по тембру и высоте. Это помогает сомалийцам отыскивать своего верблюда в большом стаде, а также в буше. Можно его разыскивать и по следу. Любой сомалийский кочевник делает это быстро и безошибочно, мы сами были тому свидетелями.

Как-то нашу машину остановил старик кочевник и попросил его подвезти. Старик был очень стар, этим, видимо, объяснялась его просьба. Из разговора выяснилось, что у старика потерялся верблюд и он его разыскивает. На вопрос, почему он думает, что его верблюд ушел именно в этом направлении, старик убежденно ответил: «Я знаю». По обе стороны дороги на многие километры простирался густой буш. Старик молча сидел в машине и, как нам казалось, совсем не интересовался этими зарослями, хотя за любым кустом

Сооружение насыпей для искусственного водоема

мог пастись его верблюд. Когда мы проехали достаточно большое расстояние, он вдруг остановил машину и, ткнув копьём в сторону, сказал: «Там!». Мы посмотрели в указанном направлении, но кроме обычных кустов и красновато-коричневой земли ничего не увидели. Однако старик вышел из машины и уверенно зашагал туда, где, по его мнению, находилось пропавшее животное. Когда машина снова тронулась, мы сказали нашим сомалийским друзьям, что вряд ли старик отыщет здесь своего верблюда — нигде не было ни малейших признаков его присутствия. Однако аю Джама заверил нас, что старик не мог ошибиться. По каким-то только ему доступным приметам он определил, что именно здесь недавно прошёл его верблюд и здесь его нужно искать.

Сомалийские кочевники относятся к верблюду бережно, мы бы сказали, любовно. Наряду с такими непреходящими темами сомалийской устной поэзии, как девичья красота, любовь, ревность, доблесть и мужество, сомалийцы очень часто воспевают верблюда, а особенно верблюдицу.

Воспитание с помощью труда вырабатывает у сома-

лийцев необходимые в повседневной жизни качества: выносливость, смелость, пренебрежение к неудобствам кочевой жизни, быструю ориентировку на местности.

Превыше всего сомалийские кочевники ценят в человеке выносливость и умение трудиться. Как-то в разговоре с одним кочевником мы сказали, что намерены попробовать кочевать вместе с его группой, чтобы таким образом лучше изучить быт кочевников. На это сомалиец быстро спросил:

— А что вы умеете делать?

Вопрос застал нас врасплох, и мы не знали, что ответить. Тогда он продолжал:

— Не думайте, что жизнь кочевника легка и беззаботна. Мы, например, чуть ли не каждый день покрываем расстояние в сорок-пятьдесят километров, и это не только тогда, когда переходим на другие пастбища, а почти каждый день. Вряд ли вы сможете так быстро ходить. У сомалийцев есть пословица: «Кроме семи кругов ада есть еще восьмой, кочевая жизнь, и этот последний круг страшнее всех предыдущих». Так что жизнь наша не так проста, к ней привыкают с детства.

Размышляя над его словами, мы подумали: как часто в литературе, посвященной кочевникам, их жизнь идеализируется. Вокруг них создается романтический ореол вечных скитальцев пустыни, тогда как на самом деле их труд и жизнь представляют собой постоянную борьбу за существование в суровых условиях, преодоление капризов природы, страдания от стихийных бедствий.

Кочевники отлично понимают преимущества оседлой жизни. Кочевой образ жизни, который многие исследователи объясняют чуть ли не мистической приверженностью кочевников к своему скоту, сами кочевники считают тяжелой, но единственно возможной в данных природных условиях формой ведения хозяйства. В других условиях, при наличии земли и воды, многие из них предпочли бы заниматься земледелием. В этом мы не раз убеждались, задавая в беседах с кочевниками традиционный вопрос: «Если бы вам предоставили возможность выбора — заниматься земледелием и вести оседлый образ жизни или же продолжать кочевать, — что бы вы выбрали?» Подавляющее большинство высказывалось за оседлость.

Во время путешествия мы убедились, что проблема перевода на оседлость заключается не в том, чтобы преодолеть привычки к кочевой жизни и нежелание перейти к оседлости — это дело второстепенное и не столь важное, но в создании условий, способствующих оседанию, — а это вопрос чрезвычайно сложный, включающий в себя комплекс экономических, социальных и политических проблем и требующий для своего решения не одно десятилетие...

Машины буквально продирались сквозь кустарники, тем более что иногда приходилось съезжать с дороги, чтобы обойти рытвины, заполненные дождевой водой. Изредка дорогу перебежали шустрые маленькие зверьки *тобогали* — песчанки, похожие на белок. Разница та, что тобогали бегают по земле, а не прыгают по деревьям. В одном месте пришлось остановиться из-за большой (не менее метра в диаметре) черепахи, которая перебиралась через дорогу.

После короткой остановки в селении Вуд-Вуд, где местные старцы в течение часа угощали нас чаем и потчевали габеями о сеиде Мохаммеде и его дервишах, добрались наконец до Бохотлеха.

Первое и, пожалуй, самое уместное в данный момент и в данной ситуации проявление гостеприимства со стороны местных властей — нам сразу же принесли целый ящик прохладительных напитков: кока-колы, «спрайт» и «фанты», правда, не из холодильника и даже не из погреба, но мы, истомленные жарой и жаждой, были в восторге.

К вечеру на торжественный ужин (жареная печенька, рис и кока-кола) собралось человек десять представителей бохотлехских властей, среди них — секретарь здешнего «райисполкома» Абдуллахи Элабе Варсаме. Абдуллахи — молодой человек, учился на административных курсах в ФРГ. Рядом с ним в традиционной сомалийской одежде чинно восседал местный *набаддон*. Подобное сочетание, казалось бы, полярных фигур, вероятно, наиболее приемлемая форма исполнительной власти в данных условиях.

Набаддоны ныне заменили в сомалийском обществе традиционных вождей. Набаддоны, по существу, выпол-

няют функции старейшин, которые были посредниками и судьями в конфликтах между отдельными рерами и внутри них. Некоторых старейшин назначали англичане, и тогда им присваивали звание *агиля*, по аналогии со старейшинами аравийских племен. Таким образом, старейшины являлись, помимо всего прочего, промежуточным звеном между английской администрацией и местным населением. Положение их было незавидное: с одной стороны, они должны были защищать интересы своих соплеменников, а с другой — несли ответственность перед английской администрацией. В условиях постоянной вражды между отдельными рерами улаживать споры было трудно и небезопасно.

После революционного переворота 1969 года традиционные старейшины были заменены набаддонами. *Набад* по-сомалийски означает «мир, спокойствие». Функции набаддонов («хранителей мира»), которые, кстати говоря, назначались в основном из среды прежних старейшин, заключаются, как и прежде, в посредничестве между новыми властями и кочевым населением. Надо сказать, что набаддоны выполняют эти обязанности с достоинством и тесно сотрудничают с правительственными чиновниками, являя собой пример удачного симбиоза современной и традиционной власти. В Бохотлехе один из набаддонов с гордостью представился:

— Я не просто набаддон. Я хорсейд-набаддон.

Хорсейд означает «прогрессивный». В чем состояла прогрессивность набаддона мы так и не сумели выяснить, но тенденция к осовремениванию этой должности весьма характерна как для самих набаддонов, так и для государственных органов, которые решают вопросы местного значения при непосредственном участии набаддонов.

Набаддоны пользуются доверием населения, к их слову прислушиваются, а их участие в местных государственных органах придает последним больший вес и авторитет.

Набаддоны мало похожи на сложившийся стереотип представителей традиционной власти. Они вполне современные люди, многие получили образование, дети большинства из них учатся в крупных центрах страны или за рубежом. Кстати, набаддон, который представился нам как прогрессивный, сообщил, что его сын учится

в Москве, в техническом вузе. Возможно, именно это обстоятельство давало ему основание называть себя хорсейд-набаддоном.

ВЕРНЫЙ СОРАТНИК СЕИДА МОХАММЕДА

Одной из главных целей нашего посещения Бохотлеха была встреча с бывшим повстанцем, дервишем Мохамудом Хошем, одним из соратников сеида Мохаммеда. Нам еще в Мogaдишо говорили, что он очень стар и болен и что вряд ли нам удастся с ним встретиться. Хош кочевал со своими верблюдами где-то в районе Бохотлеха, и мы сразу же по приезде попросили местные власти помочь его разыскать. Здешний сержант «оседлал» один из наших лендроверов и умчался на нем в буш на поиски Хоша. И вот уже поздно вечером, когда закончился товарищеский ужин с представителями местных властей, лендровер возвратился, и мы увидели бывшего повстанца, знаменитого Мохамуда Хоша.

Перед нами предстал довольно бодрый, сухощавый старик с пронизывающим собеседника взглядом. На вид ему лет восемьдесят. На следующее утро, когда его рассказ начали записывать на магнитофонную ленту, он первым делом заявил:

— Мне сто один год. Да, да, сто и еще один, так и запишите.

Так мы и записали. Мы опасались, что старый дервиш неодобрительно отнесется к тому, что его голос будут записывать. Еще в Мogaдишо «знатоки» нас предупредили, что у сомалийцев-кочевников вызывают осторожность даже блокнот и карандаш в руках европейца. Но за все пять месяцев работы экспедиции никто из нас ничего подобного не наблюдал. И Бохотлех не был исключением. Рассказ Мохамуда Хоша о восстании дервишей продолжался... два дня. И полностью был записан.

Все мы остались довольны. И мы, и Хош. Довольны были и секретарь «райисполкома» с набаддонами. Они настолько были довольны встречей и беседами с пер-

выми советскими людьми, посетившими Бохотлех, да еще с целью написать правдивую историю сомалийского народа, что предложили нам самый дорогой подарок — сомалийскую девушку в жены, в соответствии с традиционным мусульманским обычаем. Полушутя, полусерьезно. В таком же полушутливом тоне и мы, поблагодарив, отказались. И опять все были довольны.

Все было бы хорошо в Бохотлехе, если бы не комары. Полицейский сержант, размещавший нас в доме районного комиссара, искренне огорчился, узнав, что мы легкомысленно пренебрегли делагилом — противомалярийными таблетками, и тут же снабдил нас ими. Обе ночи, проведенные в Бохотлехе, мы практически не спали из-за непрерывно гудевших кровопийц. Мы жгли дымящую спираль, которая, судя по надписи на упаковке, должна была отогнать комариную напасть, но комары что-то плохо реагировали на эти «благовония». Зато сами мы от них задыхались. Пробовали, подобно лейтенанту Ахмеду, с головой укрываться одеялом — не вышло: слишком душно. Так и мучились две ночи. Таблетки, правда, глотали.

Бохотлех — небольшой городок. Преобладающий тип построек — небольшие одноэтажные глиняные дома, обмазанные белой известью. При каждом доме небольшой дворик, часто с навесом. Здесь всегда прохладно, и эта часть дома обычно служит для приема гостей. Жители города проводят все время на улице, поэтому Бохотлех производит впечатление очень населенного и оживленного города. В какой-то степени так оно и есть. Через Бохотлех проходит дорога с севера, из Лас-Анода, Эригаво и восточных районов страны в Бурао и западные области. Поэтому в городе всегда много приезжих.

При нас Бохотлех готовился к празднованию второй годовщины революции 1969 года. На здании местной администрации висело распоряжение городских властей, предписывающее привести в порядок улицы. Деревья обкладывали камнями, красили в белый цвет. Маршировали школьники — готовились к демонстрации.

На одной улице мальчишки, свободные от предпраздничной репетиции, гоняли в клубах пыли тряпичный мяч. При этом юные футболисты не обращали никакого внимания на то, что их мяч то и дело пересекал сомалийско-эфиопскую границу. По рассказам местных

жителей, никаких эфиопских пограничников нет ни здесь, ни на много миль к югу, то есть по ту сторону границы. Граница здесь — понятие весьма условное, и никто ее не замечает. По ту сторону границы, в Огадене, тоже живут сомалийцы, кочевники же вообще не признают никаких рубежей, а идут со своими стадами туда, где выпали сезонные дожди и зазеленели пастбища. При появлении эфиопских сборщиков налога на скот они уходят из Огадена на север, тем более что в Сомали такого налогообложения вообще не существует.

Из Бохотлеха в Бурао идут две дороги: одна, через Кирит, горная и, по мнению наших шоферов, не очень удобная, другая — сначала вдоль границы, а потом на север. Выбираем вторую. Прямая как стрела просека через буш. Это и есть дорога. По пути видим несметное множество, буквально тысячи, термитников самых причудливых форм. Впечатление такое, будто мы на огромной выставке абстракционистской скульптуры. Среди термитников попадаются очень высокие, в два-три человеческих роста.

Часто встречаются небольшие искусственные водоемы — *уары*. Проблема воды всегда была жизненно важной для сомалийских кочевников. Строительство уаров, или, как их еще называют, *баркадов*, было издавна распространено в Сомали. В настоящее время правительство всячески поощряет создание таких водохранилищ местными жителями. Им выделяют специальные участки, желающих строить освобождают от налогов. Обычно баркад строит семья, состоящая из братьев, ведущих совместное хозяйство. Есть семьи, владеющие несколькими баркадами в разных местах. Часто воды в баркаде хватает лишь для семьи, построившей его, но иногда воду продают. В сухой сезон бочка воды стоит двадцать пять шиллингов, в дождливый сезон — пять. Много баркадов разбросано по дороге от Бохотлеха до Бурао. И возле каждого — небольшой придорожный поселок. Жизнь сомалийского кочевника тесно связана с такими поселками.

Это своего рода небольшие торговые центры, куда стекается кочевое население, чтобы купить продовольственные товары, выпить чашку чая, узнать новости и вечером или на следующий день уйти опять в район своего кочевания.

В таких поселках всегда можно купить сахар, чай и другие продукты. Здесь часто останавливаются шоферы. Хозяин чайной, именуемой по-английски *ти-шоп*, нередко сам — бывший кочевник, и чаще всего его семья по-прежнему кочует со стадами где-нибудь поблизости, а он здесь подрабатывает. В одной из таких *ти-шоп* мы остановились пообедать. Поселок назывался Вараби, мы же между собой перекрестили его в «Воробья». «Воробей» остался в памяти не только из-за названия. На его северной окраине росло очень высокое дерево, необычное для здешней флоры. На верхушке дерева был укреплен сомалийский государственный флаг — голубое полотнище с пятиконечной белой звездой посредине. Жители поселка с гордостью показали нам свою достопримечательность.

За время путешествия мы часто встречались с проявлениями национальной гордости сомалийцев. При нас был принят декрет о том, чтобы во всех сомалийских кинотеатрах перед началом фильма на экране в течение нескольких минут демонстрировался государственный флаг страны и звучал гимн Сомалийской Демократической Республики. При этом зрители были обязаны вставать.

К вечеру мы добрались до Бурао, завершив, таким образом, кольцевой маршрут до наступления рамадана и до празднования годовщины революции 21 октября. Оба они начинались на следующий день.

ПРАЗДНИК В ХАРГЕЙСЕ

Вернувшись в Харгейсу, мы обратили внимание на необычное оживление. На улицах стояли группы людей, что-то обсуждали, спорили. Оказалось, жители Харгейсы ждали выступления по радио губернатора провинции генерала Харби, который, как надеялись некоторые, перенесет начало рамадана хотя бы на один день. Главный праздник сомалийцев — годовщина революции 21 октября — совпадал в этом году с началом рамадана⁸, за-прещающего есть и пить от восхода до захода солнца.

⁸ Рамадан — месяц «великого» поста — отмечается по скользящему календарю, как и некоторые другие мусульманские, да и христианские, праздники и циклы.

А какой же праздник без хорошего угощения! Но рамадан не перенесли.

Утром 21 октября город проснулся раньше обычного, ведь в семь часов начинался военный парад и праздничная демонстрация жителей Харгейсы. Толпы нарядных горожан потянулись на окраину, где на огромном поле уже выстроились войска и колонны демонстрантов. Зрители расположились в основном по склонам близлежащих холмов, образовавших естественные трибуны; сотни почетных гостей, среди которых было много советских людей, разместились на трибунах — рядах стульев, огороженных канатами. Впереди на деревянном возвышении стояли руководители Северо-Западной провинции и военного округа.

Сначала губернатор и командующий округом объехали выстроившиеся войска, затем начался военный парад. Вызывая шумное одобрение зрителей, прогромыхали бронетранспортеры, артиллерия различных видов, прошли церемониальным шагом пехотные подразделения, а над ними дважды пронеслось звено реактивных истребителей. Над полем появился одиночный истребитель, выполнивший несколько фигур высшего пилотажа. То, что произошло потом, напомнило нам кадры из кинофильма, показывающие, как знаменитый летчик Валерий Чкалов пролетает под мостом. Моста здесь, правда, не было, но капитан Абдуррахман (позднее мы с ним познакомились) дважды провел свой самолет так низко над трибунами, что часть зрителей на склоне холма повалило воздушной волной, когда самолет взмыл над ними вверх, а командующий округом погрозил кулаком вслед умчавшемуся самолету.

Тем временем уже пошли колонны демонстрантов. Каждая колонна представляла какую-нибудь организацию. На красочно оформленных фургонах, превращенных в движущиеся сцены, разыгрывались целые спектакли. На одном — стрекотали швейные машинки, на другом — матросы крутили штурвал и размахивали сигнальными флажками, на третьем — сваривали какие-то конструкции. Цифры и диаграммы свидетельствовали о достижениях за прошедший год.

Далее шли школьники, начиная от самых маленьких, которые несли деревянные доски с изречениями из Корана. Маршировали они, как заправские солдаты, тем

же церемониальным шагом с притоптыванием через каждые два шага. Недаром в течение двух месяцев перед праздником они занимались строевой подготовкой, и школьные занятия были сведены к минимуму.

Замыкала демонстрацию огромная колонна кочевников, которые вели верблюдов, нагруженных разобранными хижинами и прочим немудреным скарбом; шли целыми семьями. Во главе колонн шагали старики, которые, поравнявшись с трибуной губернатора, отделились от колонн, ведя за собой пять лучших верблюдов. Это был традиционный дар начальству. Нам тут же пояснили, что эти дары будут переданы губернатором в какое-нибудь детское учреждение. В заключение мимо трибун прогнали большое стадо верблюдов как символ богатства и плодородия.

Не прошло и часа после окончания демонстрации, как город буквально вымер — начался рамадан. Все на пустой желудок отправились спать. Зато, когда в шесть часов вечера солнце зашло, весь город озарился огнями, и началось всеобщее пиршество, которое, вероятно, продолжалось до утра. Из напитков правоверные мусульмане ограничивались, естественно, прохладительными смесями вроде кока-колы, чаем и верблюжьим молоком. Такой своеобразный пост продолжался целый месяц, после чего два-три дня пировали днем, а ночью спали. К этому времени мы уже возвратились в Могадишо.

А пока здесь, в Харгейсе, мы подолгу разыскиваем водителя машины, выделенной нам для поездок по городу. Измученный бессонной ночью и дневным постом, он дремлет где-нибудь под кустом в парке, окружающем стейт-хаус. Машина у нас необычная: огромный черный лимузин «хамбер-пульман» — бывший парадный выезд английского генерал-губернатора Сомалиленда. На некоторых городских перекрестках наш «пульман» из-за своих габаритов разворачивался с большим трудом. Его единственное преимущество для нас состоит в том, что в нем размещаются все члены экспедиционной группы. К этому времени на север страны перебралась и наша «южная группа», и нас, включая лейтенанта Ахмеда, снова стало восемь человек.

Теперь мы можем, не торопясь, познакомиться с Харгейсой.

Промышленных предприятий здесь практически нет, если не считать ремонтных мастерских.

В центре города — различные административные здания и торговые ряды, состоящие в основном из небольших частных лавочек. На одной вывеска: «...имени Ленина».

Мы поинтересовались перспективами частного сектора в стране, провозгласившей, что она ориентируется на социализм. Начальник одного из департаментов министерства торговли Мохамед Абди Хаши, бывший нашим соседом по стейт-хаусу и приехавший сюда из столицы в командировку, сообщил, что в торговле частный сектор находится под строгим контролем государства.

— В Харгейсе примерно семьсот сравнительно крупных торговцев, полторы тысячи средних и около тысячи владельцев чайных и закусочных, — сказал он. — Характерно, что число последних возрастает в периоды увеличения безработицы.

Масштабы операций этих «бизнесменов» весьма своеобразны: безработный выставляет на порог своей плетеной хижины табурет и на нем — два стакана с чайником. И это — весь «бизнес».

Наш собеседник сказал, что сомалийское руководство понимает опасность частнособственнической стихии и уверено, что способно держать ее под контролем.

— Нас больше беспокоит контрабанда, — продолжал он. — Ведь морские и сухопутные границы Сомали имеют огромную протяженность, а практически они не охраняются. Но и в этой области мы кое-что делаем...

В городе несколько школ, в том числе две средние. Здесь мы увидели будущее нового Сомали, ту силу, которая будет противостоять этим «семистам сравнительно крупных торговцев» и им подобным. По нашей просьбе учителя предложили старшеклассникам написать сочинение на тему «Кем я хочу стать». Почти во всех сочинениях школьники написали, что считают сомалийскую революцию 1969 года важнейшим событием, которое открыло сомалийскому народу путь к социализму, прогрессу, счастью. «Хочу стать сомалийским патриотом, верным сыном своей родины» — написал один из них. Каждый третий школьник мечтает стать учителем, каждый пятый — врачом. И какая бы профессия

ни называлась, основным мотивом выбора, как это явствовало из представленных сочинений, было стремление принять участие в строительстве новой жизни в Сомали.

В городе есть все, что положено иметь небольшому городку: гостиница, кинотеатр, стадион, парк с миниатюрным зоопарком, в котором содержатся несколько газелей и страусов. Есть в Харгейсе и лев, но царь зверей — кстати, единственный, которого мы видели в Сомали, — живет особняком: в клетке, за пределами города, у дороги, ведущей к аэропорту; рядом — хижина его сторожа и кормильца.

В центре города при нас завершалось строительство мечети — самой большой в Восточной Африке, как нам с гордостью сообщил ау Джама.

Рядом со строительной площадкой этого действительно крупного сооружения на пыльной площади немолчно шумел рынок живого скота. Единственными молчаливыми существами на нем были верблюды, равнодушно ожидавшие своей участи. Кругом стоял невообразимый гвалт. Что и говорить, соседство для «дома Аллаха» не самое лучшее.

Есть в Харгейсе и молочный рынок — царство женщин. Он расположен недалеко от радиостанции Харгейсы, куда нас пригласили выступить с рассказом об экспедиции и о поездке в Талех.

Радио на севере страны — основное и практически единственное средство массовой информации. Дело даже не в уровне грамотности, особенно низком среди взрослого сельского населения. Газеты и журналы издаются только в столице, далеко на юге страны, а следовательно, доставляются сюда с большим опозданием и в ничтожном количестве. Транзисторные же радиоприемники, настроенные на волны Могодишо, Адена и, конечно, Харгейсы, мы видели у многих кочевников даже в самых глухих уголках страны.

СНОВА В ТАЛЕХ

Нам предоставили на два дня самолет. Это — проявление особого внимания к нуждам экспедиции со стороны президента ВРС генерала Мохамеда Сиада Барре.

Мы решили еще раз побывать в Талехе, а затем лететь в Эйль, на побережье Индийского океана. Собирались вылететь из Харгейсы рано утром, но не удалось.

Подвел нас водитель грузовика, который должен был доставить несколько ящиков экспедиционного багажа на аэродром. Он выехал из гаража с почти пустым бензобаком, и, естественно, мотор заглох на полдороге. С такой беспечностью, подкрепляемой к тому же ссылками на волю всемогущего Аллаха, мы сталкивались неоднократно.

Мы с нетерпением ждали машину у самолета, а шофер, оказывается, «загорал» у неподвижной машины. Потеряв два часа (как они нужны были нам в конце дня!), мы наконец вылетели из Харгейсы на восток.

Менее чем через два часа полета под крылом самолета появился Талех. Самолет на небольшой высоте сделал круг над поселком. Из иллюминатора самолета мы сфотографировали руины крепостных сооружений. В 1920 году такие снимки сделали английские летчики, бомбившие Талех. Снимки были опубликованы в книге Д. Джардина, и, конечно, нам интересно сравнить с ними новые фотографии, сделанные без малого через полвека.

Еще полчаса лета — и самолет идет на посадку в Гароэ. Рейсовый самолет прилетает сюда из Могадишо один раз в две недели, и наш внеплановый рейс — приятная сенсация для этого небольшого районного городка, насчитывающего около двадцати тысяч жителей. У самолета сразу же собирается толпа людей во главе с мэром города майором Дахиром.

До Талеха отсюда почти сто километров. Пока готовят автомашину, майор Дахир угощает нас прохладительными напитками и занимает беседой.

Главная проблема здесь — развитие земледелия. В начале века в этом районе было много возделанных полей, но после подавления англичанами восстания сеида Мохаммеда земледелие захирело. По мнению Дахира, это объясняется двумя причинами: сначала земледельцы просто разбежались, спасаясь от карателей, а затем сократился рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Отсутствие дорог и устойчивых внутриэко-

номических связей исключало возможность вывоза зерна в другие районы.

Теперь встала проблема восстановления земледелия. Нам рассказали, что недалеко от Гароэ — в Салахле и Джибагане — есть хорошие поля дурры.

Беседа завершилась тем, что нам преподнесли в качестве сувениров ароматические смолы. Это те самые ладан и мирра, за которыми в глубокой древности египтяне приплывали в загадочную страну Пунт. В храмах и дворцах фараонов воскуривали ароматические смолы, без них не могли обойтись во время религиозных церемоний.

Нам показали *майди* — светло-желтые кусочки смолы, *бейо*, он же *лубан*, — более прозрачные смолы, но потемнее. Бейо ценится выше, нежели майди. Бейо жуют, пожевали и мы. Говорят, это помогает от всяких болезней. Третья разновидность смол — *харон*. Собирают их с деревьев, которые, как нам сказали, называются *мирафур*, *харон*, *мукуло*, *хагар-мэдоу*. Это все местные названия. Оказалось, что ароматические смолы собирают не только в Миджуртинии — северо-восточном районе Сомали, но и здесь, вокруг Гароэ.

Тем временем подготовка автомашины к поездке в Талех закончилась, и мы отправились в путь. В крепость мы приехали за полчаса до заката солнца, то есть до наступления полной темноты. Времени было, прямо скажем, в обрез. Вот когда мы еще раз помянули недобрым словом шофера, из-за которого потеряли два драгоценных часа перед вылетом из Харгейсы.

Крепости Талеха, освещенные лучами предзакатного солнца, показались нам необычайно красивыми. Крово-красные темноватые краски придавали этим громадинам таинственное очарование.

После вторичного беглого осмотра крепостей мы двинулись в обратный путь. Это был наш первый и единственный за пять месяцев пребывания в Сомали ночной автопробег. Машина неслась, почти нигде не сбавляя скорости, по еле заметной дороге, то через заросли буша, то по неоглядной каменистой пустыне. Дважды пересекали русла пересохших речушек с довольно крутыми склонами. Да, на такой дороге не задремлешь и не заскучаешь.

Но водителю нашего вездехода Юсуфу показалось

и этого мало, и он решил как следует нас встряхнуть. Увидев в свете фар нескольких газелей, он свернул с дороги и прямо по бушу помчался за ними. Бескровная автоохота продолжалась около получаса. Машина на большой скорости петляла между кустов, удерживая в свете мощных фар мчавшиеся впереди фигуры животных, а мы хватались за ушибленные места. Наконец газели исчезли. Первой нашей мыслью было: заблудились! Но нет, минут через десять-пятнадцать шофер нашел дорогу.

Подъезжая к Гароэ, мы с удовлетворением отметили, что городок освещен электричеством.

— О, у нас своя электростанция,— с гордостью заявил Юсуф. И действительно, хотя движок оказался всего лишь электрогенератором, приводимым в действие ветряком, для освещения домов и улиц с семи до десяти часов вечера его энергии хватало.

Нас уже ждали. Майор Дахир пригласил стариков, помнивших что-либо о восстании дервишей. Пришел старик по прозвищу Сорэг, отец которого Джама Мохамуд Ширвах был кузнецом у сеида Мохаммеда, чинил оружие повстанцев, сбрую для лошадей, ковал ножи и мечи.

— Мне было двенадцать лет, когда англичане бомбили Мираши,— сказал он нам.— Я был там тогда с отцом.

Пришли и другие старики. Вокруг нас собралось человек сорок, главным образом молодых парней, которые внимательно и с большим интересом слушали рассказы старших. Иногда они даже что-то добавляли.

Электрический свет в этот вечер погас на два часа позже, но беседа продолжалась далеко за полночь, только уже при свете ярких газовых фонарей.

Утром во время взлета нашего самолета произошел забавный случай. Посреди посадочной площадки разгуливал... верблюд. Летчики нервничали, хозяин тянул «корабля пустыни» в сторону, а тот — ни с места. Видно, сомалийские верблюды всерьез оспаривали у авиаторов право на взлетно-посадочные полосы.

Уже в полете летчики пришли к нам с неприятной вестью: «Над Эйлем гроза, посадка невозможна». Пришлось изменить курс и вернуться обратно.

БЕРБЕРА — МОРСКИЕ ВОРОТА СОМАЛИ

В начале ноября нам представился случай посетить Берберу.

Бербера — один из старейших морских портов не только Сомали, но и всей Африки. Под названием Ма-лао он был известен еще эллинистическому миру. В средние века здесь велась оживленная торговля со странами Ближнего и Среднего Востока, с Персией, сюда нередко заходили китайские корабли. В позднее средневековье Бербера попала под власть Османской Турции, которая контролировала город вплоть до конца девятнадцатого века. От этого периода сохранилась турецкая мечеть, построенная в 1883 году.

Затем Берберу захватили англичане и сделали ее столицей Британского Сомалиленда. Здесь выгружались английские колониальные войска, чтобы потом идти в глубь страны на подавление восстания сеида Мохаммеда Абдуллы Хасана. Здесь, в Бербере, Хасан начал выступать с проповедями против английских завоевателей.

Во время второй мировой войны порт неоднократно становился объектом военных нападений, и тогда англичане перенесли столицу в более спокойное и отдаленное место — Харгейсу. На пути из Берберы в Харгейсу в горах до сих пор стоит памятник сомалийским солдатам, погибшим во время второй мировой войны.

Новая жизнь древнего города началась в 1969 году, когда при помощи Советского Союза был построен современный порт, о чем свидетельствует небольшойobelisk перед входом на его территорию.

Ныне Бербера — главный порт страны, на него приходится половина сомалийского грузооборота. С каждым годом растет чистая прибыль, получаемая Сомалийской Республикой от работы порта: в 1969 году она составила около двух миллионов шиллингов, в 1970 году — более трех и в 1971 году — около четырех миллионов шиллингов.

Главное назначение порта — экспорт живого скота. За три года после революции 1969 года через него было вывезено свыше трех с половиной миллионов голов скота. Недалеко от порта — карантинная станция.

По международным правилам в течение четырнадцати дней скот проходит вакцинацию и карантин.

Закупкой и продажей скота занимаются частные предприниматели⁹. Загоны для овец и коз разделены на секции — в каждой содержится скот определенного торговца. С торговцев взимается налог — два шиллинга с каждой продаваемой овцы и козы и десять с каждого верблюда и с каждой головы крупного рогатого скота.

В порту работают более семисот постоянных грузчиков и столько же временных.

По традиции грузчики делятся на *гелле*, которые переносят грузы с берега на пирс, *тааддия*, грузящих мелкий рогатый скот, *стивидоров*, трюмных грузчиков, и *шкинчит*, занимающихся погрузкой крупного рогатого скота и верблюдов.

До недавнего времени бригады грузчиков формировались в зависимости от принадлежности к тому или иному племени, и на этой почве часто возникали не только трудовые конфликты, но и более серьезные осложнения. Сейчас администрация порта стремится создавать бригады, невзирая на племенную принадлежность грузчиков.

Сам город со стороны моря немного похож на Аден. Сходство придает городу окружающие его с суши горы, четко выделяющиеся своим резким рельефом на голубом небе. Город небольшой. Старинная его часть образует торговые кварталы, спускающиеся к берегу Аденского залива, чуть повыше находится здание муниципалитета.

В особый квартал выделяется городок, построенный советскими специалистами во время строительства порта. По сравнению со старой частью Берберы городок выглядит благоустроенным, хорошо спланированным. Здесь есть спортивные площадки и открытый кинотеатр, где демонстрируются советские фильмы. Городок будит воспоминания о наших среднеазиатских поселках, приспособленных к жаркому климату. Кроме советских специалистов, занятых обслуживанием порта, здесь сейчас живут и сомалийцы.

⁹ Следует отметить, что с каждым годом возрастает роль, которую играет в закупке и сбыте скота на экспорт автономное полугосударственное Агентство по развитию животноводства.

Прибыв в Берберу, мы разместились в гостинице, носящей прекрасное название «Цветок». Одноэтажное здание в форме замкнутого четырехугольника с внутренним двориком, усаженным бугенвиллеями; окон вообще нет, свет попадает через дверь, обращенную во дворик.

Мэр города майор Ширвах, любезно принимая нас в своем доме, решил доставить нам удовольствие и срочно «раздобыл» очевидца истории восстания 1889—1920 годов, но явно перестарался. Нам был представлен почтенный старец по имени шейх Ибрагим Аттей Ахмед, на вид лет семидесяти-восемидесяти.

— Мне триста четыре года,— это были его первые слова, обращенные к нам.

— ... ??!!

— Да-да, триста четыре. Я знаю всю историю Сомали.

Майор Ширвах за спиной старика многозначительно кивнул нам. Все понятно. Мы вежливо согласились со стариком и в течение часа слушали его версию истории Сомали. Ничего не поделаешь — своеобразные издержки производства. Финал беседы тоже был необычен: хозяин дома в знак особого уважения к старику обрызгал его всего одеколоном, опустошив почти целый флакон. Только потом мы сообразили, что, вероятно, не старик был находкой для нас, а мы — находкой для него.

В центре города, в небольшом выгоревшем от палящего солнца скверике, стоял невысокий обелиск — памятник англичанам, погибшим в 1899—1920 годах. Нас интересовали надписи на нем с именами англичан, погибших во время карательных экспедиций. Но, увы, как и с памятника Корфилда, чугунная доска и здесь исчезла бесследно. Есть предположение, что обе доски сняты самими англичанами перед их уходом из Сомалиленда в 1960 году.

В Бербере мы узнали о большом бедствии, постигшем северо-восточное побережье Сомали. *Хариф* — так называется в Сомали ветер, дующий с мая по октябрь над северными районами страны,— сменился тайфуном, который вздыбил воды Аденского залива. Громадные волны и разрушительные ливни обрушились на северо-восточное побережье, сметая постройки и затопляя

большие площади. От наводнения сильно пострадал рыбоконсервный завод в Лас-Хоре, построенный с помощью Советского Союза в 1968 году. Находившийся в это время в Бербере директор завода рассказал нам:

— Ураганы довольно часто обрушиваются на этот участок сомалийского побережья, но тайфун, который мы пережили несколько дней назад, был на редкость сильным и разрушительным. В море погибло несколько рыболовных баркасов, разрушены береговые сооружения, затоплен склад готовой продукции. Заводу причинен большой материальный ущерб. Сейчас я отправляюсь в центр, чтобы доложить обстановку. Требуется помощь.

Позднее, находясь в других городах Сомали, мы были свидетелями того, как население добровольно жертвовало свои сбережения в фонд пострадавших от наводнения. Слушая рассказ директора завода о катастрофическом наводнении, мы вспоминали нашу беседу с известным ученым и просветителем Мусой Галаалом о сомалийском народном календаре природы. В его основе лежит традиционное представление кочевников о цикличности явлений природы. Каждый год именуется по названию дня недели, например год понедельника, год вторника, и по какому-либо явлению природы: год засухи, год наводнений и т. д. Так, 1971 год, то есть год нашего пребывания в Сомали, был годом пятницы и, по словам Галаала, годом наводнений. Тогда мы не придали особого значения сообщению Галаала, считая, что природный календарь, хотя и основанный на многочисленных эмпирических наблюдениях кочевников, все же далек от научного предсказания явлений природы, и, кроме того, как говорится, год на год не приходится. И все же нас поразило, что стихия разыгралась на севере именно в традиционный год наводнений.

В Харгейсу возвращались рейсовым самолетом «Сомали эйр-лайнз». Заходя на посадку в Бурао, самолет неожиданно взмыл вверх. Снова повторился случай, происшедший на аэродроме в Гароэ: на взлетно-посадочной полосе невозмутимо пасся верблюды. Ведь полоса почти ничем не отличалась от окружающего поля. Летчику пришлось на бреющем полете шумом моторов прогнать незваного гостя.

Причин, побудивших нас отправиться в путешествие по крайнему северо-западу Сомали, было много. Этот район интересовал нас как один из немногих северных центров земледелия. Мы хотели также ознакомиться непосредственно на месте с проблемами кочевого скотоводческого хозяйства, которое ведется в пограничных с Эфиопией предгорьях.

Но, пожалуй, больше всего нас привлекала возможность ознакомиться с археологическими и историческими памятниками, встречающимися в ряде районов Северо-Западной провинции.

Саид Варсаме с особым нетерпением ожидал поездки на северо-запад. На это у него были свои, весьма веские основания. Он, единственный среди нас, был специалист-археолог, и с чисто профессиональной точки зрения даже рекогносцировочный обзор археологических памятников мог дать ему многое. Кроме того, Саид был родом из Зейлы и, естественно, с затаенным нетерпением ждал встречи с городом своего детства.

И вот ранним ноябрьским утром мы покинули Харгейсу.

Ноябрь — дождливый сезон в Сомали. Но здесь дожди еще не начались, по-прежнему жарко и пыльно. Ощущение духоты усиливает тряска на выщербленной, как решетка, каменистой дороге. Лендровер трясется, будто его лихорадит от малярии, но единоборство с дорогой выдерживает. Примерно через час мы спускаемся в обширную плодородную долину. Дорога становится мягче. Меняются краски ландшафта, да и сам ландшафт. Вместо ставших нам привычными необработанных земель, диких пространств сомалийского бушленда — бесконечное чередование посевов кукурузы и сорго. Сейчас уже время сбора урожая, и участки спелых зерновых выглядят желтыми островками среди еще зеленой травы. Посевы не образуют непрерывных полей, но в совокупности занимают обширные по сомалийским масштабам площади. Из двухсот тысяч гектаров земли между Харгейсой и Борамой почти половина пригодна для земледелия.

Для северных провинций Сомали характерно, что многие возделываемые земли находятся в горных ущель-

ях. Эта особенность связана с использованием в земледелии подземных вод, которые чаще всего выходят на поверхность именно в глубоких и узких ущельях. Таково, например, уже виденное нами ущелье Мираши. Много таких «ущельных» оазисов в районе Шейха и, конечно, здесь, на северо-западе Сомали.

Вдоль дороги, ведущей в Бораму, центр одноименного дистрикта, постоянно встречаются довольно большие поселки. Почти в каждом находится полицейский пост — сказывается близость эфиопской границы. В одном таком поселке дорогу преграждает шлагбаум. К нашей машине подошел молодой офицер полиции и, справившись у Саида, кто мы такие и куда направляемся, громко что-то ему сказал, явно рассчитывая на то, что Саид переведет его слова. Саид перевел. Оказывается, мы проезжаем пост по борьбе с контрабандной торговлей катом, доставляемым в Сомали через границу с Эфиопией. Офицер явно смущен тем, что он вынужден остановить машину, но служба есть служба. Мы понимающе киваем, давая ему понять, что с уважением относимся к его службе и не имеем претензий по этому поводу. Так мы еще раз столкнулись с «катоманией».

Вскоре на горизонте показались строения Борамы, где мы сделали первую остановку на пути в Зейлу.

Борама принадлежит к разряду тех уютных горных городов Северного Сомали, что и Шейх, Эригаво, Лас-Анод. Здесь благодатный, почти умеренный климат, в окрестностях много воды, и об Африке напоминает только множество высоких кактусов и зонтичных акаций, окружающих город со всех сторон.

В Бораме нас наконец застали дожди — сильные и продолжительные грозовые ливни, после которых на улицах города остались большие лужи и резко похолодало. Ночами мы мерзли, днем ходили в свитерах и отнюдь не страдали от жары. Не обходилось и без шуток насчет африканских морозов, но они прекратились после того, как мы случайно попали на небольшую метеоплощадку, расположенную на окраине города, и молодой метеоролог-сомалиец сказал, что иногда в этот сезон они регистрируют ночью на почве ноль градусов по Цельсию.

В Бораме мы остановились в гостинице. Рядом с ней находилась единственная в городе мечеть. По утрам, часов в пять, с минарета раздавался зычный голос муэдзина, призывающего жителей на первую утреннюю молитву. В прозрачном горном воздухе голос муэдзина был слышен в самых отдаленных уголках города, и правоверные мусульмане медленно стекались к мечети. Мы на молитву не вставали, но заснуть уже не могли и волей-неволей начинали рабочий день с пяти часов утра.

По вечерам в гостинице собиралась местная интеллигенция, состоящая в основном из учителей средней школы-интерната. Они-то и пригласили нас посетить эту школу, расположенную в поселке Амуд, в пяти километрах от города, в его зеленой зоне.

Директор школы Мохамед Варсеме, узнав, что мы из России, тут же познакомил нас с нашими соотечественниками — шестью советскими учителями, работающими здесь.

— Кроме того, — сказал Мохамед Варсеме, — в школе преподают восемь сомалийских учителей, два египтянина, два индийца и два англичанина. Лаба, лаба, лаба, — со смехом подытожил Мохамед Варсеме, что по-сомалийски примерно означало «три раза по два».

Школа-интернат в Амуде — одна из лучших в Сомали. Она была основана в 1959 году.

Вечером в гостинице мы продолжили наш разговор с сомалийскими учителями о проблеме образования. По их мнению, создание широкой сети школ-интернатов — наиболее подходящий путь для приобщения детей сомалийских кочевников к знаниям. Многие кочевники с удовольствием отдавали бы своих детей в такие школы. Но, к сожалению, правительство еще не в состоянии удовлетворить всех желающих учиться в интернатах.

Другая проблема — обучение на родном языке. Сейчас в большинстве школ преподавание ведется на английском или итальянском языке. Но в скором времени будет введена сомалийская письменность, и тогда появится возможность вести обучение на родном языке. Это, конечно, во многом облегчит преподавание.

— Надеемся, в следующий ваш приезд вы найдете уже много изменений, и не только в системе образования, но и во всей нашей жизни, — сказал один из на-

ших собеседников в заключение беседы, затянувшейся до позднего вечера.

На следующее утро мы снова отправились в Амуд, но уже не в школу, а для осмотра руин средневекового поселения, находившегося здесь много веков назад. Таких поселений, ставших уже археологическими памятниками, в Северо-Западной провинции много. Историки относят их к двенадцатому — шестнадцатому векам, то есть к тому периоду, когда на северо-западе Сомали существовало много мусульманских султанатов, из которых наиболее известны султанаты Ифат и Адаль. История этих малых государственных образований еще не написана, но известно, что они вели непрекращающуюся борьбу за свою самостоятельность. Особенно известен Ахмед Гуре, при котором султанат Адаль подчинил себе в середине шестнадцатого века почти всю христианскую Эфиопию. Это время наивысшего расцвета султаната Адаль.

Если бы не вмешательство португальского флота, выступившего на стороне Эфиопии, и не гибель в одном из сражений Ахмеда Гуре, султанат мог бы стать сильным государством на севере Сомали.

Городище Амуд, названное археологами по наименованию близлежащего поселка, относится как раз к этому времени. Руины старого поселения лежат на пологом склоне небольшой горы. От былых каменных сооружений остались только стены. Все поросло кустарником, а на некоторых развалинах растут даже небольшие деревья. Археологи высказывают мнение, что средневековый Амуд был построен на месте поселения, существовавшего в раннеаксумское время (третий — шестой века), и что наивысший период его расцвета приходится на тринадцатый — шестнадцатый века. В шестнадцатом веке во время войны Ахмеда Гуре с Эфиопией и португальцами он был разрушен и уже не смог возродиться.

По-видимому, к этому же времени относятся и городища Гургаб и Абаса. Первое находится недалеко от Амуда, но меньше последнего, а второе — в нескольких десятках километров к северу от Борамы.

Наиболее интересна Абаса. По размерам это второй после Зейлы археологический объект, который нам удалось осмотреть на северо-западе. Хотя мы знали по карте местонахождение этого памятника, но долго не

могли его найти, пока наконец не встретили местного жителя, согласившегося быть нашим проводником. Но и он долго присматривался к местности. А местность действительно была дикая, почти непроезжая. Пришлось оставить машину и километра два идти пешком за нашим проводником, который вскоре вывел нас к могиле, сложенной из камней. Над ней на длинном шесте развевалось белое полотнище религиозного штандарта.

— Могила шейха Абаса,— сказал наш проводник.— Скоро появится разрушенный город.

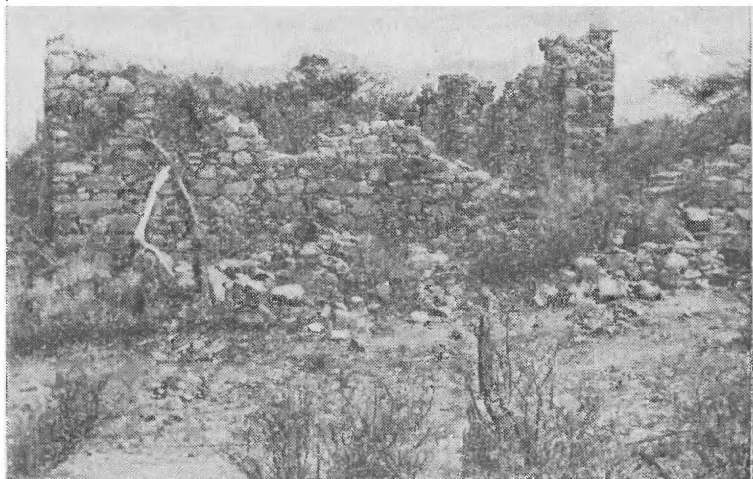
Действительно, через несколько сот метров пути по сильно пересеченной каменистой местности, заросшей кустарником, мы очутились среди руин древней Абасы.

По занимаемой площади этот исторический памятник оказался значительно больше Амуда. Каменные руины построек разбросаны на большой территории— это действительно город. Тип построек такой же, как в Амуде, но сохранились они значительно лучше. В сравнительно хорошем состоянии находится и мечеть, построенная на окраине города. Здесь уцелели десять внутренних каменных колонн, при сооружении которых в качестве прокладок между камнями употреблялось дерево. С трех сторон старое поселение окружают горы, и, видимо, поэтому врагам не так легко было добраться до него и овладеть им. Возможно, в этом одна из причин того, что памятник сохранился лучше остальных.

Мы долго бродили по мертвому городу, и на память приходили грустные слова из абиссинских хроник, где говорится о разрушении городов мусульманских султанов эфиопским императором Маром Клавдием: «Он разрушил сооружения их, а птицы сделали их себе домом, и стали их места работы и жилища — жилищами голуubiных птенцов». Это было в 1549 году, и вот уже свыше четырехсот лет ничто не меняется в этих местах и никто здесь не живет.

Когда уезжали из Борамы, Саид подошел к одной из грузовых пассажирских машин, курсирующих до Джибути, и что-то долго говорил водителю. Тот молча кивал в ответ. Когда машина отправилась в рейс, мы спросили у Саида:

— Знакомый?

Руины мечети в Абасе

— Да. Просил его передать моим родителям в Джибути, что скоро буду в Зейле. Хочу их повидать.

Саид посмотрел на нас и вдруг весело рассмеялся.

— Между прочим, вы, наверное, думали, что все люди, толпившиеся возле машин,— родственники отъезжающих? Совсем нет. Многие просто просят передать,— как это у вас по-русски называется,— весточку своим близким, живущим в Джибути. Как видите, я тоже воспользовался этим средством связи.

Так мы стали свидетелями того, как действует «полевая почта» кочевников.

Постоянное перемещение кочевников с места на место, казалось бы, делает практически невозможной организацию связи. К тому же отсутствие до недавнего времени (до 1972 года) национальной письменности еще более затрудняло создание современной системы обмена информацией, каковой в других странах является обыкновенная почта. Но сомалийские кочевники вышли из затруднительного положения, создав так называемую «устную почту». Любая информация, которую хочет передать кочевник своему родственнику или знакомому,

находящимся в другом, может быть, даже неизвестном ему месте, передается устно какому-либо общему знакомому и либо через него, либо по эстафете рано или поздно доставляется адресату. Тайна такой своеобразной «переписки» гарантируется специальным шифром, который понятен лишь адресату и его корреспонденту. Устное «письмо» полно аллегорических намеков, инсказаний, «почтальону» его истинное содержание остается непонятным.

Устная почта бесперебойно действует в сомалийском бушленде. И, как мы убедились сейчас, не только в бушленде. Даже грамотные и образованные люди при определенных обстоятельствах прибегают к этому старому, но испытанному средству связи.

От Борамы до Зейлы всего один день пути на машине, но мы не спешили и добирались целых четыре дня.

Природа этого края разнообразна и на редкость живописна. На сравнительно коротком отрезке пути путешественник имеет возможность побывать как бы в трех различных природных зонах. Сначала он любуется богатой растительностью горных долин, затем его поражает внезапный переход к безлюдной каменистой пустыне, окруженной опаленными солнцем безлесными горами, что делает пейзаж похожим на инопланетный, и, наконец, спустившись с гор, путешественник попадает на бескрайние просторы низинной сомалийской степи с небогатой низкорослой растительностью, населенные быстроногими обитателями — страусами, газелями, лисами, зайцами и другими степными животными.

Первую остановку делаем среди густых древесных зарослей, с двух сторон сжимающих дорогу. Место на первый взгляд совершенно безлюдное и дикое. Вдруг где-то в глубине зарослей слышим равномерное постукивание. Долго не можем понять, что это такое. Людей мы уже не встречали на протяжении многих километров, поселки остались позади, до ближайшего — еще несколько десятков километров. Если это человек, то он непременно должен слышать, что рядом остановилась машина, звучат голоса, и элементарное любопытство заставило бы его выйти на дорогу. Но никто не выхо-

дит. Тогда мы сами идем на стук. На небольшой площадке, свободной от зарослей, мы видим подростка лет четырнадцати, который широким ножом срубает ветки с дерева, очищает их от листьев и связывает в небольшие пучки. Наше появление его не только не удивило, но он вообще, казалось, и не заметил нас и продолжал свое занятие. После некоторого молчания, вызванного столь неожиданной встречей и реакцией мальчугана, Саид вступил с ним в разговор. Выяснилось, что подросток — почти глухонемой: совсем плохо слышит и с трудом говорит. Ветки, которые он тщательно связывал в пучки, не простые. Древесные волокна этого растения, оказавшегося диким абрикосом, содержат вещество, которое отлично очищает зубы. Такими «зубными щетками», которые буквально растут на деревьях, пользуются все кочевники, а иногда и жители городов. Кстати говоря, это растение находит такое же применение во многих странах Африки.

Подросток знал об этой небольшой рощице дикого абрикоса и пришел, чтобы заготовить ветки и потом продать в поселках.

— И ты не боишься уходить так далеко один? — спросили мы. Мы знали, что в горных ущельях Северного Сомали водятся леопарды и другие небезопасные хищники, и искренне поразились бесстрашию юного заготовителя «зубных щеток». Он ничего не ответил, видимо, считал наш вопрос наивным. Действительно, для сомалийского мальчика, живущего в бушленде, четырнадцать лет — не такой уже малый возраст, да и, как говорится, «волков бояться — в лес не ходить». Так мы расценили его молчание.

— Может быть, подвезти тебя куда-нибудь? — Мальчик отказался.

— Ну что ж, желаем тебе удачи, — сказали мы на прощание. Мальчик опять промолчал, видимо, не слышал и так же молча принялся продолжать свое нехитрое дело. А нам вспомнились «Крестьянские дети» Некрасова, и мы уже не удивлялись этой мимолетной встрече и перестали беспокоиться за мальчишку — истинного сына сомалийского бушленда.

К вечеру мы добрались до поселка Чире на границе предгорий и сомалийской степи, протянувшейся до самого Аденского залива.

Этот поселок именуется так по названию мелкого колючего кустарника, окружившего его со всех сторон. Нам предстояло провести здесь несколько дней, чтобы познакомиться с жизнью местного кочевого населения.

К нашему удивлению, в этом небольшом поселке, чьи прямоугольные глинобитные постройки образовывали одну-единственную улицу, жило много молодежи, хотя никаких «молодежных» учреждений типа школ, клубов и тому подобного здесь и в помине не было. Здесь вообще не было никаких учреждений, кроме традиционного ти-шоп, и молодежный характер поселка так и остался для нас загадкой.

Здесь мы, по существу, впервые столкнулись с тем, что местное кочевое население весьма настороженно относится ко всякого рода расспросам. Нам стоило большого труда собрать нескольких стариков, чтобы выяснить у них интересовавшие нас подробности их быта. Потребовалось полдня усиленной дипломатической деятельности Саида, выступавшего на этот раз в качестве посредника и переводчика, чтобы старики наконец согласились быть нашими информаторами.

Собравшись под единственным более или менее тенистым деревом, растущим несколько в стороне от поселка, они стали рассказывать о своей жизни.

Разводят в этих местах преимущественно коз и овец. Верблюды служат лишь средством передвижения. В среднем каждая семья имеет стадо примерно из двухсот голов. Маршруты перекочевков зависят только от дождей и наличия пастбищ, и каждая семья вольна переселяться, куда ей захочется. Кочуют по огромной территории — от Берберы в глубь Эфиопии. Сейчас, пожаловались старики, откочевывать на земли, принадлежащие Эфиопии, стало трудно — граница есть граница. Очень сложно продавать скот: иногда в благоприятные сезоны, когда пастбища изобилуют травой, поголовье овец и коз резко увеличивается, а сбыть излишек не всегда удается — либо нет перекупщиков, либо приходится слишком далеко перегонять скот. В результате, если случается засуха, а это бывает часто, гибнут десятки голов скота.

— Мы, конечно, были бы рады, если бы государство закупало скот, это было бы для нас и удобнее и

лучше, но пока этого нет, и каждому приходится продавать скот на свой страх и риск,— ответил на наш вопрос один из стариков, который, по существу, один вел всю беседу, остальные ему только поддакивали.

— Вы спрашиваете, хотели бы мы заняться земледелием? — старик молча оглядел присутствующих.— Конечно, хотели бы. Но подходящей земли нет. Да и потом мы не знаем, как обрабатывать землю, навыков и умения у нас нет, всю жизнь ведь кочуем.

Те же проблемы, которые волнуют сомалийских кочевников в любой части страны.

Хотя беседа проходила в мирной и доброжелательной атмосфере, на нашу просьбу сфотографироваться старики ответили вежливым отказом.

Последующие несколько бесед, уже с другими информаторами, добавили мало нового к нашим записям, и мы покинули Чире.

Нам предстояло преодолеть последний этап на пути к Зейле, легендарному городу на побережье Аденского залива, где, по нашим данным, еще не бывали посланцы Страны Советов, и это обстоятельство наполняло нас нетерпением.

Но путь в Зейлу, до которой оставалось рукой подать, оказался не так прост, как мы предполагали. Первым предвестником дорожных неприятностей явилось зрелище, открывшееся нам уже через несколько километров. Вдоль дороги стояли, напоминая железнодорожный состав, четырнадцать грузовых автомашин, до самых осей колес погружившиеся в глиняное месиво. Дожди превратили дорогу в болото, и еще несколько дней назад машины намертво влипли в глину. Сейчас, правда, грунт подсох, и возле грузовиков всюю шли спасательные работы. Шоферы буквально откапывали машины лопатами, а аварийный ЗИЛ по одной вытаскивал их из глиняного плена. Мы предложили свою помощь, но наш лендровер был маломощным карликом по сравнению с грузовиками. Шоферы предупредили нас, что напрямую к Зейле мы не проедем, нужно сделать заметный крюк в сторону, чтобы добраться до города.

Район, по которому мы проезжаем, памятен водителям. Рассказывают такую историю. Когда-то здесь застряла из-за поломки небольшая машина, в которой ехали молодой сомалиец и женщина. Движение по этой

дороге в ту пору было редкое, и эти двое провели среди безлюдной степи пятнадцать дней, дожидаясь попутной машины. Мужчина и женщина оказались на редкость веселой парой и, чтобы как-то разнообразить свое тоскливое ожидание, стали сочинять песни и тут же исполнять их, используя в качестве музыкальных инструментов подручные средства, оказавшиеся в машине. К тому времени, когда случилась оказия и они выбрались из злополучного места, у них уже составилась солидный песенный репертуар, и впоследствии, вернувшись в город, они стали профессиональными сочинителями музыки. Так возникла профессиональная музыкальная культура сомалийцев. В этом рассказе, как часто бывает, что-то уже стало легендой, но сам факт достоверен. Несчастный случай оказался счастливым для сомалийской культуры в целом.

Сейчас в Сомали уже много профессиональных музыкантов и исполнителей. Их песни ежедневно передает сомалийское радио, и они очень популярны в стране. Сомалийская музыка в настоящее время испытывает разностороннее влияние, но основа ее остается чисто народной. Любой сомалиец может безошибочно определить, в какой части страны сочинена та или иная песня. В этом отношении они напоминают танцы, область распространения которых также всем здесь известна.

Через несколько часов мы выезжаем на прямую дорогу, ведущую к Зейле, до которой остается всего лишь тринадцать километров. Но помня предостережения шоферов, мы сворачиваем влево, как оказалось позднее, совершенно напрасно.

Свернув в сторону границы с бывшей французской колонией Сомали¹⁰, мы долго едем прямо на запад, так долго, что уже начинаем волноваться, как бы не пересечь ненароком границу и не нажать себе неприятностей. Но Исмаил, видимо, знает дорогу, и вскоре, сделав небольшой объезд, мы поворачиваем на Зейлу.

Минуем небольшой поселок, и часа через два перед нами на горизонте неожиданно возникает Зейла. Благо-

¹⁰ С 1967 г. получила статус самоуправляющейся французской заморской территории под названием «Французская территория Афаров и Исса».

даря легкости своих строений, за которыми расстилается беспредельная голубизна Аденского залива, город издали кажется миражем. До города еще километра три, и мы предвкушаем встречу с ним, как вдруг перед нами возникает преграда в виде широкой и длинной полосы воды. В самой середине водной глади стоит лендровер, безнадежно завязший в трясине. Что делать? Снимаем обувь и, утопая выше колен в воде и глине, направляемся к лендроверу, возле которого суется три человека. Наша помощь оказалась напрасной — лендровер сел прочно и вытащить его невозможно. Попытались пересечь новоявленное озеро на своем лендровере, но безуспешно. Счастье еще, что мы не застряли и благополучно выбрались назад. Других дорог не было. Нам оставалось только возвратиться на прямую дорогу к Зейле, с которой мы свернули несколько часов назад, и попробовать прорваться там.

Вернулись мы на дорогу затемно и долго спорили, стоит ли ехать по ней в темноте, но Зейла была заманчиво близко, и мы рискнули.

К нашему великому изумлению, дорога оказалась вполне проезжей, и менее чем через час мы были в Зейле. То ли шоферы ошиблись, посоветовав нам свернуть с этого пути, то ли мы что-то напутали, а может, дорога просто высохла за эти несколько часов — как бы то ни было, этот промах стоил нам добрых полдня ценного времени.

Красавица Зейла как бы нарочно не хотела подпускать нас к себе. И на это у нее были веские основания. Как мы убедились на следующий день, от ее былой красоты остались лишь печальные воспоминания.

ЗЕЙЛА

Впервые Зейла упоминается в арабских источниках девятого века. В тринадцатом веке это уже был крупный порт на берегу Аденского залива. В это время Зейла наряду с султанатом Адаль входила в состав мусульманского эмирата Ифат, разрушенные поселения которого мы видели в районе Борамы. Между эмиратом и соседней христианской Эфиопией неизбежно возникали столкновения. В четырнадцатом веке напряжен-

ность между ними достигла высшей точки, и с этого времени начинается ряд военных действий, успех в которых попеременно сопутствовал то Эфиопии, то эмирату Ифат.

В 1402 году Зейла была завоевана Эфиопией, однако уже через несколько лет она освободилась от этой зависимости. Начался период ее расцвета. Золото, слоновая кость, рабы в большом количестве продавались на рынке Зейлы. Эти товары грузили в трюмы кораблей и отправляли в Персию, Аравию, Египет.

Но вскоре наступила катастрофа. В 1516 году Зейла была почти полностью сожжена португальским флотом под командованием Лопеса Суареша Альбергвейры, а еще через год город захватили турки. Они основали здесь свою таможню и на небольших кораблях совершали разбойничьи нападения на суда государств, торговавших с Зейлой. Зейла стала терять свое бывшее значение торгового порта и постепенно близилась к упадку.

Новое время мало что изменило в ее положении. На побережье Аденского залива росли новые города, строились новые порты. Возник и стал быстро развиваться порт Джибути, построенный французами. Англичане, захватив северное побережье Сомали, главным городом и портом на побережье сделали Берберу. О бывшей славе Зейлы и ее расцвете теперь напоминают лишь полуразрушенные здания многочисленных мечетей и минаретов, жилых домов тех лет, тоже почти полностью разрушенных, да мавзоль шейха Ибрагима — единственное уцелевшее здание средневековой эпохи. Город представляет собой большой музей под открытым небом, экспонаты которого требуют срочной реставрации.

В настоящее время население Зейлы немногочисленно — всего несколько сот человек. Это торговцы и ремесленники, чьи лавки размещаются в нижних этажах полуобвалившихся зданий, их дети, для которых построена школа, местные административные служащие и полицейские. Современных зданий сравнительно мало: школа, полицейское управление, довольно крупная больница, правда почему-то без пациентов, и здание местной администрации.

Мы поселились в рест-хаузе, служившем когда-то резиденцией английского губернатора во время его наездов в Зейлу. Здание трехэтажное, построенное из боль-

Минарет
средневековой мечети
в Зейле

ших глыб серого камня. Стоит оно в стороне от города, на берегу Аденского залива. С этим домом связана легенда о привидениях, якобы посещающих его по ночам. В основе легенды лежит трагический случай, происшедший в этом доме много лет назад. В колониальное время здесь жил резидент английского губернатора с молодой и красивой женой. Ему часто приходилось выезжать из Зейлы по делам службы. Однажды, возвратившись из очередной поездки, резидент заподозрил свою жену в измене и в припадке ревности убил ее. С тех пор, как рассказывают, по ночам в доме появляется привидение, которое слоняется из комнаты в комнату. Поэтому длительное время люди, приезжавшие в Зейлу по делам службы, отказывались ночевать в этом доме. Он и в самом деле производит гнетущее впечатление. По ночам в комнатах слышны писк и шорох, производимые стаями летучих мышей, гуляет

сквозняк, скрипят деревянные части. Человеку впечатлительному, с богатым воображением и не лишенному предрассудков ночью здесь действительно может почудиться всякое.

Недалеко от Зейлы находится небольшой пограничный городок или даже поселок — Лойяда. Туда и отправился на следующий день после нашего прибытия в Зейлу Саид, чтобы встретиться с родителями, которые должны были приехать из Джибути. А мы в это время беседовали с комиссаром Зейлы, совсем еще молодым человеком Хасаном Али Варсаме. Он рассказал нам о современном положении и перспективах развития Зейлы.

В окрестностях Зейлы, сказал он, находятся соляные месторождения, где пока в небольших количествах добывается соль. Это, так сказать, промышленное направление города. Кроме того, он является административным центром дистрикта — здесь имеются школа, больница, небольшие лавки. Для кочевого населения района город имеет большое значение. Зейла живет в симбиозе с поселком Лойяда. Через Лойяду проходит дорога в Джибути. Это своеобразный перевалочный торговый центр. Жизнь обитателей Зейлы во многом зависит от этого городка, а также от сравнительно близко лежащего порта Джибути. Почти каждый житель Зейлы имеет родственников в Джибути. Практически все продукты и одежду жители Зейлы покупают в Лойяде или Джибути. Кроме того, значительную часть их бюджета также составляют средства, присылаемые родственниками из этих городов. Сомалийцам из СДР разрешается выезд во Французское Сомали. Некоторые сомалийцы имеют постоянный пропуск на проезд туда, ибо работают в Джибути или других городах Французской территории.

По дороге, соединяющей Харгейсу, Бораму и Джибути, постоянно курсируют пассажирские автомашины, в чем мы сами убедились еще в Бораме.

— На вас, наверное, наш полуразрушенный город произвел удручающее впечатление, — сказал в заключение Хасан Варсаме. — Пока нет средств, чтобы восстановить его или хотя бы очистить от развалин. Но я верю, придет время, и город опять обретет свою прежнюю красоту. Кстати, наш город славен не только историей,

но и лучшими в Сомали исполнителями песен и танцев.

Завтра отмечается Ид-аль-Фитр, праздник окончания рамадана, — приходите посмотреть: будет выступать молодежь — будущее города.

Праздник состоялся вечером при свете мощных ацетиленовых ламп (электричества в городе пока нет). Действительно, выступала почти одна молодежь — учащиеся местной школы. Зрителями были почти все многочисленные жители города.

Нас поразили танцы. Танцевали в паре друг с другом грациозные девушки. Таких пар было несколько. Им аккомпанировали на барабанах и хлопали в ладоши несколько человек, образующих своеобразный музыкальный ансамбль. Танцы Зейлы впитали в себя множество различных компонентов. Особенно сильно в них чувствуется влияние стран Востока, с которыми Зейла была тесно связана на протяжении многих столетий. Некоторые танцы имеют арабское происхождение. Но все же большинство из них возникло на местной основе, во всяком случае, чисто сомалийские элементы танцевальных ритмов всегда подчиняли себе ритмы и движения, принесенные извне.

Потом выступали певцы. Хотя праздник Ид-аль-Фитр — религиозный, песни носили чисто светский характер: в них говорилось о Сомали, о революции 1969 года, о красоте природы, о Зейле. Кстати, песни Зейлы, вернее, песни, рожденные в этих краях, пользуются в Сомали наибольшей популярностью. Что же, подумали мы, это закономерно. Новое поколение поет новые песни, соответствующие его стремлениям и надеждам. И еще мы подумали, что Зейла обязательно возродится к новой жизни и вернет свою былую славу и свою поруганную временем и многочисленными завоевателями красоту.

В трех с лишним километрах от Зейлы виднеется небольшой островок — Саад-дин. Он известен тем, что здесь похоронен шейх Саад-дин, правитель Ифата, ведший борьбу с Эфиопией. Когда в 1402 году эфиопы захватили Зейлу, Саад-дин скрылся на острове, но вскоре был убит. Самые ранние поселения возникли на острове еще в двенадцатом веке. В колониальное время ост-

ров служил местом ссылки непокорных вождей племен и кланов. Все эти обстоятельства, естественно, побудили нас посетить остров.

Для этого нужна была лодка. Мы прожили на берегу залива уже несколько дней, а кроме одинокого паруса, время от времени появлявшегося на горизонте, никаких лодок не видели. Казалось странным, что жители Зейлы, у которых рядом бескрайние просторы воды, в то же время не имеют лодок. Вся надежда была на странствующий парус. А он то появлялся, то исчезал за горизонтом и, по-видимому, не стремился пристать к берегу. Пришлось запастись терпением и ждать. И вот однажды вечером, выйдя на веранду, мы увидели на берегу костер и неясные тени людей.

Наше предчувствие оправдалось — на берегу готовили пищу рыбаки, пожилой мужчина и подросток лет четырнадцати. Рыбак оказался суданцем, который промышлял рыбу в заливе и продавал ее жителям Зейлы.

В завязавшейся беседе мы сказали, что хотим посетить остров, и быстро договорились отплыть туда завтра же утром.

Когда утром мы увидели лодку, то не почувствовали особого доверия к ней как к плавучему средству. Это была старая, во многих местах даже дырявая, посуда с таким же старым, дырявым парусом. Но ход у лодки оказался на удивление хорошим, и она вполне устойчиво держалась на волне. По словам рыбака, не было случая, чтобы она перевернулась. Через час мы уже были на Саад-дине.

С берега остров выглядит зеленым, заросшим густыми зарослями. На самом деле это лишь узкая полоса небольших деревьев, посаженных еще англичанами. Вся внутренняя часть острова — пустынная песчаная равнина, поросшая невысокой эфемерной растительностью. Англичане завезли сюда антилопу дик-дик, и сейчас эти животные составляют здесь небольшое стадо. На расстоянии примерно пятисот метров от берега находится гробница шейха, сложенная из ракушечника. Во внутренней части острова встречаются остатки поселений, которые многие археологи датируют двенадцатым веком. Развалины поселений сейчас едва прослеживаются. Однако мы нашли возле невысоких насыпей кус-

ки обмазки и фрагменты керамики, свидетельствовавшие о том, что когда-то остров был обитаем и на нем существовали постройки. Некоторые исследователи предполагают, что остров Саад-дин когда-то был полуостровом и представлял собой в средние века часть Зейлы. Однако слишком уж пустынным он выглядит и слишком мало на нем заметных следов крупных сооружений, чтобы можно было согласиться с такой точкой зрения. Как бы то ни было, Саид с лихорадочной поспешностью собирал на острове образцы немногочисленной здесь керамики.

Конечно, кратковременное посещение острова мало что могло дать ему как археологу. Мы убедились в необходимости тщательного археологического обследования острова, которое наряду с археологическими раскопками в Зейле позволило бы в какой-то степени воссоздать слишком скудную источниками историю северного побережья Сомали.

Вернувшись в Зейлу и поблагодарив рыбака за его труд, мы заметили, что он и сам был рад узнать кое-что об острове, на котором часто проводит ночи.

РИСКОВАННЫЙ ПОЛЕТ В ЭЙЛЬ

Еще в первые дни нашего пребывания в Сомали ау Джама Омар Иссе заявил:

— Нам обязательно надо побывать в Эйле. Там огромная крепость сеида Мохаммеда. Она тоже называется Давот и в отличие от других крепостей совсем не разрушена.

Срок нашего пребывания в Сомали уже кончался, а до Давота в Эйле мы еще не добрались. Лететь рейсовым самолетом, который ходит раз в две недели, у нас уже не было времени. Ехать на машине — тоже долго, да и нет гарантии, что дорога сейчас проезжая.

Так мы и сидели в своей могадишской штаб-квартире. Кстати, возвратившись из Талеха, мы снова попали в «Талех». Пока мы путешествовали по северным провинциям, в Могадишо закончилось строительство гостиничного комплекса под названием «Талех», расположенного на улице Ленина. В нем более двадцати од-

ноэтажных четырехкомнатных домиков, очень удобных и комфортабельных.

И вот, когда мы уже почти примирились с мыслью о недосыгаемости Эйля, в нашем домике зазвонил телефон:

— Говорит адъютант командующего полицией (пытаемся вспомнить, в чем мы провинились). Вам представляется самолет полицейской авиации, на котором вы завтра можете вылететь в Эйль.

Ну как тут не воскликнуть: «Да здравствует сомалийская полиция!». Но наша восторженная реакция была встречена бурным протестом ау Джамы.

— Чему вы радуетесь? Вы же не знаете, что это за самолет. Это очень маленькая машина, она может разбиться. Я буду протестовать, я дойду до самого президента!

Выделенный нам самолет оказался авиеткой канадской марки «Чесна». Эта четырехместная машина принадлежала полицейской авиаслужбе. Один из нас летал на подобном самолете раньше, здесь же, в Сомали, и дал о машине самый лестный отзыв. Бурный же протест ау Джамы, как оказалось, объяснялся тем, что из шести таких самолетов здесь осталось только два, остальные разбились. Нам предстояло лететь на одном из двух оставшихся.

Мы предложили ау Джаме остаться в Могадишо, но он заявил:

— Я член экспедиции и, несмотря на большой риск, полечу вместе с советскими товарищами.

Добавив традиционное «иншалла!», Джама отправился домой готовиться к полету.

На следующий день в семь часов утра мы уже были на аэродроме и смотрели, как из ангара выкатывают наш самолетик. Привыкнув к огромным ИЛам, «Боингам» и другим современным лайнерам, мы с удивлением и, надо признаться, с некоторой опаской взирали на этого «мотылька», на котором нам предстояло пролететь в оба конца около тысячи восьмисот километров.

Однако на борту самолета крупными синими буквами было написано «Хиин Финнин», и мы сразу преисполнились уважения к нему. Ведь так звали любимую лошадь сеида Мохаммеда, которой он посвятил один из своих габеев.

В свое время сеид Мохаммед решил породниться с могущественным султаном Миджуртини Омаром Мохамудом, женившись на его дочери. Султан был против этого брака и, желая предотвратить его, потребовал в качестве выкупа за дочь среди прочих вещей самое дорогое для сеида Мохаммеда — его любимого коня. Однако сеид Мохаммед пошел на эту жертву, а свои горестные чувства в связи с расставанием с Хиин Финином излил в габее, дошедшем до наших дней.

Заглянув в ангар, мы увидели там вторую «Чеспу» и с удивлением прочитали на ее борту: «Шейх Увэз». Шейх Увэз был руководителем религиозной секты в Сомали и яростным противником сеида Мохаммеда. Он пользовался значительным влиянием в южных районах страны, и это обстоятельство решило его судьбу: он был убит по приказу сеида Мохаммеда как опасный подстрекатель. Здесь же в авиационном ангаре они стояли рядом: «Хиин Финин» и «Шейх Увэз».

Летчиков двое: Мохамед и Мохамуд. Перед посадкой в самолет они внимательно поглядели на нас троих, о чем-то поговорили, и Мохамед сказал:

— Ничего, полетим впятером (самолет-то четырехместный) — пассажиры худосочные.

Сами они, как и большинство сомалийцев, были стройными и изящными, вполне под стать своему легкому самолету.

Летим на север вдоль берега океана. Слева через фонарь самолета видна желтая или красноватая сомалийская земля, справа — синева Индийского океана. Пролетаем над Варшегом — одним из важных опорных пунктов занзибарского султана, некогда хозяйничавшего в Сомали через своих заместников.

Пролетев половину пути, видим внизу какие-то строения, частично разрушенные.

— Оббия, — говорит пилот.

Так вот что осталось от некогда знаменитой столицы султанов Оббии! Сложная и малоизученная история этого султаната относится к периоду борьбы сомалийского народа против иноземных захватчиков. Здесь плели свои интриги итальянские агенты, полагавшиеся на излюбленный прием колонизаторов «разделяй и властвуй»; здесь высадилась на берег самая крупная карательная экспедиция против повстанцев сеида Мохамме-

да, которая, как и три предыдущие, закончилась полным провалом.

Через три с половиной часа самолет делает круг над Эйлем. Под нами зеленая полоса долины реки Ногал, белые домики среди зелени и серый четырехугольник Давота. Даже с высоты птичьего полета видно, что размеры его внушительны.

Еще несколько минут летим на север, и самолет снижается к посадочной площадке. Никакой посадочной полосы нет. Ровный участок каменистой пустыни, одинокая хижина сомалийских кочевников, несколько железных бочек и высокий шест — вот и весь аэродром.

Самолет почему-то не садится, делает один круг за другим над «аэродромом», над хижинкой.

— В чем дело? — стараюсь перекричать шум мотора, спрашиваю летчика.

— Нельзя садиться, неизвестно направление ветра.

Оказывается на шесте не вывешена «колбаса» — полосатый падувной конус-флюгер, указывающий направление ветра. Мы делаем, наверно, уже пятый круг.

— Может, он спит? — говорит Мохамед.

— Может быть, давай еще ниже — разбудим, — отвечает Мохамуд.

Из хижинки появляется человек, приставляет к шесту лестницу и прикрепляет злополучную «колбасу».

— Наконец-то, а то ведь так и горючее кончится, — раздраженно говорит Мохамед и заходит на посадку.

Выбираемся из кабины. Сильнейший ветер сразу же срывает с головы «таллинку», которую с трудом удается догнать.

Летчики привязывают самолет к кольям, вбитым в землю. «Хиин Фиин» буквально трепещет под напором ветра.

— С ветром здесь шутки плохи.

— Плохо, что не измеряют силу ветра.

— Потому-то здесь в прошлом году и разбилась та «Чесна».

— Ветер перевернул ее во время взлета.

Мы прислушиваемся к разговору летчиков, и наши физиономии вытягиваются. Ведь завтра нам предстоит взлет именно с этой площадки.

Через полчаса приходит грузовая машина, и нас ве-

зут в город. Каменистая дорога серпантинном спускается с плоскогорья в долину Ногал. Дорога узкая, повороты крутые, но шофер ведет машину быстро, знает, что встречных машин не будет. Этот грузовик — единственный автомобиль в городе.

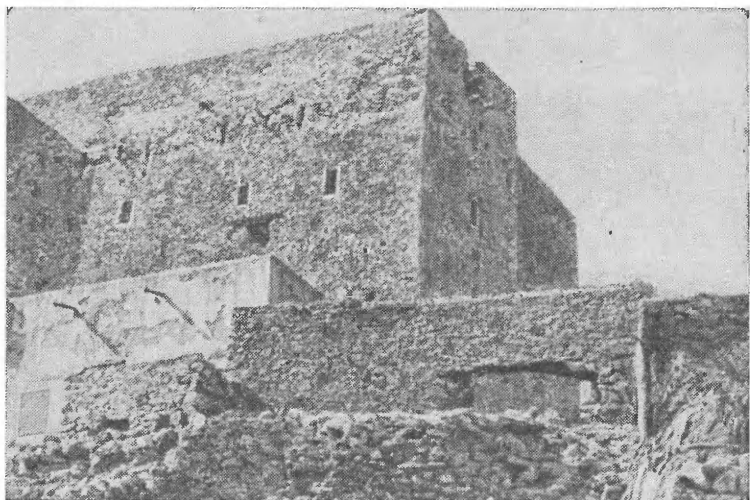
На главной площади Эйля, прямо у стен Давота, нас встречают представители местных властей: Али Ахмед Мохамед, секретарь муниципалитета, и старший инспектор полиции Сулейман Абди Карим. Последний как раз и является «хозяином» Давота, в котором теперь располагается полицейский участок, а инспектор — его комендантом.

Давот строили с 1905 по 1910 год каменщики, приглашенные сеидом Мохаммедом из Южного Йемена. С тех пор прошло более шестидесяти лет, но здание хорошо сохранилось. Несколько портит его величественный вид более поздняя пристройка с водосливными трубами, похожими издали на стволы пушек. Внутри же все по-прежнему. Хорошо сохранились междуэтажные перекрытия из тонких, но, очевидно, очень прочных бревен: не видно никаких признаков гниения.

На втором этаже в полутемной, прохладной комнате сидит радист. Он поддерживает связь с внешним миром, то есть с городом Босасо — одним из крупных центров Северо-Восточной провинции — и с Могадишо. Тут же при нас он передал радиограмму о прибытии в Эйль членов советско-сомалийской экспедиции. Вернувшись на следующий день в Могадишо, мы прочли это сообщение в сомалийских газетах.

Самое интересное в Давоте — площадка на крыше здания. Она окружена высоким, почти в рост человека, барьером. Здесь, по замыслу строителей, должны были располагаться защитники крепости, которые могли стрелять в нападавших через множество амбразур, пробитых в барьере. Примечательно, что узкие амбразуры смотрят вниз под тремя разными углами, что давало возможность вести огонь на различные дистанции, в том числе и поражать пространство у самих стен крепости.

Правда, повстанцам сеида Мохаммеда не пришлось воспользоваться этой удобной позицией — враги не подходили к стенам Давота. Время, когда здесь располагалась штаб-квартира повстанцев, совпало со сравни-

Крепость Давот в Эйле

тельно спокойным периодом после заключения Иллигского соглашения в 1907 году¹¹.

Давот возвышается не только над Эйлем, но и над всей расширяющейся в этом месте долиной реки Ногал. Сам Эйль состоит как бы из двух частей: административной — на взгорье около Давота и жилой — по левому берегу Ногала.

Ногал — небольшая горная речка, журчащая между камней и очень мелкая, «воробью по колено». Казались бы, ничего особенного. Но здесь, в сухой полупустыне Северного Сомали, она практически единственный непересыхающий водоток. Вода здесь означает жизнь.

¹¹ Соглашение, подписанное в селении Иллиг (недалеко от Эйля) сеидом Мохаммедом Абдулла Хасаном и представителем правительства Италии и узаконившее власть сеида Мохаммеда в Ногале. Тем самым, потерпев неудачу в военных действиях против повстанцев, империалистические силы предприняли попытку дипломатического наступления, стремясь локализовать восстание в Ногале и задержать его дальнейшее развитие. Однако Иллигское соглашение в конечном итоге оказалось дипломатической победой сеида Мохаммеда, так как привело к укреплению его авторитета и дало ему передышку в несколько лет, позволившую собрать новые силы под знаменем восстания.

Сейчас в этих районах наступил сезон дождей, и воды в реке прибавилось.

— Когда в Буроа идет дождь, в Ногале течет вода,— сообщил ау Джама сомалийскую поговорку, пробуя вместе с нами холодную и чистую воду Ногала.

Возвращаясь от реки к Давоту, проходим под большим, ветвистым деревом. На утоптанной полянке сложены дощечки, исписанные арабской вязью. Оказывается это «классная комната» коранической школы. Такие школы есть практически во всех сомалийских селениях, не говоря уже о городах. В них ребятишки пяти-восьми лет под надзором шейхов зазубривают суры Корана и одновременно учат арабский язык. В обычную (светскую) школу дети идут, получив уже солидную дозу религиозной подготовки.

Кроме Давота в нашей эйльской программе значится еще Бадей. Это небольшое фортификационное укрепление у самого устья Ногала. После получаса езды все на том же грузовике въезжаем в небольшое рыбацкое селение. Оно расположено на берегу океана, на левом берегу Ногала.

Появление машины, да еще доставившей двух европейцев, которые стояли в кузове в окружении представителей местных властей, вызвало настоящую сенсацию. Возбуждение толпы жителей, и особенно ребятишек, пришедших в неописуемый восторг, достигло предела, когда наша машина забуксовала в песке в самой середине поселка.

Один из нас тут же взялся за кинокамеру, чтобы запечатлеть на пленке живописные сюжеты рыбацкой деревни. Особенно бросались в глаза группы рыбацек в ярких платьях на фоне развешанных для просушки сетей. Тут же сновали ребятишки, самые юные из которых не обременяли себя одеждой.

Обычно африканцы протестуют, когда на них направляют объектив кинокамеры либо фотоаппарата, или же требуют за это *бакшиш*. Но в Эйле с самого начала было достигнуто полное взаимопонимание и не высказывалось никакого недовольства. Даже наоборот — сомалийки позировали с явным удовольствием.

Эту идиллию прерывают чьи-то протестующие возгласы. Наш ау Джама, прервав беседу со старейшинами поселка, бежит к нам и требует прекратить съемку.

По его мнению, подобные сюжеты могут повредить репутации республики. Ау явно «перегибает», но мы не спорим.

Его можно понять: слишком свежи в памяти сомалийцев унижения, которые сомалийцы испытывали во времена колониального господства. И сейчас они хотят, чтобы иностранцы фиксировали и тем более фотографировали только то, что свидетельствует об их достижениях за последние два года, а не то, что осталось от старых времен.

После недолгих расспросов и поисков выясняется, что от укрепления Бадей осталось только название, которое носит теперь это селение, и небольшая каменная площадка, где стояла маленькая крепость. И ничего более.

Наши проводники нас утешают:

— Есть еще пещера дервишей на другом берегу реки.

В поисках брода отправляемся вдоль берега вверх по течению реки. Торопимся. Через час солнце зайдет, и мы не только пещеры, но и тропы под ногами не найдем. Перейдя реку, кто по колению в воде, кто прыгая с камня на камень, карабкаемся вверх по каменистому склону. Вдруг раздаются отрывистые крики, похожие на собачий лай.

— Это обезьяны. Смотрите туда, они бегут впереди нас,— объясняет проводник.

И верно, мы спугнули стадо очень крупных обезьян — гамадрилов. Штук двадцать. Некоторые тащат детенышей. Они отходят без всякой паники, останавливаются, оглядываются, злобно кричат на нас, кажется, даже грозят кулаками и снова лезут вверх по склонам, покрытым редким кустарником.

Наконец добираемся до пещеры. Вход шириной метра три. Пещера большая, метров десять в диаметре и метров пять в высоту. В потолке — отверстие.

Здесь располагался, как нам объясняют, дозорный отряд повстанцев-дервишей, охранявший подходы к долине Ногал со стороны океана. При приближении врага широкий вход, обращенный в сторону реки, закладывался камнями, а входили и выходили с помощью веревки через отверстие сверху. В пещере находим старое кострище, какие-то обгоревшие черепки, возможно

оставшиеся еще со времен восстания. Сейчас люди сюда не заходят.

Пещера в качестве сторожевого поста расположена очень выгодно: засевшие в ней могли простреливать сверху весь вход в долину. А сейчас мы любуемся видами, которые открываются отсюда: живописные горы, окаймленная зеленью кустарников река, желтый песок океанского побережья и сам океан, переливающийся немислимыми красками в лучах заходящего солнца.

Ногал образует в устье сплошные песчаные отмели, по которым мы и перешли через нее почти посуху. Сама же река последние свои метры течет под песком, точнее просачиваясь сквозь него под песчаными наносами.

Уже в полной темноте мы на грузовике возвращались по той же горной дороге в Эйль.

Наутро отправились к одному из жителей городка. Он ждал нас в небольшом садике, окруженном невысокой каменной оградой. Ахмед Салех по происхождению араб из южных районов Йемена. Он — сын одного из пяти строителей, которых сеид Мохаммед Абдулла Хасан пригласил строить крепости для дервишей. Пригласил сначала на шесть месяцев, а потом и совсем не отпустил домой. Приказал строить еще и еще. Каменщики просили, требовали отпустить их. Ничто не помогло. Кое-кого сеид Мохаммед даже заковал в цепи.

— Когда мы приехали сюда, мне было лет десять, может, побольше. А сейчас мне уже перевалило за семьдесят, — заключил свой рассказ Ахмед Салех.

— Это ваши внуки? — указываем на двух мальчиков лет десяти, стоящих подле старца.

— Нет, это мои младшие сыновья.

На шее у старика висит какой-то брелок.

— Простите, а это что у вас?

— Свисток.

— ???

— Я свистом подаю команды своим домашним.

Любопытный способ руководства.

Беседа продолжается, поговорить есть о чем. Ведь когда Ахмед подрос, то сам стал строителем и вместе с отцом участвовал в строительстве Талеха. Рассказывает о построенных крепостях, о самом сеиде Мохаммеде, которого хорошо помнит. Подтверждает нашу вер-

сию относительно местоположения крепостных ворот в Талехе. На прощание бывший строитель повстанческих крепостей позирует вместе со своими сыновьями перед нашими камерами.

В полдень, к моменту нашего прощания с Эйлем, ветер немного утих, наш самолетик благополучно поднялся в воздух и, сделав два прощальных круга над городком, взял курс на юг, к Могадишо.

Последние недели нашего пребывания в Сомали совпали с выдающимся событием в жизни этой страны. Во второй половине ноября 1971 года президент ВРС генерал Мохамед Сиад Барре посетил Советский Союз. То, что это было действительно важным событием в жизни сомалийского народа, видно по той реакции, с которой сомалийцы принимали сообщения из Москвы и Ташкента, где в то время находился Мохамед Сиад Барре.

В газетах¹² ежедневно печатались подробные репортажи о пребывании президента в Советском Союзе, неизменно сопровождавшиеся восторженными комментариями. И газеты в эти дни раскупались быстрее, чем обычно. Чувствовалось, что сомалийцы с большим удовлетворением воспринимают известия о том, с каким почетом принимали у нас их президента.

Кульминационным моментом, когда эти чувства буквально выплеснулись наружу, несомненно, была торжественная встреча Мохамеда Сиада Барре по его возвращении из Москвы.

Готовиться к ней начали заранее. На стенах домов появились красочные плакаты, посвященные результатам визита президента в СССР. На одних изображалась будущая плотина в Фаноле, о строительстве которой с советской помощью президент договорился в Москве, на других — братское рукопожатие сомалийца и советского человека. Улицы украсились флагами.

В яркий солнечный день в первых числах декабря, несмотря на сильную жару, большинство жителей Могадишо вышли на улицы встречать президента. Члены

¹² «Стелла д'Оттобре» («Звезда Октября») — на итальянском языке, «Доон» («Рассвет») — на английском и «Наджмет Октобер» («Звезда Октября») — на арабском языке.

ВРС, руководители министерств и ведомств, а также дипломатический корпус в полном составе прибыли в аэропорт за час до прибытия самолета. Вдоль улицы, ведущей в аэропорт, стояли рабочие, служащие, учащиеся. Масса цветов и улыбок.

ИЛ-18 подрулил, и на трапе показалась высокая фигура президента ВРС генерала Мохамеда Сида Барре. К нему подошли члены Верховного революционного совета, но их опередила стайка сомалийских пионеров с голубыми галстуками. Возникло непредвиденное замешательство, которое усилилось из-за того, что самая маленькая пионерка от смущения забыла половину приветствия. Обстановку разрядил сам президент: он взял девочку на руки и пошел с ней к зданию аэропорта. Все сразу встало на свои места. Далее торжественный церемониал встречи разворачивался уже по плану: рукопожатия, букеты цветов и непрерывный дождь цветочных лепестков, а затем — длинный кортеж автомобилей, медленно продвигавшихся по многокилометровому живому коридору, выстроившемуся от аэропорта до резиденции главы государства.

Вскоре после возвращения президента в газетах были опубликованы тексты заключенных и подписанных в Москве соглашений. Особое место занимало соглашение о строительстве первой в Сомали ГЭС на реке Джуба, возле селения Фаноле. Одновременно предусматривалось строительство плотины и комплекса ирригационных сооружений, которые позволят оросить и освоить свыше восьми тысяч гектаров земель. Трудно переоценить значение этой стройки для сомалийских земледельцев и скотоводов, постоянно страдающих от недостатка воды, катастрофических засух и ограниченности площадей орошаемых земель. По соглашению, кредит на строительство гидротехнического комплекса на реке Джуба предоставляет Советский Союз. Кроме того, результатом визита президента Мохамеда Сида Барре в СССР явилась договоренность о поставках сельскохозяйственной техники, о дополнительном оборудовании для больниц, школ, радиостанций.

Как отмечали в то время все сомалийские газеты, визит Сида Барре в СССР способствовал дальнейшему укреплению экономического и культурного сотрудничества между двумя странами, начало которому было по-

ложено еще в 1961 году, то есть через год после завоевания политической независимости Сомали. За этот период советско-сомалийское сотрудничество дало немало важных результаты, свидетелями чему были мы сами. Порт в Бербере, больницы в Шейхе и Ваджите, рыбоконсервный завод в Лас-Хоре, молокозавод, типография и радиостанция в Могадишо — эти объекты заложили основу государственного сектора, ставшего в настоящее время ведущим в экономике страны.

Мы — советские члены экспедиции — покидали Могадишо в канун Нового года. В Сомали в это время жаркий сезон, а из Москвы поступали сообщения о предновогодних морозах и снегопадах. Мы прощались с городом, с Индийским океаном, наносили последние прощальные визиты сомалийским друзьям и знакомым.

Жарким декабрьским днем самолет Аэрофлота поднялся с могадишского аэродрома и взял курс на север, туда, где за тысячами километров лежала милая сердцу, заснеженная, предновогодняя Москва. Экспедиция завершена.

До свидания, Сомали, до новых встреч!

ОТ «ДЕРВИШИЗМА» К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Предлагаемая читателю книга является плодом работы совместной комплексной советско-сомалийской экспедиции по изучению истории национально-освободительного движения и современных социально-экономических проблем Сомали (июль — декабрь 1971 г.).

Сомалийская Демократическая Республика (СДР) относится к числу стран, избравших в качестве своего генерального курса ориентацию на социализм. Долгие десятилетия народ Сомали томился под игом колонизаторов. Империалисты, преследуя свои интересы, разделили страну на Британское, Итальянское и Французское Сомали. Но народ не покорился. Одним из самых ярких свидетельств этого явилось восстание дервишей, о котором рассказывается в настоящей книге. Восстание имело религиозную оболочку и возглавлялось муллой, но по содержанию оно было антиимпериалистическим, антиколониальным. Среди идеалов повстанцев были не только изгнание «неверных», исламский «пуританизм» и узкий национализм, но и ликвидация клановой розни, равенство, улучшение условий существования, создание единого, свободного сомалийского государства. Мечтания дервишей были для того времени в значительной степени иллюзорными, примитивными, но вместе с тем они несли в себе заряд надежды, оптимизма. Несмотря на военное поражение, сомалийцы навсегда сохранили свободолюбивый, непокорный дух, уверенность в грядущей победе. И победа пришла. Опыт восстания и ряда мятежей, последовавших за ним в 20—40-е годы, не пропал даром. В 1960 г., который называют «годом Африки», сомалийцам удалось сбросить чужеземное ярмо и создать независимое государство.

Правящие круги, пришедшие к власти на волне национально-освободительной революции, считали, что страна должна развиваться по буржуазному образцу. Однако прогрессивные силы республики продолжали борьбу за подлинную политическую и экономическую независимость. Борьба увенчалась успехом в октябре 1969 г., когда армия, поддержанная народом, осуществила революционный переворот, ставший началом национально-демократической революции.

Участники экспедиции, в том числе и авторы книги, могли воочию убедиться в том, какие большие перемены произошли в жизни сомалийского народа за последние годы. Поэтому, рассказывая об истории, они то и дело проводят сопоставления с сегодняшним днем и, наоборот, описание своего путешествия перемежают историческими вставками.

Революция 1969 г., основным содержанием которой стала социалистическая ориентация, провозгласила своим высшим принципом борьбу в интересах трудящихся масс. В качестве идеологической платформы революционно-демократического режима был избран научный социализм, что было закреплено II Хартией революции в январе 1971 г. С той поры прошел небольшой, но и немалый срок. За такой отрезок времени нельзя преодолеть рубеж, за которым начинается непосредственное строительство социализма, но значительные шаги в этом направлении могут быть и были сделаны.

Были выдвинуты такие лозунги, как: обобществление основных средств производства, самообеспечение, максимальная мобилизация внутренних ресурсов, использование иностранной помощи как вспомогательного источника финансирования развития, всестороннее сотрудничество с социалистическими странами.

Планирование стало важнейшим рычагом развития. Основной упор делается на развитие государственного и кооперативного секторов хозяйства. Предусматривается, что крупнейшие предприятия в промышленности и сельском хозяйстве будут создаваться в рамках государственного сектора, а средние и мелкие — в рамках кооперативного и частного. Из бесед с руководителями страны члены экспедиции заключили, что правительство не спешит с программой индустриализации, совершенно справедливо поначалу предполагая заложить основы динамичного развития земледелия и животноводства, рыбного хозяйства, накопления ресурсов для последующего развития промышленности. Одновременно решаются ближайшие насущные задачи в развитии энергетики, транспорта, ирригации, горного дела, производства потребительских товаров...

Главный итог развития республики за эти годы, по мнению членов экспедиции, заключается в том, что народ Сомали выстоял перед натиском внутренней и внешней реакции, революция укрепилась, консолидируются социальные слои и группы, готовые защищать ее как свое кровное дело. Революционный курс нового Сомали нашел твердую опору в лице социалистического содружества. Авторы книги дают многочисленные свидетельства крепнущей дружбы между сомалийцами и советскими людьми.

Правильность избранной экономической политики нашла выражение в успешном выполнении трехлетней программы развития 1971—1973 гг. и хороших перспективах, открывшихся перед республикой в связи с началом выполнения заданий второго пятилетнего плана социально-экономического развития 1974—1978 гг.

В области национального и государственного строительства важнейшими итогами явились создание революционно-демократической власти на местах, прекращение племенной розни, введение нового гражданского кодекса и института народных заседателей, создание рабочих советов.

В социальной области — ликвидация полуфеодалных сословий и привилегий, передача земельных и водных ресурсов трудящимся, введение значительных льгот для большого контингента рабочих, переведенных из категории временных в категорию постоянных, улучшение пенсионного обеспечения, введение бесплатного образования (включая обязательное начальное) и медицинского обслуживания, упразднение законов, ставивших женщин в неравноправное положение по отношению к мужчинам.

В экономической области — значительный рост и укрепление госу-

дарственного сектора путем национализации и нового строительства: в 1971 г. на государственных промышленных предприятиях было занято свыше 75% рабочих СДР, эти предприятия давали более 88% добавленной за год стоимости, хотя их число составляло лишь 9% всех промышленных предприятий страны; мощность теплоэлектрических станций после революции возросла более чем на 6 тыс. квт, были построены новые предприятия; провозглашена широкая программа создания кооперативов. Вырос экспорт и, что особенно важно, экспорт готовой продукции. Так, вывоз мясных консервов вырос в 3 раза, что обусловлено динамичным ростом эффективности производства мясокомбината в Кисмаю, являющегося образцом успешного советско-сомалийского экономического сотрудничества. Начато строительство важнейших оросительных систем в Фаноле (при содействии СССР), Баладе, Афгое-Мординле, что в сумме позволит освоить 23 тыс. га земель. В Фаноле — на главной стройке пятилетки — будут построены плотина, первая в стране гидроэлектростанция мощностью 5 тыс. квт, каналы протяженностью 52 км и будет создан госхоз на площади свыше 8 тыс. га. Ударная программа развития сельского хозяйства позволила распахать около 10 тыс. га целинных и залежных земель и дать работу 10 тыс. добровольцев. Учреждена государственная монополия на закупку и сбыт зерна, масличных, хлопка, ароматических смол, импорт и оптовое распределение важнейших товаров, сбыт бананов.

В области культурного строительства — введена сомалийская письменность на прогрессивной основе латиницы, сомалийский язык с января 1973 г. стал официальным государственным языком страны, создано министерство культуры и высшего образования, национальный университет получил полный цикл обучения, национализированы школы и типографии.

В Национальном театре Могадишо мы слышали, как ансамбль песни и пляски «Вабери» под оглушительные аплодисменты исполнял песню о сомалийской письменности. Звонко, с присущей сомалийцам выразительностью, скандировались в рефрене буквы алфавита «да», «та», «ха». Зал восторженно подхватывал мелодию...

21 января 1973 г. в СДР была введена национальная письменность. Члены экспедиции хорошо помнят, как всего лишь за два года до этого большинство сомалийцев вместо подписи ставили отпечаток большого пальца. История борьбы за письменность сомали насчитывает несколько столетий. За многовековую историю сомалийского народа различными авторами предлагалось до восьмидесяти вариантов письма. Среди них — ряд модификаций арабского алфавита, которые, однако, не привились: структура сомалийского (кушитского) языка слишком отлична от арабского (семитского), и передача арабским шрифтом сомалийских звуков оказалась трудной.

Среди авторов, предпринимавших попытки составления сомалийского алфавита, был и народный герой Мохаммед Абдулла Хасан, о котором рассказывается в этой книге. Шагом вперед был вариант письменности, предложенный в 1925 г. Османом Кенадидом (его сын Яссин является ныне генеральным директором Академии культуры Сомали) и названный по его имени «османия». Колониальные власти запрещали пользоваться этим алфавитом, так как принимали в штыки любое проявление патриотизма у коренного населения.

Только после национально-демократической революции 1969 г. проблема введения письменности была наконец разрешена. 21 октяб-

ря 1972 г., в день празднования третьей годовщины революции, было обнародовано решение ВРС об утверждении письменности сомали на основе латинского алфавита. Это был глубоко продуманный и подготовленный шаг, учитывавший как специфику языка, так и наличие соответствующей полиграфической базы. С 21 января 1973 г. сомали стал официальным государственным языком страны. В настоящее время комиссия готовит учебники для школ. Трудящиеся республики с воодушевлением учатся читать и писать.

Учится вся страна. С октября 1972 по март 1973 г. грамотой овладели почти все служащие городов и военнослужащие. Это позволило сделать следующий шаг: в марте была официально объявлена общенациональная кампания борьбы за ликвидацию неграмотности в стране в течение двух лет. 21 июля 1974 г. был издан закон о проведении кампании в провинции. С этого момента изменилась не только ее форма, но и содержание: она была преобразована в кампанию по развитию сельской местности. Ее задачами стали: ликвидация неграмотности, обучение сельского и кочечевого населения основам гигиены и санитарии, проведение профилактических и лечебных ветеринарных мероприятий, культурный взаимообмен города и деревни, проведение переписи населения, учет скота, земельных и пастбищных угодий, водопунктов. Было решено направить в деревню бригады в составе учителей, школьников городских школ (кроме выпускных и младших классов), медиков, ветеринаров.

Поскольку финансовые возможности республики ограничены, было решено максимально использовать для кампании собственные средства населения. Тысячи школьников, выехавших учить своих братьев в деревне, нашли приют в местных семьях, которые добровольно взяли на себя их материальное обеспечение. Школьники стали полноправными членами своей новой семьи, но были обязаны выполнять и обязанности члена семьи: пасти скот, обрабатывать землю, а вечерами заниматься с местным населением.

Всего в кампании участвовало около 16 тыс. школьников, свыше тысячи учителей, около 500 медицинских работников, свыше 500 ветеринаров. Учебой было охвачено около полутора миллионов человек, половина из которых — женщины. В целом комплекс мероприятий, проводимых правительством СДР в области культуры, — это настоящая культурная революция.

Сбываются самые фантастические чаяния дервишей, боровшихся против чужеземных завоевателей в начале века. Республика освобождается от засилья иностранного капитала, переживает культурное возрождение. Участники восстания дервишей, дожившие до наших дней, в беседах с нами, членами экспедиции, говорили, что вместе со всем народом они радуются счастливым переменам на сомалийской земле.

Перемены в жизни сомалийцев происходят ныне так разительно быстро, что отдельные положения или факты, приводимые авторами книги, требуют уточнения. Так, авторы упоминают названия провинций и областей по старому административному делению, которое было изменено в 1973/74 гг. Встречаясь с приводимыми в книге названиями титулов различных вождей, как-то: гарадов (герадов), султанов, богоров и т. д., читатель должен иметь в виду, что все титулы и привилегии традиционной знати были официально упразднены революционными властями.

На стр. 123 авторы говорят об относительно свободном передви-

жении через границу с Французским Сомали. В настоящее время положение намного осложнилось ввиду отказа французских властей предоставить независимость этой территории. В январе 1976 г. дело дошло до того, что французские войска, расквартированные в Джибути, пересекли границу и напали на пограничную и таможенную охрану упоминаемого в книге населенного пункта Лойядо (Лоядо).

На стр. 39 авторы называют «курьезом» случай с отказом властей предоставить в распоряжение нашей экспедиции книгу о племенной структуре сомалийцев. Однако, рассматривая этот вопрос в более широком аспекте и встав на точку зрения революционных властей, можно понять такого рода «перегибы», если вспомнить, сколько бед испытал народ Сомали из-за междоусобиц племен и кланов.

Авторы книги неоднократно говорят о засушливом климате страны. Действительно, территория республики страдает от периодических засух. Тяжелейшая из них обрушилась на Сомали в 1974/75 г. и заставила власти принять радикальные меры: с помощью Советского Союза из засушливых районов на «новые» земли было переселено свыше 100 тыс. кочевников, которые ныне занимаются земледелием и рыбной ловлей.

Коренная смена режима и новая идеологическая ориентация стали важнейшими факторами, которые определили и новый внешне-политический курс страны.

Ныне прослеживаются следующие главные направления внешней политики Сомали: последовательный антиимпериализм, укрепление дружественных отношений со странами социализма и независимыми африканскими странами, упрочение связей с арабскими государствами на платформе борьбы с израильской агрессией и ликвидации ее последствий и, наконец, поддержание отношений мирного сосуществования и экономического сотрудничества без диктата со странами Запада. Верховный революционный совет СДР взял курс на борьбу с колониализмом и неоколониализмом, поддержку национально-освободительных движений.

В условиях острой борьбы с внутренней реакцией и противодействия постоянному нажиму со стороны империализма стоящая у власти в стране революционная демократия опирается на сомалийских трудящихся, находит действительную всестороннюю поддержку со стороны стран социалистического содружества, международного рабочего и национально-освободительного движения.

Начало советско-сомалийскому сотрудничеству было положено Соглашением об экономическом и техническом сотрудничестве, подписанным в июне 1961 г. В 60-е годы при содействии Советского Союза был построен ряд промышленных предприятий, ставших сердцевиной государственного сектора страны. Члены нашей экспедиции посетили их и отметили высокий дух дружбы и сотрудничества, установившийся между коллективами сомалийских и советских сотрудников, работавших на этих предприятиях. Большим вкладом в социально-экономическое развитие Сомали явилась подготовка сомалийских национальных кадров, осуществлявшаяся как в Советском Союзе, так и непосредственно на строительных площадках с помощью советских специалистов. Значительный вклад в развитие Сомали внесли советские педагоги, врачи и технические специалисты. О некоторых из них рассказывается в этой книге.

Примером крепнувшего сотрудничества в области науки и культуры стала и описываемая в книге советско-сомалийская экспедиция.

Автору этих строк довелось принимать участие в экспедиции и, кроме того, впоследствии еще дважды, в 1973 и 1974 гг., посетить Сомали. В период полевых работ экспедиции он находился в «южной» ее группе, воссоединившейся с «северной» в ноябре 1971 г. Затем он участвовал вместе с В. П. Городновым в описанных в книге второй поездке в знаменитый Талех и опасном путешествии на полицейской авиатке в Эйль.

Надо сказать, что все население страны прекрасно осведомлено о широком антиимпериалистическом и антиколониальном движении дервишей, которое возглавлял народный герой Сомали сеид Мохаммед Абдулла Хасап. Правда, далеко не все сомалийцы считают его героем, поскольку во имя общих идеалов борьбы с колонизаторами он иногда прибегал к жестоким, а порой и неоправданным методам подавления и уничтожения инакомыслящих земляков и их семей. Тем не менее в истории освободительного движения народа Сомали события, связанные с именем сеида Мохаммеда, занимают особое, выдающееся место, а он сам, одаренный оратор и проповедник, крупный полководец и дипломат, талантливый поэт и мыслитель, вызывает к себе уважение. Конечно, английским и итальянским колонизаторам Сомали проще всего было называть его «безумным муллой», но когда дело дошло до активных военных и политических действий, этот «безумец» выиграл не одну кампанию у генералов, кончавших сандхерсты, и не одну дипломатическую игру у искушенных дипломатов, имевших за плечами Кембридж и Оксфорд.

Поэтому не удивительно, что в Могадишо сейчас сооружается памятник сеиду Мохаммеду. На высоком каменном постаменте в форме крепостного вала Талеха, внутри которого разместился музей народно-освободительного движения 1899—1920 гг., будет стоять конь с всадником — предводителем дервишей.

В свое время, по окончании полевых работ нашей совместной экспедиции, ее члены подготовили ряд рекомендаций сомалийскому правительству по увековечению памяти сеида Мохаммеда, среди которых было и предложение об организации музея. Поэтому участники экспедиции считают, что они внесли свою скромную лепту в создание музея.

Кроме вопросов, относящихся к истории, экспедиция изучала и современные социально-экономические и политические проблемы страны. Было собрано много статистических и фактических данных, материалов социологического характера, записаны беседы с лицами разного социального происхождения, положения, возраста и профессии. Материалы полевых наблюдений были обработаны и нашли отражение в статьях и двух крупных монографиях*.

Период, прошедший после окончания работы экспедиции в Сомали, показал, что основные выводы участников экспедиции относительно процессов, происходящих в стране, отражают реально объективную действительность и дают верный прогноз направления развивающихся событий и тенденций.

Е. Шерр

* «Ученые записки советско-сомалийской экспедиции», М., 1974; Ф. С. Шерр, Сомали в борьбе за социалистическую ориентацию, М., 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

Экспедиция приступает к работе	3
Десять лет спустя... в Могадишо	11
В Харгейсе	34
По сомалийским дорогам	40
Места былых сражений	52
Гарадаг и пещеры Эль-Афуэйны	57
Дервиши из Эригаво	65
Через пустыню к Талеху	76
Талех — столица повстанцев	79
Сомалийские кочевники	84
Верный соратник сеида Мохаммеда	91
Праздник в Харгейсе	97
Снова в Талех	101
Бербера — морские ворота Сомали	105
На северо-западе	109
Зейла	120
Рискованный полет в Эйль	126
Е. Шерр. От «дервишизма» к социалистической ориентации	138

Валентин Петрович Городнов
Александр Владимирович Никифоров

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАЛЕХ

Утверждено к печати

Редколлегией серии «Путешествия по странам Востока»

Редактор *Р. М. Солодовник*. Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *А. В. Озеревская*. Художественный редак-
тор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Е. Синенко*. Кор-
ректоры *Р. Ш. Чемерис* и *И. В. Чупрова*

Сдано в набор 24/XI 1975 г. Подписано к печати 26/III 1976 г

А-066538. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1

Печ. л 4,5. Усл. п. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,99.

Тираж 15000 экз. Изд. № 3788. Зак. № 923. Цена 27 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3 я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 27 коп.